

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5113 (print)

2025 / № 1

ISSN 2949-5105 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Психологические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки); 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychology" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" on the following scientific specialties: 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences); 5.3.3. Labor psychology, human engineering, cognitive ergonomics (psychological sciences); 5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment (psychological sciences); 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2949-5113 (print)

2025 / № 1

ISSN 2949-5105 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки»:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. — д-р психол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. — д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. — к. психол. н., доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Иванников В. А. — академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карабанова О. А. — д-р психол. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Карри К. — д-р психол. наук, Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. — д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. — д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения

Митина Л. М. — д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. — д-р психол. наук, профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Утлик Э. П. — д-р психол. наук, проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. — д-р ист. наук, проф., Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова

Шнейдер Л. Б. — д-р психол. наук, проф., Московский педагогический государственный университет

Эрнер И. — д-р психол. наук, проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2949-5113 (print)

ISSN 2949-5105 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.psymgou.ru

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. — 2025. — № 1. — 162 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.psymgou.ru

Founder of journal
“Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences”
Federal State University of Education

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

O. A. Karabanova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Federal State University of Education

L. M. Mitina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Salem State University (Massachusetts, USA)

E. P. Utlik – Dr. Sci. (Psychology), Prof., State University of Management

M. V. Firsov – Dr. Sci. (History), Prof., I. M. Sechenov First Moscow State Medical University

L. B. Shneider – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Moscow State Pedagogical University (Moscow)

I. Earner – PhD in Psychology, Prof., City University of New York (USA)

ISSN 2949-5113 (print)

ISSN 2949-5105 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The journal “Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences” is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73333).

Index of series “Psychology” according to the Union catalog “Press of Russia” 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries “eLibrary” (www.elibrary.ru) and “CyberLeninka” (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site: www.psymgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers.

The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences. – 2025. – no. 1. – 162 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A build. 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.psymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Подзорова Е. Л.* Обретая символ: обзор исследований символа
и символизации в детской психологии 6
- Рощупкина О. А., Михайлова И. В.* Взаимосвязь характеристик
экзистенциальной исполненности смысла жизни с профилем самоактуализации
и личностной идентичностью 23

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Егорова А. И., Елисеева Н. Д., Осипова Г. С.* Взаимосвязь межэтнического
отношения, социальной дистанции коренных народов Якутии
к мигрантам (киргизам) 38
- Руонала Л. А., Миронова О. И.* Личностные факторы успешной социально-
психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами 50
- Токарская Л. В., Демченко Е. Е., Горбунов А. М.* Исследование жизнестойкости
и самоотношения у людей с инвалидностью в зрелом возрасте 64

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

- Авакян И. Б.* Педагогический консерватизм как механизм
психологической защиты преподавателя вуза 79
- Бершедова Л. И., Морозова Т. Ю.* Совладающее поведение выпускников
школ в ситуации самоопределения 92
- Проект Ю. Л., Спасская Е. Б.* Вовлечённость в использование мобильных
устройств как фактор восприятия подростками возможностей
искусственного интеллекта 109
- Чернова М. В., Рябцев М. С., Печеркина А. А.* Рассмотрение понятия
«одарённости» в специфике работы с одарёнными подростками 129

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

- Демиденко Н. Н., Константинова С. С.* Актуальные проблемы
трудовой деятельности современных предпринимателей 148

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- E. Podzorova.* By Acquiring a Symbol: a Review of Studies of Symbol and Symbolization in Child Psychology 6
- O. Roshchupkina, I. Mikhailova.* The Relationship Between the Characteristics of Existential Fulfillment of the Meaning of Life and the Profile of Self-Actualization and Personal Identity 23

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

- A. Egorova, N. Eliseeva, G. Osipova.* Interrelation of Interethnic Relations, Social Distance of The Indigenous Peoples of Yakutia to the of Migrants (Kyrgyz) 38
- L. Ruonala, O. Mironova.* Personal Factors of Successful Socio-Psychological Adaptation of Women Who Married Foreigners. 50
- L. Tokarskaya, Ye. Demchenko, A. Gorbunov.* A Study o Hardiness and Self-Attitude in People with Disabilities in Adultry Age. 64

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

- I. Avakyan.* Pedagogical Conservatism as a Mechanism of Psychological Defense of a Higher Education Institution Teacher 79
- L. Bershedova, T. Morozova.* Coping Behavior of School Graduates as a Condition for Overcoming the Difficulties of the Situation of Self-Determination 92
- Yu. Proekt, E. Spasskaya.* Involvement in the Use of Mobile Devices as a Factor in Adolescents' Perception of Artificial Intelligence Capabilities 109
- M. Chernova1, M. Ryabtsev, A. Pecherkina.* Consideration of the Concept of "Giftedness" in the Specifics of Working with Gifted Adolescents 129

LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, COGNITIVE ERGONOMICS

- N. Demidenko, S. Konstantinova.* Actual Problems of Labor Activity of Modern Entrepreneurs 148

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.922

DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-6-22

ОБРЕТАЯ СИМВОЛ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ СИМВОЛА И СИМВОЛИЗАЦИИ В ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Подзорова Е. Л.

Московский международный университет, 125040, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 17,
Российская Федерация; e-mail: Elena7772@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.07.2024

После доработки 21.10.2024

Принята к публикации 22.10.2024

Аннотация

Цель. Анализ наиболее значимых теоретико-экспериментальных исследований символа и символизации в отечественной и зарубежной детской психологии.

Процедура и методы. Анализ осуществлялся в рамках методологии деятельностного подхода в психологии, а также культурно-исторической концепции. Материалом для анализа и обобщения выступили психологические исследования, посвящённые проблеме символизации в разные периоды детства, раскрытию возможностей и функций символа в различных сферах личности детей.

Результаты. Выявлена возрастная динамика развития способности к символизации, показано, что периодом начала становления способности к символизации является уже ранний возраст. На протяжении последующих периодов прослеживаются качественные изменения в способности детей ориентироваться на символ. Показано, что потенциалы символа как средства развития познавательной, социальной и эмоциональной сфер личности детей намного превышают потенциалы знака.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал по проблеме символизации в детской психологии. Подчёркивается необходимость включения работы с символом в комплексную психолого-педагогическую работу с детьми.

Ключевые слова: символ, знак, символизация, символические средства, смысл

Для цитирования: Подзорова Е. Л. Обретая символ: обзор исследований символа и символизации в детской психологии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 1. С. 6–22. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-6-22

Original research article

BY ACQUIRING A SYMBOL: A REVIEW OF STUDIES OF SYMBOL AND SYMBOLIZATION IN CHILD PSYCHOLOGY

E. Podzorova

*Moscow international university, Leningradsky pr-t, 13, Moscow, 125040, Russian Federation;
e-mail: Elena7772@yandex.ru*

Received by the editorial office 14.07.2024

Revised by the author 21.10.2024

Accepted for publication 22.10.2024

Abstract

Aim. Analysis of the most significant theoretical and experimental studies of symbolism and symbolization in domestic and foreign child psychology.

Methodology. The analysis was carried out within the framework of the methodology of the activity approach in psychology, as well as the cultural and historical concept. The material for analysis and generalization was psychological research devoted to the problem of symbolization in different periods of childhood, the disclosure of the possibilities and functions of the symbol in various spheres of children's personality.

Results. The age dynamics of the development of the ability to symbolize is revealed, it is shown that the period of the beginning of the formation of the ability to symbolize is already an early age. Over the following periods, qualitative changes in the ability of children to navigate the symbol are traced. It is shown that the potentials of the symbol as a means of developing the cognitive, social and emotional spheres of children's personality far exceed the potentials of the sign.

Research implications. The material on the problem of symbolization in child psychology is summarized. The need to include work with the symbol in complex psychological and pedagogical work with children is emphasized.

Keywords: symbol, sign, symbolization, symbolic means, meaning

For citation: Podzorova E. L. By acquiring a symbol: a review of studies of symbol and symbolization in child psychology // Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2025, no. 1, pp. 6–22. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-6-22

Введение

В настоящее время как в отечественной, так и в зарубежной психологии отмечается рост интереса к проблеме символизации у детей. Исследуется вопрос об использовании детьми символов для решения различного рода

задач, т. е. использование символов в качестве средств. При этом очень часто наблюдается неоправданное объединение таких понятий, как «символ» и «знак». И тогда, как правило, происходит сведение символических средств к знаковым. Однако есть достаточно

много работ, особенно в отечественной детской психологии, где теоретически и эмпирически доказано, что символические средства имеют свою специфику в отличие от знаковых. Они выступают в качестве особых средств в познавательной и поведенческой сфере личности детей [4; 10; 14], выполняют функцию средств развития ценностно-смысловой сферы [11; 17]. В связи с этим представляется важным проанализировать и обобщить опыт исследований специфики символических средств в области детской психологии на современном этапе. Показать, что дальнейшее изучение проблемы знаково-символических средств, поставленной ещё Л. С. Выготским, не может проводиться без чёткого разделения таких средств на «знаковые» и «символические».

Обращаясь к исследованиям Л. С. Выготского о знаково-символической функции и знаково-символических средствах, уже можно заметить, что символические и знаковые средства не идентичны. Так, Л. С. Выготский, говорит о том, что культурные знаки служат орудиями и способствуют формированию внутреннего мира субъекта, единицами которого выступают значения и смыслы. Значения – как обобщения, когнитивные компоненты сознания, а смыслы – аффективно-мотивационные компоненты [8]. Именно здесь усматриваются различия знака и символа. Когда содержанием знака выступает значение, а символа – смысл. Однако напрямую Выготский об этом не говорит и не даёт в своих работах чётких определений знака и символа, не сравнивает их и не разводит в достаточной степени. По мнению А. В. Крейцера, он и не может этого

сделать по некоторым идеологическим требованиям того времени, но рассматривает знак, как производное от символа, т. е. для целей практического, «инструментального» рассмотрения знака и символа Л. С. Выготский «приземляет» символ [8], сводит его к знаку, наделяя при этом более широкими значениями, близкими к символу.

Такая традиция – рассматривать символ и знак вместе – сохранялась в психологии довольно длительное время, до тех пор, пока на отечественную психологию и философию не перестала оказывать сильное давление материалистическая идеология, и не появилась возможность рассматривать символ с идеалистических, «трансцендентных» позиций. Здесь большое влияние на психологию символа и символических средств оказала философия (А. Ф. Лосев, Н. В. Кулагина и др.) и отчасти филология (П. Я. Пропп). Обращаясь к данным учёных-представителей этих наук, стало возможным переосмысление понятия «символ» и его значения в развитии психики человека. Психологическое понимание символа стало обогащаться, что, в свою очередь, позволило отдельно изучать символические средства психического развития ребёнка и знаковые.

Если обратиться к истории изучения символа в зарубежной психологии, то здесь можно выделить два направления – это психоаналитическое и генетическое, представленное работами Ж. Пиаже и его последователей. В целом психоаналитическое направление занимается больше трактовкой и интерпретацией символов, поиском причин возникновения тех или иных символов, например, в сновидениях. Важным достижением в области ис-

следования символов здесь можно назвать различные классификации, которые в своё время предлагали З. Фрейд, К. Г. Юнг, Э. Фром и др. В частности, были выделены коллективные/универсальные (одинаково воспринимаемые людьми) и индивидуальные/случайные символы (возникающие у конкретного человека). В психоаналитической трактовке символ не является средством развития человека, психики ребёнка в отличие от понимания символа в генетической психологии Ж. Пиаже. Его трактовка символа близка, по сути, к трактовке Л. С. Выготского. В той части, где символ является средством развития ребёнка и даже этапом психического развития. Но здесь же общее и заканчивается, поскольку для Выготского и Пиаже механизмы формирования символа, его функции и возраст возникновения принципиально отличны и даже противоположны. В частности, для Ж. Пиаже символ является изначально тем, что ребёнок создаёт самостоятельно, не опираясь на социальный опыт, а для Л. С. Выготского знаки и символы по природе своей изначально социальны и лишь постепенно присваиваются ребёнком, становясь личным достоянием. Ж. Пиаже считает, что символы первичны по отношению к знакам и появляются в онтогенезе раньше, являясь всегда индивидуальными для каждого ребёнка. Знаки же как раз и возникают на основе этих индивидуальных символов.

Таково было состояние проблемы в начале её разработки почти век назад. Необходимо понять, какие изменения произошли к настоящему моменту в исследованиях знаково-символической функции и знаково-символиче-

ских средствах в отечественной и зарубежной психологии.

Таким образом, целью данной работы является анализ и обобщение опыта исследований специфики символических средств в детской психологии на современном этапе. Также представляется важным показать возможности применения знаний о специфике символа и символических средств в практике образовательной и развивающей деятельности с детьми.

Для достижения поставленных целей были подвергнуты анализу психолого-педагогические исследования последних 5–10 лет (как экспериментальные, так и теоретические), посвящённые изучению специфики символов, символизации, символической функции и т. д. Однако в связи с тем, что понятие «символ» остаётся в настоящее время полисемантичным, и аппарат связанных с ним категорий продолжает расширяться, дополняться и уточняться, в обзор также были включены некоторые источники более ранних лет, помогающие лучше представить состояние проблемы, подтверждающие те или иные положения, на которые опираются современные исследования символизации и символической функции. Без данных работ психологическое понимание сущности символа, его функций и потенциалов будет неполным.

Анализ проводился в рамках методологии культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, а также деятельностного подхода в психологии. Ключевым понятием явилось положение об опосредствовании высших психических функций. Именно в рамках данной методологии возможно раскрыть все составляющие символа: мо-

тивационный компонент, смысловой, эмоционально-личностный, познавательный. А также его потенциальные возможности влиять на протекание основных высших психических функций ребёнка, и его деятельности. Символ должен анализироваться именно как средство развития психических функций ребёнка, как средство решения различного рода задач (т. е. деятельности) и развития основных сфер личности ребёнка, что и делается в данной работе.

Обзор включает 28 источников (22 на русском языке и 6 на английском). Поиск работ проводился в международных электронных базах данных (Web of Science, Scopus, EBSCOhost). Были отобраны те работы, которые велись в рамках психологии развития, возрастной, детской психологии, поскольку именно здесь можно проследить особенности развития и становления символической функции. Испытуемыми в данных исследованиях были дети различных возрастов: от раннего до подросткового. Однако большинство исследований проводились с детьми разных периодов дошкольного возраста: младшим, средним, старшим.

Специфика изучения символизации в зарубежной детской психологии

Как в отечественной, так и в западной детской психологии можно выделить два направления изучения знаково-символической функции: первое идёт по линии совместного изучения знаков и символов, не рассматривая их специфики или делая это лишь в назывном порядке. Фактически здесь символ продолжает сводиться к зна-

ку. Второе направление исследований идёт по пути выделения специфики символических средств в отличие от знаковых. Здесь выявляются специфические характеристики символа, его функции, виды, роль в развитии психики ребёнка, использование символа в качестве средства регуляции поведения, познавательной деятельности, выстраивания системы моральных ценностей и т. д.

Так, к первому направлению (наиболее разработанному) можно отнести большинство исследований в западной психологии, например, работы по изучению взаимодействия ребёнка с различными моделями, которые выступают для авторов символами реальных объектов и отношений между частями или составляющими этих объектов [24; 27]. Это называется символической репрезентацией. Также довольно много работ посвящено изучению символизации у детей посредством символов – изображений: картинок, написанных и печатных слов [23; 26].

В большинстве работ под символом понимается просто заместитель какого-либо реального объекта, а не истинный символ, содержащий и личностный смысл, и эмоциональное отношение к ситуации, и когнитивный компонент. Так, для одного из учёных, посвятивших много лет изучению символов и символизации у детей раннего и младшего дошкольного возраста, и, можно сказать, возглавившая целое направление в изучении символов в западной психологии, Дж. С. ДеЛоаш, символическое понимание – это способность понять, что один объект может заменять другой. А способность создавать и использовать широкий спектр символических представлений

позволяет нам передавать информацию от поколения к поколению. Тем самым создаётся культурно-историческая связь поколений. Также во многих своих работах она считает, что одной из самых важных линий развития ребёнка является стремление к символическому мышлению, т. е. умению понимать и использовать символизм предметов (здесь имеются ввиду символы культурно заданные).

В своих многочисленных исследованиях Дж. С. ДеЛоаш изучала понимание детьми изображений, видеоизображений, моделей реальных предметов и пространства комнаты. Где всё перечисленное представлялось именно как символические средства, с помощью которых дети (раннего и дошкольного возраста) решали различные практические задачи (например, поиск игрушки в реальной комнате по модели этой комнаты). Во всех исследованиях Дж. С. ДеЛоаш и её соавторы приходили к выводу о том, что есть определённые возрастные ограничения в возможности использования детьми символов, понимания символического значения предметов-заместителей и использование их для решения задач. И это возраст 3 года [24].

Исследования Дж. С. ДеЛоаш интересны также и тем, что их можно отнести частично и ко второму направлению исследований символов – изучению специфики символов. Когда автор показывает, что только на основе символического представления о скрытых свойствах модели (представления более высокого уровня), дети младшего дошкольного возраста могут решать задачи наглядно-образного характера. Подчёркивается, что для символической репрезентации также важную роль

играет эмоциональная составляющая (положительные эмоции в процессе выполнения задания). В эксперименте дети даже после неудачной попытки решить задачу неожиданно получали небольшой подарок, испытывая при этом положительные эмоции и далее успешно справлялись с заданием. Символ наполнялся для них эмоциональной окраской и приобретал определённый личностный смысл. И это уже свидетельствует о большем приближении изучаемого явления к истинному символу (соединяющему когнитивный и аффективный компоненты).

Развивая идеи Дж. С. ДеЛоаш о том, что дети, приобретая опыт обращения с символами, развивают готовность искать и находить символические отношения между сущностями [24], можно сказать – предвосхищают наличие символической связи, А. М. Сальса и Р. А. Вивальди показывают, что в этом процессе главное место необходимо отвести социальному фактору. В исследовании этот фактор был представлен умением детей понимать или «читать намерение» [26] взрослых из ближайшего социального окружения ребёнка. Важным в данном исследовании является также то, что авторы говорят о двойственной природе символа, т. е. это и сам по себе объект, предмет, картинка и передающий определённый смысл из «другой реальности» [26]. Понимание этой двойственности – это длительный и сложный процесс развития, который определяют ряд факторов. По мнению авторов, со ссылкой на Дж. С. ДеЛоаш, это перцептивные, когнитивные и социально-когнитивные факторы.

Другие исследователи символической репрезентации у детей 3–4 лет

[23] показывают, что для успешного решения практической задачи дети должны понимать, что символ имеет общее абстрактное значение, которое является неизменным и не зависит от того, с каким реальным объектом по-является символ. В качестве символов они использовали напечатанные слова, обозначающие конкретные объекты и их изображения.

К. Дж. Шихан, Б. Фергюсон, К. Мсолл, Д. Х. Уттал, также изучая символизацию посредством модели комнаты, пришли к выводу, что для улучшения результатов необходимо отвлекать детей от детализации модели, чтобы лишние частные признаки не учитывались, а модель рассматривалась больше не как объект, а как символ реальной комнаты. Для этого нужно было просто о них забыть. Так было показано, что при максимальном временном интервале между восприятием модели и выполнением задания по поиску игрушки в реальной комнате, составляющем 24 часа, результаты будут наилучшими [27]. Таким образом, здесь утверждается обобщённость символа, его образная основа, подчёркивающая его отнесённость к познавательной, когнитивной сфере.

Эти исследования показывают, что под символами продолжает пониматься заместитель, обозначаемое, т. е. просто знак, хотя и сложный (изображение, напечатанное слово и т. д.).

Также стоит заметить, что авторы вышеперечисленных исследований не говорят об эмоциональном факторе, который в символизации, по мнению многих философов и психологов, имеет ключевое значение, поскольку смысл – это прежде всего личностно значимый смысл, пережитый и про-

чувствованный. В связи с этим можно сказать, что исследуемые символические средства больше приближены к знаковым, а передаваемый ими смысл к значению.

Эмоциональный компонент символизации признаётся в одном из исследований Дж. С. ДеЛоаш, а также в исследовании К. Д. Валлоттон и К. С. Аюб. Ссылаясь на работы Л. С. Выготского, они пишут об очевидности связи между способностью использовать символы и развитием социально-эмоциональных навыков у детей дошкольного возраста. Речь идёт о прогностических возможностях. Результаты лонгитюдного исследования семей с детьми от года до 3-х лет показали, что к концу раннего возраста возрастает умение детей проигрывать различные «социально-эмоциональные понятия» с помощью символических жестов и слов, что влияет на лучшее овладение навыками социального взаимодействия с другими людьми в дальнейшем. Авторы вводят понятие «символические навыки», т. е. навыки символизации, и говорят о том, что они являются интеллектуальными инструментами или средствами и помогают детям лучше понимать мир социальных взаимоотношений [28].

Также в западной психологии есть ряд исследований символизации в контексте изучения такого понятия, как «исполнительное функционирование», определяемое как способность сохранять внимание к цели деятельности, подавлять неадекватные реакции, а также задействовать рабочую память, манипулировать информацией.

Исследования показывают, что ориентация на символы (изображения конфект) облегчает детям решение задач на

«исполнительное функционирование», поскольку позволяет легче дистанцироваться по сравнению с использованием реальных предметов [25].

Таким образом, проведя данный анализ зарубежных психологических исследований символизации, наиболее близких к пониманию своеобразия символа, можно говорить о том, что возрастом начала становления способности к символизации является ранний возраст. Здесь символы уже выступают средствами развития познавательной и социальной сфер личности. Они позволяют детям раннего и дошкольного возраста лучше справляться с различными интеллектуальными заданиями и заданиями коммуникативного характера. Способствуют развитию таких познавательных процессов, как восприятие и мышление, а также улучшают произвольность этих процессов.

Специфика изучения символизации в отечественной детской психологии

В отечественной психологии первое направление исследований знаково-символической функции также достаточно разработано, но такие исследования относятся к более раннему периоду – середине и концу прошлого столетия. В последнее же время большинство учёных идут по пути чётко разделения функций символа и знака и даже если они изучаются в рамках одного исследования, то не совместно, а в своей специфике. Это можно связать с тем, что отечественная психология символа больше основывалась на достижениях философии, чем западная. Поскольку взяла оттуда самое главное

отличие символа от знака – это его побуждающий, эмоциональный характер. Символ – это смысл (динамичный, эмоционально окрашенный, личностно значимый), знак – значение (однозначное, общее для всех). Среди первых наиболее важных психологических работ, направленных на выявление специфики символа, можно назвать работы О. М. Дьяченко, Б. Д. Эльконина, Н. Г. Салминой, Н. Е. Вераксы и др. В этих работах было представлено специфическое содержание символов и символических средств, их функции в развитии и становлении психики детей, выявлена возрастная специфика символизации и т. д. Работы этих авторов вывели исследования символов на новый качественный уровень, задали новые векторы их развития. В связи с этим в настоящее время исследования символизации могут проводиться в различных областях психологии с опорой на культурно-историческую парадигму.

Так, всё чаще к использованию символических средств и символической деятельности обращаются в нейропсихологии. Здесь разработаны диагностические и развивающие программы для детей школьного возраста. А. В. Цветков находит связь между низким уровнем символической деятельности и другими нейропсихологическими трудностями у детей [20]. А. В. Цветков, используя в качестве символов образы-представления, раскрывает возможности использования символов для развития воображения, произвольности и саморегуляции поведения, эмоциональной, мотивационной сферы [20].

С. Н. Перегуда также говорит о необходимости изучения возможностей

использования символа и знаково-символической деятельности в нейрорепсихологической коррекции. Автор развивает идею о специфике символа и знака. Главным отличием символа от знака он считает «жесткость связи с предметной реальностью, трудно поддающаяся изменениям у знака и опирающаяся на широкое смысловое поле, допускающее множественное толкование, и поиск нестандартных, но внутренне логичных связей у символа» [13, с. 89]. Он приходит к выводу о том, что можно улучшить коррекционный процесс за счёт работы со «смыслами» при задействовании эмоций и специальных символических жестов. Символ как средство становится одной из ключевых категорий в «смысловой нейрорепсихологии» [13]. Он представляется как некая поведенческая схема, а сама коррекционная работа через символ может быть построена на основе ряда принципов: 1. Коррекция психических функций происходит через опосредствование символом психических процессов и компонентов образа представления с выстраиванием смысла; 2. Коррекция за счёт неопределённости символа. 3. Коррекция с позиции системы «вознаграждения-избегания» [12], поскольку, с точки зрения автора, именно эта система «является одной из центральных касаясь смыслопорождения» за счёт оптимального перераспределения психического тонуса в эмоционально-волевой сфере [13, с. 97].

Другое направление исследований символа в современной отечественной психологии представлено работами, направленными на конкретизацию самого понятия символ и символические средства, поскольку до сих пор нет

единого психологического определения данных понятий.

Так, Н. Г. Салмина, Е. В. Звонова и А. Э. Цукарзи говорят о «символической функции сознания как об условии существования самого сознания» [18, с. 140]. Выделяя ряд моделей сознания, они показывают, что изучение символов необходимо осуществлять в рамках процессуальной модели сознания, показывая их преобразования, изменения, движение от знака к символу через приобретение новых смыслов, наличие которых и отличает символы от знаков [18]. А. М. Поляков предлагает использовать специальную методику изучения развития символической функции сознания. При этом он ставит во главу угла возможности символа выступать средством субъект-субъектных отношений [15; 16]. Автор выявляет возрастную динамику в развитии символической функции сознания, которое идёт «в направлении от осознания его внешней, чувственно представленной формы к осознанию его внутреннего многогранного смыслового содержания» [15, с. 65]. Определяет последовательные стадии развития символической функции сознания: «порождение и реализация замысла, преобразование символической формы, осознание антиномичности символа, интерпретация символа» [15, с. 59]. Также автор показывает, что существует зависимость между совместным со сверстником выполнением задания и качеством выполнения задания в младшем школьном и подростковом возрастах.

Есть ряд исследований, где символ изучается как средство познавательной деятельности. Так, А. Н. Веракса показывает, что символ помогает

ребёнку справляться с заданиями в случае, когда возникают трудности с использованием знаковых средств. Исследования данного автора показывают, что символ – это средство особого типа мышления – диалектического [4; 6]. Поскольку диалектическое мышление оперирует «отношениями противоположности, то есть взаимоисключающими свойствами ситуаций», а символическая репрезентация включает противоположные свойства, куда входят и состояния самого субъекта, и способы познания, и свойства ситуации [4]. Посредством символов диалектическое мышление становится доступным дошкольникам наряду с наглядно-образным. Причём в исследовании Е. В. Коконцевой показано отсутствие статистически значимой связи между развитием этих двух типов мышления и связи между развитием наглядно-образного мышления и символического опосредствования у старших дошкольников [7]. В другом исследовании [5] проводится сравнение символического опосредствования в познавательной деятельности старших дошкольников и младших школьников. Авторы говорят о качественном своеобразии символического опосредствования у детей данных возрастов. Так, у детей старшего дошкольного возраста была выявлена «субъективная, эмоциональная» символизация – «ориентированная на символизацию отношения к ситуации» [5], а у младших школьников символизация «объективная», имеющая познавательную направленность. Она включается «в состав механизмов творчества, обеспечивающих ориентировку в ситуации неопределённости» [5]. Объясняется такое своеобразие различными веду-

щими деятельностями в данных возрастах.

О ведущей роли символов в творческой деятельности пишут ряд авторов [3; 10; 21]. Так, В. В. Брофман вводит понятие «авторский символ» – средство преодоления детьми неопределённости и неожиданности ситуаций, обращение к нему при решении открытых творческих задач (наряду с освоением некоторых других средств) обеспечивает «большую психологическую готовность к неожиданности и изменениям и тем самым большую открытость к непредсказуемости будущего и одновременно его планирования» [3, с. 38]. Е. А. Неустроева также подчёркивает возможности символа становиться средством решения задач «с высоким коэффициентом неопределённости» в творчестве. В таком символе на первое место выходит эмоциональный компонент: эмоции его порождают и находят своё проявление [10]. О. Г. Шиян также говорит о том, что символ является средством развития и реализации творческих способностей детей [21; 22].

Определяя специфику символа, необходимо упомянуть о существовании такого понятия, как образно-символическое мышление, представляющее собой процесс и «результат смыслопреобразующей деятельности как деятельности субъекта по преобразованию «обыденного мира» и как результат, включение его в пространство иного качества – «бытийное пространство»» [17, с. 39]. По мнению Л. Т. Потаниной, существование образно-символического мышления обусловлено «единством интеллектуального, эмоционального и поведенческого компонентов, реализуемых

в целостной личности» [17, с. 38]. Соответственно, символ является одним из средств такого мышления. А само образно-символическое мышление выступает, в частности, эффективным средством развития ценностно-смысловой сферы школьников.

Значимую роль символических средств в развитии ценностно-смысловой сферы подчёркивают многие исследователи [9; 11]. Так, было показано, что символ играет решающую роль в освоении этических понятий, которые являются психологическими орудиями нравственного развития личности [11]. И. А. Бурлакова и Т. А. Лебедева доказывают, что «символические обозначения ценностно-смысловых категорий отражают их содержание, смысл для ребёнка» [9, с. 8] и выявляют некоторые возрастные закономерности в использовании индивидуальных и культурных символов. Так, на протяжении дошкольного возраста меняется преимущественная ориентация на эти виды символов от изначального преобладания ориентации на культурные символы к ориентации в старшем дошкольном возрасте преимущественно на индивидуальные [9]. Л. Ф. Баянова пишет, о том, что посредством символизации происходит процесс трансляции культурных норм и их переход в обращённое к ребёнку правило [1; 2].

Ещё сферами, где символ выступает в качестве средства, являются мотивационная сфера и сфера поведения детей. Здесь необходимо помнить о том, что в символе важной составляющей является его способность к побуждению, основанная на эмоциональном отношении к ситуации, закрепляющемся в символе. В качестве примера можно привести исследования эмоци-

онального предвосхищения на основе образа и образной природы символа [14]. В нашем исследовании было показано, что восприятие ребёнком-дошкольником символа определённой, эмоционально окрашенной ситуации решения познавательных задач, приводит к предвосхищению им своей результативности в ситуациях решения других познавательных задач (например, к отказу). Особенно это проявляется в старшем дошкольном возрасте [14]. Здесь также раскрывается и такая характеристика символа, как опосредствование переживаний, что не доступно знаку.

Более подробно о данной характеристике символа пишет Н. А. Фёдоров, раскрывая в этой связи другие потенциалы символа для психологических исследований. К таким потенциалам Н. А. Фёдоров относит: экзистенциальность символа; интеграционные возможности символа (сочетания явного и латентного); пластичность символа («возможность вместить смысловую бесконечность в замкнутую форму»); «заданность смыслов символа как динамической тенденции (а не как наличности в готовом виде)»; «трансцендентно-смысловые ресурсы символа, позволяющие человеку преодолевать зависимость от наличной ситуации, выходя в пространство индивидуальных и надиндивидуальных бытийных смыслов и осуществляя собственно человеческую идентичность» [19, с. 29].

Таким образом, мы видим, что возможности символа как средства весьма обширны. Включая в себя познавательную и эмоциональную характеристики различных ситуаций, символ выступает средством смыслопорождения и способности проникать в смыслы раз-

личных задач, когда их выполнение не может быть осуществлено в плоскости знаков (ситуации неопределённости, творческие задачи, задачи на социальное взаимодействие). А также встраивается в структуру мотивации деятельности.

Также, проанализировав результаты исследований отечественных и зарубежных авторов, можно выявить возрастную динамику развития способности к символизации от раннего возраста до подросткового.

Так, в раннем возрасте у детей только зарождается данная способность. Дети могут с помощью символов решать практические наглядно-действенные задачи (по данным западных исследователей).

В младшем дошкольном возрасте, используя преимущественно культурные символы, дети начинают решать уже задачи образного характера, но при этом эмоционально-образное предвосхищение (на основе символа) ещё не является достаточно эффективным.

Средний дошкольный возраст можно считать переходным от преимущественного использования культурных символов к индивидуальным, а также периодом увеличения эффективности ориентировки на символ при осуществлении эмоционально-образного предвосхищения.

Старший дошкольный возраст можно считать периодом преимущественного использования детьми индивидуальных символов для решения различного рода задач (познавательных, морально-нравственных). Символизация носит эмоциональный, субъективный характер и в полной мере используется в качестве основы

эмоционально-образного предвосхищения результатов познавательной деятельности.

Младший школьный возраст выступает периодом, когда символизация становится «объективной», в меньшей степени эмоциональной и направлена в основном на решение творческих и познавательных задач. Это, в частности, связано с доступностью осознания детьми внешней, чувственной формы символа. Данное осознание в большей степени становится доступным во взаимодействии со сверстником.

Подростковый возраст характеризуется дальнейшим развитием способности к символизации и отличается способностью осознавать внутреннее смысловое содержание символической реальности. Здесь также большей эффективности способствует взаимодействие и общение со сверстником.

Данная возрастная динамика развития способности к символизации соответствует основным положениям деятельностного подхода в отечественной психологии, когда разному периоду детства соответствует разный тип ведущей деятельности и ведущая высшая психическая функция.

Таким образом, рассматривая символизацию и символ в качестве средства с позиций культурно-исторической психологии и деятельностного подхода, можно сказать, что он функционирует на протяжении всего онтогенеза психики, но на разных уровнях и в разном качестве, а ориентация на него ребёнком осуществляется в зависимости от возрастных возможностей.

В связи с этим, обретая символ, научившись использовать его потенциалы, психолог или педагог получают дополнительную возможность осу-

ществлять диагностику актуального развития, работать в зоне ближайшего развития ребёнка.

Заключение

Подводя итог обзору психологических исследований в области символов и символизации, можно сделать вывод о том, что проблема по-прежнему остаётся очень актуальной во многих областях психологии. Анализ отечественных и зарубежных психологических исследований, наиболее близких к пониманию своеобразия символа, показал, что символы выступают средствами в познавательного и социального, морально-нравственного развития личности ребёнка. Они позволяют детям разных возрастных периодов лучше справляться с познавательными заданиями и заданиями коммуникативного характера в соответствии

с развитием высших психических функций (восприятие и наглядно-действенное мышление в раннем возрасте, наглядно-образное мышление в дошкольном и т. д.), а также в соответствии с ведущим типом деятельности. Способствуют развитию произвольности. Цели, поставленные в этой работе, достигнуты. Показаны особенности развития способности к символизации в разные периоды детства, выделяются уровни функционирования символической функции. Описаны возможности использования символов в процессе обучения и развития познавательной, мотивационной, ценностно-смысловой, социальной сфер личности детей.

Результаты проведённого исследования также могут быть полезны для работы практикующих психологов и педагогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баянова Л. Ф. О психологическом изучении взаимодействия ребёнка и культурного правила // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2014. № 2. С. 8–9.
2. Баянова Л. Ф., Веракса А. Н., Попова Р. Р. О регуляторных функциях дошкольников в контексте нормативной ситуации // Современное дошкольное образование. 2018. № 5 (87). С. 4–15. DOI:10.24411/1997-9657-2018-00017.
3. Брофман В. В., Мастеров Б. М., Текоева З. С. Терапия развитием: опосредствование и окно детских возможностей // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2022. № 4 (112). С. 32–49. DOI:10.24412/2782-4519-2022-4112-32-49.
4. Веракса А. Н. Развитие символизации в детском возрасте и диалектическое мышление // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 3 (33). С. 298–302.
5. Веракса А. Н., Якупова В. А., Мартыненко М. Символическое опосредствование в познавательной деятельности детей при освоении нового содержания (на примере физических явлений) // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2015. № 3–4. С. 176.
6. Веракса Н. Е. Диалектическое мышление: логика и психология // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 3. С. 4–12. DOI:10.17759/chp.2019150301.
7. Коконцева Е. В. Взаимосвязь развития наглядно-образного мышления, способности к символическому опосредствованию и диалектического мышления у детей старшего дошкольного возраста // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2014. № 2. С. 114.
8. Крейцер А. В. Л. С. Выготский: знак против символа // Universum: Вестник Герценовского университета. 2011. № 11. С. 79–82.

9. Лебедева Т. А. Символ как средство развития ценностно-смысловых представлений дошкольников // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 3. № 2. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n2/41674.shtml (дата обращения: 12.03.2022).
10. Неустроева Е. А. Использование символического потенциала скульптуры в контексте развития творческих способностей детей дошкольного возраста // Педагогика искусства. 2014. № 2. С. 96–100.
11. Овчарова Р. В., Мельникова Н. В. Нравственное развитие ребёнка в дошкольном возрасте на основе освоения базисных этических понятий // Вестник Курганского государственного университета. 2010. № 2 (18). С. 26–30.
12. Перегуда С. Н. Символ и смысл как основа нейropsychологической коррекции // Научный журнал. 2019. № 4 (38). С. 89–101.
13. Перегуда С. Н., Реброва Е. А. Схема проведения коррекционно-развивающего занятия в смысловой нейropsychологии // Научный журнал. 2020. № 1 (46). С. 76–79.
14. Подзорова Е. Л. Исследование особенностей эмоционально-образного предвосхищения в дошкольном возрасте при решении познавательных заданий // Психологическая наука и образование. 2007. Т. 12. № 5. С. 182–192.
15. Поляков А. М. Методика изучения развития символической функции сознания // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 59–68. DOI:10.17759/chp.2016120206.
16. Поляков А. М. Развитие сознания в контексте проблемы знакового и символического опосредствования // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 2. С. 4–12. DOI:10.17759/chp.202218020.
17. Потанина Л. Т. Образно-символическое мышление как средство развития ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 11. С. 38–43.
18. Салмина Н. Г., Звонова Е. В., Цукарзи А. Э. Символическая функция в структуре сознания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 3. С. 122–140. DOI:10.11621/vsp.2019.03.124.
19. Фёдоров Н. А. Психологические потенциалы символа // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2012. № 2. С. 24–30.
20. Цветков А. В. Символ. Обучение. Деятельность. М.: Издательство Московского государственного областного университета, 2011. 312 с.
21. Шиян О. А. Культурно-историческая традиция в исследовании и развитии творческих способностей дошкольников: детство как обещание // Современное дошкольное образование. 2021. № 3 (105). С. 4–23. DOI:10.24412/1997-9657-2021-3105-4-23.
22. Шиян О. А., Баранова А. А. Детские нарративы как пространство проявления и способ диагностики творческих способностей старших дошкольников // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 1. С. 50–59. DOI:10.17759/chp.2022180105.
23. Apperly I. A., Williams E., Williams J. Three- to Four-Year-Olds' Recognition That Symbols Have a Stable Meaning: Pictures Are Understood before Written Words // Child Development. 2004. № 5. P. 1510–1522. DOI:10.1111/j.1467-8624.2004.00754.x.
24. DeLoache J. Early Development of the Understanding and Use of Symbolic Artifacts // Wiley-Blackwell Handbook of Childhood Cognitive Development. 2010. № 1. P. 312–336. DOI:10.1002/9781444325485.ch12.
25. Eskritt M., Walsh K. Executive Functioning and External Symbols: The Role of Symbolic Understanding and Psychological Distancing // The Journal of genetic psychology. 2021. Vol. 182. № 2. P. 116–121. DOI:10.1080/00221325.2020.1869682.

26. Salsa A. M., Vivaldi R. A. Del Objeto Al Símbolo: Aspectos Cognitivos Y Sociales Del Conocimiento Infantil Sobre Las Imágenes // *Interdisciplinaria: Revista de Psicología y Ciencias Afines*. 2012. Vol. 29. № 1. P. 133–149.
27. Sheehan K. J., Ferguson B., Msall C. Forgetting and symbolic insight: Delay improves children's use of a novel symbol // *Journal of experimental child psychology*. 2020. Vol. 192. P. 104744. DOI:10.1016/j.jecp.2019.104744.
28. Vallotton C. D., Ayoub C. C. Symbols Build Communication and Thought: The Role of Gestures and Words in the Development of Engagement Skills and Social-emotional Concepts during Toddlerhood // *Social Development*. 2010. Vol. 19. № 3. P. 601–626. DOI:10.1111/j.1467-9507.2009.00549.x.

REFERENCES

1. Bayanova L. F. [On the psychological study of the interaction of a child and a cultural rule]. In: *Vospitanie i obuchenie detej mladshogo vozrasta* [Education and training of young children], 2014, no. 2, pp. 8–9.
2. Bayanova L. F., Veraksa A. N., Popova R. R. [On the regulatory functions of preschoolers in the context of a normative situation]. In: *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie* [Modern preschool education], 2018, no. 5 (87), pp. 4–15. DOI:10.24411/1997-9657-2018-00017.
3. Brofman V. V., Masterov B. M., Tekoeva Z. S. [Developmental therapy: mediation and the window of children's opportunities]. In: *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika* [Modern preschool education. Theory and practice], 2022, no. 4 (112), pp. 32–49. DOI:10.24412/2782-4519-2022-4112-32-49.
4. Veraksa A. N. [Development of symbolization in childhood and dialectical thinking]. In: *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tatar State Humanitarian and Pedagogical University], 2013, no. 3 (33), pp. 298–302.
5. Veraksa A. N., Yakupova V. A., Martynenko M. [Symbolic mediation in children's cognitive activity when mastering new content (using physical phenomena as an example)]. In: *Vospitanie i obuchenie detej mladshogo vozrasta* [Education and training of young children], 2015, no. 3–4, p. 176.
6. Veraksa N. E. [Dialectical thinking: logic and psychology]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural and historical psychology], 2019, vol. 15, no. 3, pp. 4–12. DOI:10.17759/chp.2019150301.
7. Kokonceva E. V. [The relationship between the development of visual-figurative thinking, the ability to symbolic mediation and dialectical thinking in older preschool children]. In: *Vospitanie i obuchenie detej mladshogo vozrasta* [Education and training of young children], 2014, no. 2, p. 114.
8. Krejcer A. V. [L. S. Vygotsky: sign versus symbol]. In: *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta* [Universum: Bulletin of Herzen University], 2011, no. 11, pp. 79–82.
9. Lebedeva T. A. [Symbol as a means of developing value-semantic representations of preschoolers]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2011, vol. 3, no. 2. Available at: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n2/41674.shtml (accessed: 12.03.2022).
10. Neustroeva E. A. [Using the symbolic potential of sculpture in the context of developing creative abilities of preschool children]. In: *Pedagogika iskusstva* [Pedagogy of Art], 2014, no. 2, pp. 96–100.
11. Ovcharova R. V., Mel'nikova N. V. [Moral development of a child in preschool age based on mastering basic ethical concepts]. In: *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University], 2010, no. 2 (18), pp. 26–30.

12. Pereguda S. N. [Symbol and meaning as the basis for neuropsychological correction]. In: *Nauchnyj zhurnal* [Scientific journal], 2019, no. 4 (38), pp. 89–101.
13. Pereguda S. N., Rebrova E. A. [Scheme for conducting a correctional and developmental lesson in semantic neuropsychology]. In: *Nauchnyj zhurnal* [Scientific journal], 2020, no. 1 (46), pp. 76–79.
14. Podzorova E. L. [Study of the features of emotional-figurative anticipation in preschool age when solving cognitive tasks]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2007, vol. 12, no. 5, pp. 182–192.
15. Polyakov A. M. [Methodology for studying the development of the symbolic function of consciousness]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural and historical psychology], 2016, vol. 12, no. 2, pp. 59–68. DOI:10.17759/chp.2016120206.
16. Polyakov A. M. [Development of consciousness in the context of the problem of sign and symbolic mediation]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology], 2022, vol. 18, no. 2, pp. 4–12. DOI:10.17759/chp.202218020.
17. Potanina L. T. [Figurative-symbolic thinking as a means of developing the value-semantic sphere of personality]. In: *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Transbaikal State University], 2012, no. 11, pp. 38–43.
18. Salmina N. G., Zvonova E. V., Cukarzi A. E. [Symbolic function in the structure of consciousness]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2019, no. 3, pp. 122–140. DOI:10.11621/vsp.2019.03.124.
19. Fedorov N. A. [Psychological potentials of the symbol]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psihologiya»* [Bulletin of Omsk University. Series “Psychology”], 2012, no. 2, pp. 24–30.
20. Tsvetkov A. V. Simvol. Obuchenie. Deyatel'nost' [Symbol. Training. Activity]. Moscow, Publishing House of Moscow State Regional University, 2011. 312 p.
21. Shiyan O. A. [Cultural and historical tradition in the study and development of creative abilities of preschoolers: childhood as a promise]. In: *Sovremennoe doskol'noe obrazovanie* [Modern preschool education], 2021, no. 3 (105), pp. 4–23. DOI:10.244.12/1997-9657-2021-3105-4-23.
22. Shiyan O. A., Baranova A. A. [Children's narratives as a space of manifestation and a method for diagnosing creative abilities of older preschoolers]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural and Historical Psychology], 2022, vol. 18, no. 1, pp. 50–59. DOI:10.17759/chp.2022180105.
23. Apperly I. A., Williams E., Williams J. Three- to Four-Year-Olds' Recognition That Symbols Have a Stable Meaning: Pictures Are Understood before Written Words. In: *Child Development*, 2004, no. 5, pp. 1510–1522. DOI:10.1111/j.1467-8624.2004.00754.x.
24. DeLoache J. Early Development of the Understanding and Use of Symbolic Artifacts. In: *Wiley-Blackwell Handbook of Childhood Cognitive Development*, 2010, no. 1, pp. 312–336. DOI:10.1002/9781444325485.ch12.
25. Eskritt M., Walsh K. Executive Functioning and External Symbols: The Role of Symbolic Understanding and Psychological Distancing. In: *The Journal of genetic psychology*, 2021, vol. 182, no. 2, pp. 116–121. DOI:10.1080/00221325.2020.1869682.
26. Salsa A. M., Vivaldi R. A. Del Objeto Al Símbolo: Aspectos Cognitivos Y Sociales Del Conocimiento Infantil Sobre Las Imágenes. In: *Interdisciplinaria: Revista de Psicología y Ciencias Afines*, 2012, vol. 29, no. 1, pp. 133–149.
27. Sheehan K. J., Ferguson B., Msall C. Forgetting and symbolic insight: Delay improves children's use of a novel symbol. In: *Journal of experimental child psychology*, 2020, vol. 192, pp. 104744. DOI:10.1016/j.jecp.2019.104744.

28. Vallotton C. D., Ayoub C. C. Symbols Build Communication and Thought: The Role of Gestures and Words in the Development of Engagement Skills and Social-emotional Concepts during Toddlerhood. In: *Social Development*, 2010, vol. 19, no. 3, pp. 601–626. DOI:10.1111/j.1467-9507.2009.00549.x.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подзорова Елена Леонидовна (Москва) – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Московского международного университета;
e-mail: Elena7772@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0751-8649>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena L. Podzorova (Moscow) – Cand. Sci. (Psychological sciences), Assoc. Prof. of the Department of Psychology and Pedagogy of Moscow International University;
e-mail: Elena7772@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0751-8649>

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1- 23-37

ВЗАИМОСВЯЗЬ ХАРАКТЕРИСТИК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ИСПОЛНЕННОСТИ СМЫСЛА ЖИЗНИ С ПРОФИЛЕМ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ И ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Рощупкина О. А.*, Михайлова И. В.

Ульяновский государственный университет, 432000, Ульяновская область, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42, Российская Федерация; *корреспондирующий автор, e-mail: ro.art@inbox.ru

Поступила в редакцию 15.10.2024

После доработки 15.11.2024

Принята к публикации 16.11.2024

Аннотация

Цель. Теоретическое обоснование и эмпирическое подтверждение взаимосвязи экзистенциальной исполненности смысла жизни с профилем самоактуализации личности и личностной идентичностью.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 70 человек. Возраст испытуемых от 27 до 63 лет. Среди участников 52 женщины (74,3%) и 18 мужчин (25,7%). Использовались следующие методы: психодиагностические методы (методика диагностики экзистенциальной исполненности – «Шкала экзистенции, ESK». А. Лэнгле и К. Орглер в адаптации И. Н. Майниной, А. Ю. Васанова, опросник диагностики самоактуализации личности «САМОАЛ» Э. Шострома в адаптации Н. Ф. Калиной и методика исследования личностной идентичности «МИЛИ». Л. Б. Шнейдер, методы статистической обработки данных (U-критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена).

Результаты. В результате исследования были получены данные о выраженности профиля самоактуализации, общий показатель стремления к самоактуализации растёт в зависимости от уровня экзистенциальной исполненности. Также выявлены многочисленные положительные корреляционные связи характеристик экзистенциальной исполненности с профилем самоактуализации личности. Дополнительно выявлена положительная взаимосвязь показателей личностной идентичности с характеристиками экзистенциальной исполненности. Для уточнения данных был проведён анализ типов личностной идентичности в разных группах по уровню экзистенциальной исполненности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования могут быть полезны в работе практических психологов в ходе составления коррекционных программ, связанных с решением вопросов потери смысла жизни, депрессий и кризиса, неудовлетворённостью жизнью или недостаточной реализованностью себя, выявлении причины неврозов и профилактики суицидов.

Ключевые слова: личностная идентичность, самоактуализация, смысл жизни, экзистенциальная исполненность

Для цитирования: Рощупкина О. А., Михайлова И. В. Взаимосвязь характеристик экзистенциальной исполненности смысла жизни с профилем самоактуализации и личностной идентичностью // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 1. С. 23–37. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1- 23-37

Original research article

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CHARACTERISTICS OF EXISTENTIAL FULFILLMENT OF THE MEANING OF LIFE AND THE PROFILE OF SELF-ACTUALIZATION AND PERSONAL IDENTITY

O. Roshchupkina*, I. Mikhailova

*Ulyanovsk State University, ul. Lva Tolstogo, 42, Ulyanovsk, 432017, Ulyanovsk region, Russian Federation; *Corresponding author, e-mail: ro.art@inbox.ru*

Received by the editorial office 15.10.2024

Revised by the author 15.11.2024

Accepted for publication 16.11.2024

Abstract

Aim. Theoretical substantiation and empirical confirmation of the relationship between existential fulfillment of the meaning of life and the profile of self-actualization of the individual and personal identity.

Methodology. The study involved 70 people. The subjects' ages ranged from 27 to 63. There were 52 women (74.3%) and 18 men (25.7%) among the participants. The following methods were used: psychodiagnostic methods (the existential fulfillment diagnostic method – “The Existence Scale (ES)” A. Längle and K. Orgler adapted by I. N. Mainina, A. Yu. Vasanov, An Inventory for the Measurement of Self-Actualization by E. Shostrom adapted by N. F. Kalina and the method for studying personal identity “MILI”. L. B. Schneider, methods of statistical data processing (Mann-Whitney U-test and Ch. Spearman's rank correlation coefficient).

Results. The study yielded data on the expression of the self-actualization profile; the overall indicator of the desire for self-actualization increases depending on the level of existential fulfillment. Numerous positive correlations between the characteristics of existential fulfillment and the profile of self-actualization of the individual were also revealed. Additionally, a positive relationship between the indicators of personal identity and the characteristics of existential fulfillment was revealed. To clarify the data, an analysis of the types of personal identity in different groups by the level of existential fulfillment was conducted.

Research implications. The obtained results of the study can be useful in the work of practical psychologists in the course of drawing up correctional programs related to solving issues of loss of meaning in life, depression and crisis, dissatisfaction with life or insufficient self-realization, identifying the causes of neuroses and preventing suicides.

Keywords: personal identity, self-actualization, meaning of life, existential fulfillment

For citation: Roshchupkina O. A., Mikhailova I. V. The relationship between the characteristics of existential fulfillment of the meaning of life and the profile of self-actualization and personal

identity // Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2025, no. 1, pp. 23–37. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1- 23-37

Введение

В современном мире человек сталкивается со множеством факторов неопределённости. Мы живём в эпоху перемен и от возможностей и способностей к качественной трансформации отдельной личности зависит и общий трансформационный процесс человечества в целом. Перед нами встают вопросы экзистенциального характера. Что же является запускающим фактором для процесса раскрытия потенциала человека? Может ли стремление к осознанию человеком смысла собственной жизни быть стимулом, который запускает процесс самоактуализации? Кроме того, человек имеет дело ещё и с высоким уровнем собственных притязаний, стремления к развитию личности, самосовершенствования. Человек всё больше и больше стремится к раскрытию потенциала своих возможностей, к самоактуализации, для полноценной реализации себя и как личности и как полноценной единицы общества стремится внести свой вклад и соответствовать высокому уровню социокультурных установок [1; 11].

Самоактуализация – это многоуровневое понятие, которое сочетает в себе и динамический процесс и феномен личности, её особенности и состояние. Самоактуализация раскрывается как основное качество и характеристика цельной и зрелой личности, человека, который стремится к полному раскрытию своего потенциала, реализации своих способностей и возможностей. Самоактуализация характеризуется самостоятельностью, самодостаточностью и независимо-

стью, адекватным восприятием себя и мира в целом. Маслоу определяет самоактуализацию как непрерывный процесс, в котором человек достигает новых уровней самореализации. Самоактуализирующиеся люди отличаются и характером ценностей, направленных на высшее благо, реализацию вечных человеческих смыслов, призвания и ответственного подхода к делу жизни. [8; 16].

По мнению В. Франкла, Р. Мэя и на основании поздних работ А. Маслоу, самоактуализация не может быть сама по себе целью жизни, а является скорее результатом, следствием состоявшегося смысла [6; 10]. Человек самоактуализирован в той мере, в которой ему удаётся реализовать смысл. Таким образом, самоактуализация представлена как побочное действие процесса раскрытия человеком сути собственного бытия [12].

Для понимания индивидуального отношения к собственному смыслу жизни представляется значимым понятие «экзистенциальной исполненности», которое показывает, как именно переживает человек смысл своей жизни, насколько он гармоничен в этом переживании. «Экзистенциальная исполненность» – субъективное переживание человеком качества своей жизни, уровня своего благополучия, состояния собственного внутреннего согласия с событиями жизни [9]. В. Франкл в своих трудах определяет поиск смысла в любых событиях жизни как обязательное условие состоявшейся экзистенциальной исполненности [13]. А. Лэнгле определяет

экзистенциальный смысл, который мы не столько находим, получаем, сколько ищем, как нечёткий след, с помощью которого мы можем найти свой путь [7; 17]. Представители экзистенциальной психологии выделяют понятие «смысл жизни» как главенствующее. Они напрямую соотносили наличие смысла с полнотой жизни.

В противовес может возникать экзистенциальная тревога, разъединение с самим собой, внутренний конфликт. Проблема утраты смысла жизни выделяется как центральная проблема современного общества [5]. Так, В. Э. Чудновский подчёркивает актуальность проблемы смысла жизни, говоря о том, что проблема смысла жизни – концентрированное выражение направленности человеческой деятельности [14]. Также некоторые исследователи определяют смысл жизни как универсальный феномен, формирующий развитие личности. Идентичность структурируется в процессе жизни, через матрицу осмысленности [11; 15].

Несмотря на трудность точной диагностики, в последние годы тема смысла жизни всё чаще становится предметом исследования, она представлена как значимый фактор в развитии личности.

Так, К. В. Карпинский в своих многочисленных публикациях, анализируя источники смысла жизни, смысложизненный кризис и осмысленность, приходит к выводу о том, что смысл жизни является важным фактором в поддержании благополучной жизни человека. Осознание смысла поддерживает индивида в кризисные моменты, является опорой и помогает справиться

с ними и благополучно осуществлять дальнейшее развитие [2; 3].

Ощущение собственной реализации напрямую находит отражение в переживании экзистенциальной исполненности. Е. В. Ларина, В. Б. Шумский в исследовании профессиональной мотивации и экзистенциальной исполненности у студентов медицинских вузов приходят к выводу о важности для врача осознания своей профессии как миссии. В таком случае сама трудовая деятельность сопровождается переживанием экзистенциальной исполненности – самореализации, самосо осуществления [4].

М. Высоцка, М. Вавжиняк, Е. Ярош, М. Хордович при изучении взаимосвязи между духовной трансцендентностью и качеством жизни констатируют связь между альтруизмом и смыслом жизни, а также между смыслом жизни, духовностью и качеством жизни, при этом обращают внимание на то, что альтруизм положительно связан исключительно с духовностью. Это исследование показало, что духовную трансцендентность можно понимать как черту личности, которая позволяет пересекать границы своего существования и определять субъективно важные ценности в своей жизни. Смысл жизни является важным фактором в субъективном ощущении наполненности жизни или экзистенциальной исполненности, что в свою очередь способствует более качественно проживать свою жизнь, несмотря на то что приходится многое преодолевать [18].

Целью данного исследования была поставлена задача эмпирического подтверждения взаимосвязи характеристик экзистенциальной испол-

ненности смысла жизни с профилем самоактуализации личности, уровнем и типом личностной идентичности.

В качестве основной гипотезы было выдвинуто предположение о том, что существует взаимосвязь между характеристиками экзистенциальной исполненности смысла жизни и профилем самоактуализации личности, а именно, чем более человек осознаёт цель своей жизни и стремится к её реализации, тем выше у него выраженность характеристик самоактуализации.

Дополнительно была выдвинута гипотеза о взаимосвязи ЭИ с уровнем и типом личностной идентичности.

Процедура и методы

Выборка составила 70 человек. Возраст испытуемых от 27 до 63 лет, средний возраст – 45,8 ($SD = 9,6$); В исследовании приняли участие 52 женщины (74,3 %) и 18 мужчин (25,7 %).

Методики исследования:

1) Методика диагностики экзистенциальной исполненности – шкала экзистенции, ESK. А. Лэнгле и К. Орглер (адаптация И. Н. Майниной, А. Ю. Васанова 2010 г.).

2) Опросник диагностики самоактуализации личности, САМОАЛ. Э. Шострома (адаптация методики Н. Ф. Калиной, 1998 г.).

3) Методика исследования личностной идентичности, МИЛИ. Л. Б. Шнейдер (опубликован в 2007 г.).

Математические методы статистической обработки информации: методы описательной статистики; непараметрический статистический U-критерий Манна-Уитни для выявления различий, коэффициент ран-

говой корреляции Ч. Спирмена для выявления взаимосвязей. Первичная обработка данных была выполнена в программе Microsoft Excel. Для дальнейшей обработки данных использовалось программное обеспечение SPSS Statistics.

Результаты и обсуждение

А) Проверка взаимосвязи экзистенциальной исполненности и самоактуализации личности.

На основании показателей по методике шкала экзистенции выборка была разделена на следующие группы: 1 группа – высокие значения экзистенциальной исполненности (23 человека) – 33%; 2 группа – средние значения ЭИ (41 человек) – 58%; 3 группа – низкие значения ЭИ (6 человек) – 9%.

На первом этапе проверки гипотезы были проанализированы особенности выраженности профиля самоактуализации в каждой эмпирической группе (рис. 1). У испытуемых в разных группах по уровню ЭИ по-разному выражены характеристики самоактуализации, общий показатель стремления к самоактуализации растёт в зависимости от уровня ЭИ, такую же взаимосвязь мы наблюдаем по характеристикам: ориентация во времени, ценности, взгляд на природу человека, автономность, спонтанность, самопонимание, ауто-симпатия.

Достоверность полученных различий была проверена с помощью статистического критерия для независимых выборок U – критерия Манна – Уитни. Результаты представлены в таблице 1. Полученные данные свидетельствуют, что у субъектов с более высокими по-

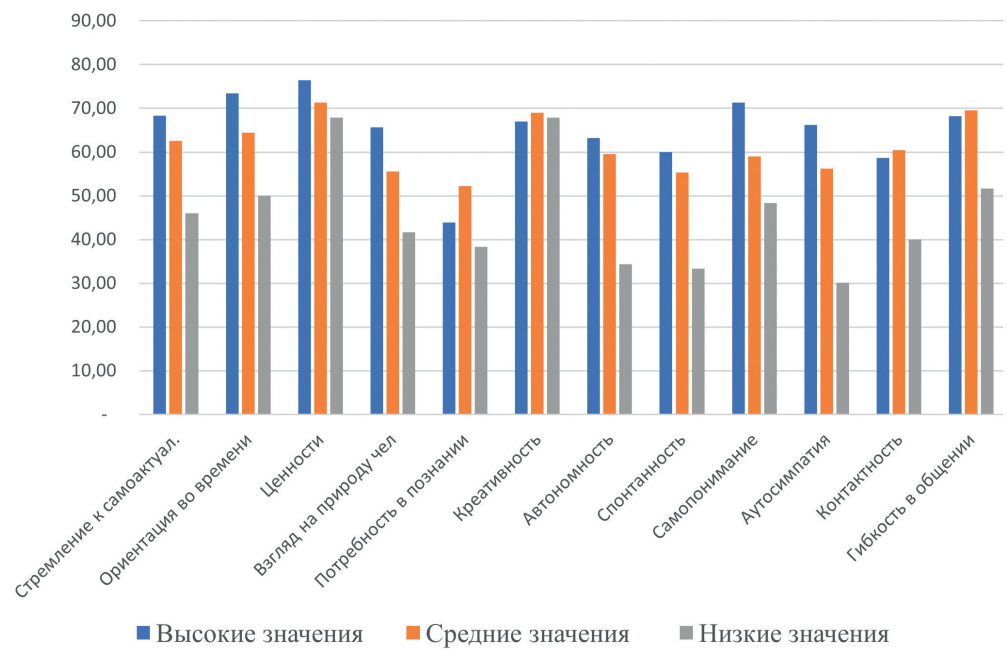

Рис. 1 / Fig. 1. Выраженность профиля самоактуализации в разных группах по уровню экзистенциальной исполненности (в баллах) / Expression of the self-actualization profile in different groups by the level of existential fulfillment (in points)

Источник: данные авторов.

Таблица 1 / Table 1

Выраженность профиля самоактуализации у испытуемых с разным уровнем экзистенциальной исполненности / Expressiveness of the self-actualization profile in subjects with different levels of existential fulfillment

Характеристики самоактуализации.	Группа 1. Высокие значения ЭИ	Группа 2. Средние значения ЭИ	Группа 3. Низкие значения ЭИ	Уэмп. p<0,05
Стремление к самоактуализации (общий показатель)	68,7	62,6	46,0	283,5 (ЭИ1-ЭИ2) 38,5 (ЭИ2-ЭИ3) 9,5 (ЭИ1-ЭИ3)
Ориентация во времени	74,8	64,4	50,0	301,5 (ЭИ1-ЭИ2) 18 (ЭИ1-ЭИ3)
Ценности	76,2	71,3	67,8	–
Взгляд на природу человека	65,7	55,6	41,7	307,5 (ЭИ1-ЭИ2) 22,5 (ЭИ1-ЭИ3)
Потребность в познании	45,2	52,2	38,3	329,5 (ЭИ1-ЭИ2) 44 (ЭИ2-ЭИ3)
Креативность	66,4	69,0	67,8	–

Таблица 1 / Table 1 (окончание)

Автономность	62,7	59,5	34,3	13 (ЭИ2-ЭИ3) 4 (ЭИ1-ЭИ3)
Спонтанность	60,9	55,3	33,3	34,5 (ЭИ2-ЭИ3) 7 (ЭИ1-ЭИ3)
Самопонимание	71,7	59,0	48,3	314,5 (ЭИ1-ЭИ2) 31 (ЭИ1-ЭИ3)
Аутосимпатия	66,5	56,2	30,2	328 (ЭИ1-ЭИ2) 37 (ЭИ2-ЭИ3) 4,5 (ЭИ1-ЭИ3)
Контактность	58,7	60,5	40,0	36,5 (ЭИ2-ЭИ3) 21,5 (ЭИ1-ЭИ3)
Гибкость в общении	67,4	69,5	51,7	49,5 (ЭИ2-ЭИ3) 30 (ЭИ1-ЭИ3)

Источник: данные авторов.

казателями ЭИ наиболее выражены характеристики самоактуализации.

На следующем этапе была произведена проверка основной гипотезы с помощью коэффициента ранговой

корреляции Спирмена. Результаты представлены в таблице 2.

В результате корреляционного анализа были выявлены многочисленные положительные связи характеристик

Таблица 2 / Table 2

Взаимосвязь показателей экзистенциальной исполненности с характеристиками самоактуализации / The relationship between indicators of existential fulfillment and characteristics of self-actualization

Экзистенциальная исполненность	Самодистанцирование	Самогрансенденция	Свобода	Ответственность	Персональность	Экзистенциальность	Исполненность
Самоактуализация							
Стремление к самоактуализации	,268*	,614**	,582**	,443**	,528**	,587**	,571**
Ориентация во времени	,268*	,484**	,312**	,335**	,430**	,374**	,381**
Ценности	0,126	,340**	,271*	0,086	,293*	0,23	,258*
Взгляд на природу человека	,256*	,419**	,425**	,322**	,442**	,428**	,445**
Потребность в познании	0,016	0,093	0,016	0,061	0,072	0,03	0,037

Таблица 2 / Table 2 (окончание)

Креативность	-0,114	,311**	0,1	-0,07	0,131	0,076	0,072
Автономность	0,196	,398**	,502**	,415**	,328**	,507**	,453**
Спонтанность	0,118	,389**	,442**	,333**	,308**	,430**	,392**
Самопонимание	,264*	,244*	,369**	,320**	,309**	,379**	,354**
Аутосимпатия	,284*	,444**	,467**	,375**	,432**	,489**	,470**
Контактность	0,075	,290*	0,124	0,16	0,19	0,174	0,173
Гибкость в общении	0,127	,312**	0,165	0,124	,239*	0,152	0,184

* Корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$ ** Корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$ *Источник:* данные авторов.

экзистенциальной исполненности с профилем самоактуализации личности. Общий показатель ЭИ – это показатель того, насколько наполнено смыслом бытие человека, характеризует способность ориентироваться в этом мире, находить собственные решения и самостоятельно реализовывать их в жизни. Стремление менять свою жизнь в лучшую сторону.

Полученные результаты исследования показывают, что испытуемые, которые считают свою жизнь наполненной смыслом также обладают высокими показателями самоактуализации, что полностью подтверждает выдвинутую гипотезу.

Взаимосвязь уровня ЭИ и такой характеристикой самоактуализации, как «ориентация во времени» показывает, что индивид с высоким уровнем ЭИ живёт настоящим, не оглядывается на прошлое и не живёт только надеждой на будущее. При этом человек, обладающий низким уровнем ЭИ, может находиться в состоянии переживаний по поводу прошлого опыта или излишне надеяться на будущее.

Взаимосвязь с характеристикой «ценности» говорит о том, что индивид с высоким уровнем ЭИ разделяет

ценности самоактуализирующейся личности, в основе которых философское отношение к жизни, согласие с собой и окружающим миром.

Взаимосвязь с показателем «взгляд на природу человека» свидетельствует о том, что ЭИ также находит отражение в способности верить в других людей, в их безграничном потенциале возможностей, умении выстраивать гармоничные взаимоотношения.

Значимая взаимосвязь между показателем ЭИ и характеристикой самоактуализации «автономность» говорит о том, что личность, исполненная смысла автономна, независима и свободна, при этом автономность не подразумевает одиночество, она понимается, скорее, как пространство для собственной реализации.

Значимая корреляция с характеристикой «спонтанность» свидетельствует, что человек, проживающий насыщенную осмысленную жизнь, способен к спонтанному поведению, находится в состоянии доверия к себе и миру, действует легко, без лишнего напряжения, для него самоактуализация это образ жизни, а не цель.

Значимая взаимосвязь с показателями «самопонимание» и «аутосим-

патия» отражают закономерность развития собственной реализации и принятия себя как личности, наполнить свою жизнь смыслом невозможно, без адекватной оценки себя и своих возможностей, понимания собственной сущности, ориентации на себя, а не на окружение. Аутосимпатия – обязательная база психологического здоровья и целостности личности, которая обеспечивает адекватную самооценку, без которой вряд ли может состояться экзистенциальная исполненность.

Самый высокий уровень характеристики «потребность в познании» в группе со средними показателями ЭИ, что говорит о том, что эти люди находятся в поиске, готовы и открыты познанию, по Франклу, готовы выйти в пространство смыслов, ещё не ощущают свою жизнь как насыщенную им, но готовы и открыты новому опыту. И самые низкие значения в группе с низким уровнем ЭИ, что говорит о том, что скорее всего, люди, не стремящиеся постичь новое, не способные к открытию и смысла собственной жизни.

Также представляет интерес взаимосвязь такой характеристики ЭИ как «трансцендентность» и показателем самоактуализации – «стремление к творчеству» или «креативность», что говорит о взаимосвязи способности к творчеству и чувственного переживания ценностей, способностью эмоционального включения и ощущения, в том числе: сочувствие, глубокое переживание ценностей, отношений, значимости происходящего.

Взаимосвязь шкалы «самодистанцирование» с характеристикой «контактность» указывает на способность субъекта дистанцироваться от себя самого, возможность стороннего взгляда на

свои действия и желания. Такой человек трезво мыслит в любой ситуации, не поддаваясь аффекту, поэтому способен наиболее гармонично выстраивать отношения, прочные контакты и обладает способностями грамотно выстраивать коммуникации.

В проведённом исследовании не была обнаружена взаимосвязь показателя ЭИ и такой характеристики самоактуализации, как «потребность в познании», что может объясняться теоретической базой. Лэнгле, вслед за Франклом, писал о том, что индивид, определяющий свою жизнь как осмысленную, часто живёт процессом её реализации и не всегда задаётся вопросами о её сути, он может не осознавать её смысл, желание познания приходит в случае потери смысла, тогда же и начинается стремление к осознанию.

Б) Результаты оценки взаимосвязи показателей личностной идентичности с уровнем ЭИ и самоактуализацией личности.

Данные корреляционного анализа шкалы экзистенции и методики изучения личностной идентичности представлены в таблице 3.

Была выявлена положительная взаимосвязь между уровнем личностной идентичности и всеми показателями шкалы экзистенции. Из этого следует, что осмысленность также связана с подлинным представлением человека о себе самом, следованием именно собственному пути развития. Можно сказать, что чем выше способность человека осознавать свои собственные возможности, тем больше он способен выйти на путь своей реализации и наполнить свою жизнь подлинным смыслом, определить свою принадлежность к той области, которая отвечает его

Таблица 3 / Table 3

Взаимосвязь показателей экзистенциальной исполненности с уровнем личностной идентичности / The relationship between indicators of existential fulfillment and the level of personal identity

Экзистенциальная исполненность	Самодистанцирование	Самоограничение	Свобода	Ответственность	Персональность	Экзистенциальность	Исполненность
Личностная идентичность	,320**	,256*	,320**	,272*	,385**	,303*	,326**

* Корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$

** Корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$

Источник: данные авторов.

внутреннему самоощущению и своей собственной уникальности.

Также наблюдается положительная взаимосвязь между характеристиками самоактуализации личности и показателями личностной идентичности (табл. 4). Из этого следует, что самоактуализация взаимосвязана с адекватным представлением личности о самом себе, следованием своим ценностям и устремлениям. Самоидентичность предполагает адекватное восприятие времени, жизнь в настоящем моменте. Также подлинное представление человека о себе самом, отражено в связи с такими характеристиками, как ауто-симпатия, т. е. здоровое отношение к себе и взгляд на природу человека, осмысленное принятие других людей через возможность видеть их потенциал и положительные стороны без акцента на недостатках.

В) В связи с тем, что уровень личностной идентичности трактуется

неоднозначно (слишком высокие показатели указывают на такой тип идентичности как псевдоидентичность, который имеет не позитивную трактовку), дополнительно был проведён анализ типов личностной идентичности в разных группах испытуемых по уровню ЭИ (рис. 2).

Было установлено, что в группе испытуемых с низким уровнем ЭИ представлен только диффузный тип идентичности, который характеризуется сомнением в собственной ценности, потерей интереса к себе и своему внутреннему миру, ригидность представлений о себе, нежелание меняться. Человек не может считать свою жизнь наполненной смыслом, без адекватного восприятия себя и желания меняться и менять жизнь к лучшему.

В группе со средним уровнем ЭИ представлены все типы личностной идентичности, но наибольший процент составляет тип – мораторий

Таблица 4 / Table 4

Взаимосвязь профиля самоактуализации со значением личностной идентичности / The relationship between the self-actualization profile and the meaning of personal identity

Самоактуализация	Стремление к самоактуализации	Ориентация во времени	Ценности	Взгляд на природу человека	Потребность в познании	Креативность	Автономность	Спонтанность	Самопонимание	Аутосимпатия	Контактность	Гибкость в общении
Личностная идентичность	,289*	,339**	,234	,421**	,141	,107	,125	,108	,139	,261*	,055	,070

* Корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$

** Корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$

Источник: данные авторов.

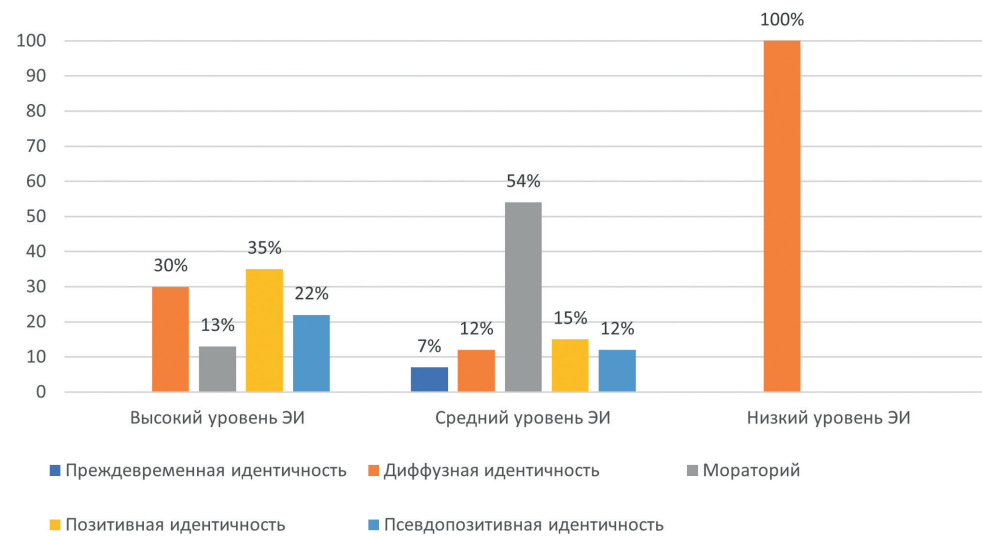

Рис. 2 / Fig. 2. Анализ типов личностной идентичности в разных группах испытуемых по уровню экзистенциальной исполненности (в процентах) / Analysis of types of personal identity in different groups of subjects by the level of existential fulfillment (in percent)

Источник: данные авторов.

(54%). Из чего можно предположить, что эта часть испытуемых находится в активном поиске смысла и находится в переходном этапе, стремясь к высо-

кому уровню наполненности жизни смыслом. Мораторий и зрелая (достигнутая) идентичность сочетаются с более сложными и дифференцирован-

ными культурными интересами, более развитой рефлексией.

В группе с высоким уровнем ЭИ представлены почти все типы личностной идентичности, совсем отсутствует тип – преждевременная идентичность, наибольший процент составляет тип – позитивная или достигнутая идентичность (35%), а также достаточно большой процент приходится на псевдопозитивную идентичность (22%), при этом псевдоидентичность отсутствует в группах со средним и низким уровнем ЭИ. Полученные данные можно объяснить тем, что человек, даже достигнувший высоких уровней ЭИ, способен находится в состоянии кризиса идентичности и снова и снова переживать переоценку ценностей и новое открытие себя и своих возможностей.

Большой процент такого типа, как псевдоидентичность, у испытуемых с высоким уровнем ЭИ может говорить о том, что всегда в осуществлении жизненного смысла, есть некая опасность переоценить себя и свои возможности, излишне подчёркивая свою уникальность, теряя при этом способность к рефлексии. Теоретически можно предположить, что есть вероятность тотального поглощения личности её статусом, ролью, сверхценной идеей. Потери связи с реальностью и социумом в стремлении достичь выставленных ценностей любой ценой. Этот момент представляется наиболее неоднозначным и требует дальнейших исследований с привлечением дополнительных методик.

Заключение

Из приведённых данных следует, что характеристики самоактуализа-

ции и смысла жизни безусловно связаны и одно следует из другого, человек раскрывает, осознаёт себя, самоактуализируется, не просто сам по себе, а ставя перед собой определённые цели, постоянно реализуя смысл своего существования. Можно сказать, что самоактуализация – это некая форма личности, которая раскрывается в зависимости от содержания и наполненности жизни смыслом.

Эмпирическое исследование полностью подтверждает гипотезу о том, что человек думающий, стремящийся к поиску смысла своей жизни, открытый миру, способный в этом поиске выходить за границы социальных установок, собственных шаблонов, стремится тем самым и к самоактуализации. Прослеживаются общие механизмы, общие конструкты этих феноменов, общие характеристики и качества. Начиная движение к познанию «Зачем?» и «Для чего я живу?», человек, тем самым, запускает механизм раскрытия в себе потенциала возможностей для реализации открывающихся ему целей, задач. Такой человек, который чувствует себя реализованным, проявляет максимально полно свои сильные качества и стороны, способен внести гораздо больший вклад в развитие общества в целом.

Данное исследование может служить основой в работе практических психологов при составлении коррекционных программ, связанных с решением вопросов потери смысла жизни, депрессий и кризиса, неудовлетворённости жизнью или недостаточной реализованности себя выявления причины неврозов и профилактики суицидов. Тема может нести практическую значимость и для развития личности и

для личности в контексте общества и социума. Если уже с подросткового возраста, с момента профессионального определения перед молодым человеком будет стоять вопрос о смысле жизни в полном и широком контексте, как

писал об этом Франкл, возможно, это послужит наиболее полному раскрытию его потенциала, запустит процесс самоактуализации и послужит профилактикой смысловых кризисов в более зрелом возрасте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витко Ю. С., Лебедева А. А. Духовный смысл: возможности понятия и перспективы использования в психологии // Мир психологии. 2024. № № 1 (116). С. 5–21. DOI: 10.51944/20738528_2024_1_5.
2. Карпинский К. В. Смысловое состояние как показатель субъектного развития личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. № 1. С. 7–20. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2019.101.
3. Карпинский К. В. Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2021. 220 с.
4. Ларина Е. В., Шумский В. Б. Профессиональная мотивация и экзистенциальная исполненность у студентов медицинских вузов, работающих с пациентами, заражёнными COVID-19 // Организационная психология. 2022. Т. 12. № 2. С. 145–156. DOI: 10.17323/2312-5942-2022-12-2-145-156.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2019. 584 с.
6. Леонтьев Д. А. Абрахам Маслоу в XXI веке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 3. С. 68–87.
7. Лэнгле А. А., Уколова Е. М., Шумский В. Б. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования: монография. М.: Юрайт, 2024. 403 с.
8. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики / пер. с англ. СПб.: Питер, 2022. 400 с.
9. Майнина И. Н., Васанов А. Ю. Стандартизация методики «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орлер // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 87–99.
10. Мэй Р. Человек в поисках себя: практическое руководство / пер. с англ. Санкт-Петербург: Питер, 2020. 240 с.
11. Смысл жизни как психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование / В. Э. Чудновский, Г. А. Вайзер, Н. Карпова, Н. В. Кисельникова // Психология смысла жизни: школа В. Э. Чудновского. М.: Смысл, 2021. С. 117–137.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. 164 с.
13. Франкл В. Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 338 с.
14. Чудновский В. Э. Смысл жизни: некоторые итоги и перспективы исследования // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 5–19.
15. Шнейдер Л. Б. Психология идентичности. М.: Издательство Юрайт, 2024. 328 с.
16. Hoffman E. The Social World of Self-Actualizing People: Reflections by Maslow's Biographer // Journal of Humanistic Psychology. 2020. № 60 (6). P. 908–933. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022167817739714>.
17. Laengle A. Psychotherapeutic work with hope in the existential analytical paradigm // National Psychological Journal. 2019. № 12. P. 16–22.

18. Wysocka M., Wawrzyniak M., Jarosz J. Is There a Connection Between Spiritual Transcendence and Quality of Life? A Cross-Sectional Survey Study in Patients Under the End-of-Life Care // *Journal of Palliative Care*. 2023. № 38 (1). P. 10–16. DOI:10.1177/08258597211034642.

REFERENCES

1. Vitko Yu. S., Lebedeva A. A. [Spiritual meaning: possibilities of the concept and prospects for use in psychology]. In: *Mir psihologii*, 2024, no. 1 (116), pp. 5–21. DOI: 10.51944/20738528_2024_1_5.
2. Karpinskij K. V. [Life-meaning state as an indicator of subjective personality development]. In: *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Psihologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology], 2019, vol. 9, no. 1, pp. 7–20. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2019.101.
3. Karpinskij K. V. *Istochniki smysla zhizni: novyy metod psihodiagnostiki lichnosti* [Sources of the meaning of life: a new method of personality psychodiagnostics]. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno, 2021. 220 p.
4. Larina E. V., Shumskij V. B. [Professional motivation and existential fulfillment in medical students working with patients infected with COVID-19]. In: *Organizacionnaya psihologiya* [Organizational Psychology], 2022, vol. 12, no. 2, pp. 145–156. DOI: 10.17323/2312-5942-2022-12-2-145-156.
5. Leont'ev D. A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of meaning: the nature, structure, and dynamics of semantic reality]. Moscow, Smysl Publ., 2019. 584 p.
6. Leont'ev D. A. [Abraham Maslow in the 21st century]. In: *Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2008, vol. 5, no. 3, pp. 68–87.
7. Lenge A. A., Ukolova E. M., Shumskij V. B. *Sovremennyy ekzistencial'nyj analiz: istoriya, teoriya, praktika, issledovaniya: monografiya* [Modern existential analysis: history, theory, practice, research: monograph]. Moscow, Yurajt Publ., 2024. 403 p.
8. Maslow A. The Farther Reaches of Human Nature (Rus. ed., transl.: Dalnie predely chelovecheskoj psihiki. St. Petersburg, Piter Publ., 2022. 400 p.
9. Majnina I. N., Vasenov A. Yu. [Standardization of the “Existence Scale” methodology by A. Längle, K. Orgler]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2010, vol. 31, no. 1, pp. 87–99.
10. May R. *Mans Search for Himself* (Rus. ed., transl.; Chelovek v poiskah sebya: prakticheskoe rukovodstvo. Sankt-Peterburg: Piter Publ., 2020. 240 p.).
11. Chudnovskij V. E., Vajzer G. A., Karpova N., Kisel'nikova N. V. [The meaning of life as a psychological phenomenon: a theoretical and empirical study]. In: *Psihologiya smysla zhizni: shkola V. E. Chudnovskogo* [Psychology of the meaning of life: V. E. Chudnovsky's school]. Moscow, Smysl Publ., 2021, pp. 117–137.
12. Frankl V. The unheard Cry for Meaning (Rus. ed., transl.; Chelovek v poiskah smysla: sbornik. Moscow, Progress Publ., 1990. 164 p.).
13. Frankl V. The Doctor and the Soul (Rus. ed., transl.; Doktor i dusha: Logoterapiya i ekzistencial'nyj analiz. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2022, 338 p.).
14. Chudnovskij V. E. [The meaning of life: some results and prospects of the study]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2015, vol. 36, no. 1, pp. 5–19.
15. Shnejder L. B. *Psihologiya identichnosti* [Psychology of Identity]. Moscow, Yurajt Publ., 2024. 328 p.
16. Hoffman E. The Social World of Self-Actualizing People: Reflections by Maslow's Biographer. In: *Journal of Humanistic Psychology*, 2020, no. 60 (6), pp. 908–933. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022167817739714>.

17. Laengle A. Psychotherapeutic work with hope in the existential analytical paradigm. In: *National Psychological Journal*, 2019, no. 12, pp. 16–22.
18. Wysocka M., Wawrzyniak M., Jarosz J. Is There a Connection Between Spiritual Transcendence and Quality of Life? A Cross-Sectional Survey Study in Patients Under the End-of-Life Care. In: *Journal of Palliative Care*, 2023, no. 38 (1), pp. 10–16. DOI:10.1177/08258597211034642.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рошчупкина Ольга Александровна – лаборант кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета;

e-mail: ro.art@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0006-6219-2353>

Михайлова Ирина Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета;

e-mail: 44kd11@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4220-6069>;

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Roshchupkina – laboratory assistant of the Department of Psychology and Pedagogy of Ulyanovsk State University;

e-mail: ro.art@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0006-6219-2353>

Irina V. Mikhailova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of Department of Psychology and Pedagogy of Ulyanovsk State University;

e-mail: ro.art@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0006-6219-2353>

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 159.9.316.6
DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-38-48

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ, СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ К МИГРАНТАМ (КИРГИЗАМ)

Егорова А. И., Елисеева Н. Д.* , Осипова Г. С.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, 677013,
Республика Саха (Якутия) г. Якутск, ул. Белинского, д. 58 Российская Федерация;
* корреспондирующий автор, e-mail: eliseeva_n_d@mail.ru

Поступила в редакцию 27.06.2024

После доработки 19.09.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Аннотация

Цель. Исследование межэтнического отношения коренных народов Якутии к мигрантам-киргизам.

Процедура и методы. Выбор объекта исследования обусловлен резким увеличением количества мигрантов из Киргизии на территории Якутии. Для проверки гипотезы о влиянии количества мигрантов на межэтнические отношения коренных народов к мигрантам, был проведён сравнительный анализ гетеростереотипов и социальной дистанции по трём условным зонам Якутии. Методики «Приписывание качеств» и «Шкала социальной дистанции».

Результаты исследования показали, что в нашей выборке увеличение количества мигрантов не влияет на межэтническое отношение коренных народов к мигрантам. Эмоциональная модальность гетеростереотипов не меняется при изменении их количества. Небольшая вероятность вклада количества мигрантов присутствует в проявлении социальной дистанции.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в определении оптимальности актуального количества мигрантов-киргизов как фактора, влияющего на социальную дистанцию и характер гетеростереотипов в Республике Саха (Якутия).

Ключевые слова: межэтнические отношения, этнические стереотипы, социальная дистанция, психологическая безопасность, этнические группы

© CC BY Егорова А. И., Елисеева Н. Д., Осипова Г. М., 2025.

Для цитирования: Егорова А. И., Елисеева Н. Д., Осипова Г. М. Взаимосвязь межэтнического отношения, социальной дистанции коренных народов Якутии к мигрантам (киргизам) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 1. С. 38–48. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-38-48

Original research article

INTERRELATION OF INTERETHNIC RELATIONS, SOCIAL DISTANCE OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF YAKUTIA TO THE OF MIGRANTS (KYRGYZ)

A. Egorova, N. Eliseeva*, G. Osipova

Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov, ul. Belinskogo, 58,

Republic of Sakha (Yakutia) Yakutsk, 677013, Russian Federation;

**Corresponding author, e-mail: eliseeva_n_d@mail.ru*

Received by the editorial office 27.06.2024

Revised by the author 19.09.2024

Accepted for publication 20.09.2024

Abstract

Aim. A study of the interethnic relationship of the indigenous peoples of Yakutia to Kyrgyz migrants.

Methodology. The choice of the research object is due to a sharp increase in the number of migrants from Kyrgyzstan in Yakutia. To test the hypothesis of the impact of the number of migrants on the interethnic relations of indigenous peoples towards migrants, a comparative analysis of heterostereotypes and social distance was carried out in three conditional zones of Yakutia. Methods of "Attribution of qualities" and "Scale of social distance".

Results. The results of the study showed that in our sample, an increase in the number of migrants does not affect the interethnic attitude of indigenous peoples towards migrants. The emotional modality of heterostereotypes does not change when their number changes. A small probability of the contribution of the number of migrants is present in the manifestation of social distance.

Research implications. The practical significance lies in determining the optimality of the current number of Kyrgyz migrants as a factor affecting social distance and the nature of heterostereotypes in the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: interethnic relations, ethnic stereotypes, social distance, psychological security, ethnic groups

For citation: Egorova A. I., Eliseeva N. D., Osipova G. M. Interrelation of interethnic relations, social distance of the indigenous peoples of yakutia to the of migrants (kyrgyz) // Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2025, no. 1, pp. 38-48. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-38-48

Введение

Проблема межэтнических отношений в современном мире имеет особую актуальность. В российском многонациональном обществе ценность ме-

жэтнической толерантности является одним из основных принципов формирования единства государства [2]. В силу геополитического пространства, Россию отличает высокий уровень

принятия других народов, терпимость и стремление сосуществовать вместе. Способность к межэтнической интеграции без потери собственной этнической идентичности является особенностью российского менталитета. В этом ключе российское многонациональное общество имеет свою особую стратегию. Историки отмечают, что создание Российского государства основывалось на принципах сохранения этнического многообразия и интеграции коренных народов новых присоединяемых территорий к общероссийской культуре. Историки отмечают, что «этнический состав России не имеет аналогов в других государствах мира, и не только потому, что она формировалась в процессе сложного и противоречивого исторического развития, но и в силу повышенной динамичности всей социальной и демографической структуры государства, отличавшейся способностью к саморегуляции и традиционной предрасположенностью к интеграции различных народов и групп населения» [15, с. 215]. Сегодня государством уделяется особое внимание на сохранение стабильности межэтнических отношений.

В данной статье анализируются результаты исследования межэтнических отношений коренных народов Якутии к мигрантам. Соответственно, предметом нашего исследования являются гетеростереотипы и социальная дистанция между коренными народами Якутии и мигрантами-киргизами. Выбор киргизов в качестве предмета исследования обусловлен многочисленностью мигрантов из Киргизии за анализируемый период, в Республике Саха (Якутия), по сравнению с другими народами, что, на наш взгляд, явля-

ется фактором риска межэтнического напряжения между киргизами и коренными жителями Якутии.

Мы предполагаем, что увеличение количества мигрантов будет негативно сказываться на гетеростереотипах. Перед тем как приступить к описанию дизайна эмпирического исследования и его результатов, рассмотрим основные понятия, используемые в нашем исследовании.

Межэтнические отношения в социальной психологии изучались В. С. Агеевым [1], Т. Г. Стефаненко [12], Г. У. Солдатовой [13], А. А. Налчаджян [9], С. Д. Гуриевой [6] и др. авторами в русле межкультурной коммуникации, либо в контексте межэтнической напряженности и межэтнических конфликтов. В трудах отечественных исследователей анализ межэтнических отношений проводится в тесной связи с этническими стереотипами и предрассудками, этноцентризмом и этнической идентичностью. Особый интерес исследователей вызывают особенности межэтнических отношений представителей различных этнических групп, проживающих в полиэтнической среде, где вероятность межэтнических контактов достаточно высока [10; 15]. В нашем исследовании под межэтническими отношениями понимается: «форма группового взаимодействия между людьми разной этничности, осознающих свои культурные различия и субъективно переживаемую социальную границу между «мы» и «они»» [11, с. 75].

Поэтому исследование межэтнических отношений основывается на изучении этнических гетеростереотипов и социальной дистанции между изучаемыми этносами. Гетеростереотипы

являются социально-обусловленными схематическим образами другого этноса [3]. Содержание гетеростереотипов обуславливается когнитивными и эмоционально-оценочными компонентами [4; 5].

Следующее психологическое понятие, на котором мы основываемся, это – социальная дистанция. Социальная дистанция является предметом исследования не только этнопсихологических, но также и других отраслей социальной психологии. Она призвана демонстрировать степень близости и отчуждённости между разными социальными группами. По сути, как и гетеростереотипы, измерение социальной дистанции является представлением человека о степени близости с представителями другого народа [7].

Таким образом, в нашем исследовании мы будем оперировать следующими понятиями: этнические гетеростереотипы и социальная дистанция. Отдельно следует отметить, что ракурс нашего исследования направлен на исследование межэтнического восприятия мигрантов коренными народами Якутии.

Процедура и методы

Эмпирическое исследование было проведено на территории Республики Саха (Якутия) в 2023 г. В эмпирическом исследовании сравнивались этнические стереотипы коренных жителей Якутии: саха, долганов, чукчей, эвенов и эвенков по отношению к киргизам.

Независимым переменным является количество мигрантов относительно коренных жителей. Для этого было проведено разделение выборки исследования по экономическим ре-

гионам Якутии: центральная, южная и арктическая. Проведён сравнительный анализ результатов исследования по выделенным регионам, что позволил проверить гипотезу о негативном влиянии количества мигрантов на модальность этнических гетеростереотипов и уровень социальной дистанции.

В исследовании использовались следующие методики: открытый вариант методики «Приписывание качеств» и модифицированный О. Л. Романовой вариант шкалы социальной дистанции Богардуса.

Целью открытого варианта методики «Приписывание качеств» является получение стереотипного образа представителей какой-либо этнической группы. Особенностью метода является «извлечение» черт стереотипного образа из самой среды испытуемых, не навязывая видение исследователя. Обработка результатов заключается в частотном анализе и контент-анализе. Кодировка проводится следующим способом: 4–5 положительных качеств – 5 баллов; 3 положительных, 1–2 отрицательных – 4 балла; 2 положительных, 2–3 отрицательных – 3 балла; 1 положительное, 3–4 отрицательных – 2 балла; 5 отрицательных – 1 балл [14].

Следующая методика – модифицированный О. Л. Романовой вариант шкалы социальной дистанции Богардуса. Здесь определяются следующие категории ответов: «Я хотел бы как можно реже общаться с этими людьми»; «Я хотел бы, чтобы эти люди жили со мной в одном городе»; «Я хотел бы, чтобы эти люди учились вместе со мной»; «Я хотел бы, чтобы эти люди были моими друзьями»; «Я хотел бы, чтобы эти люди были моими родственниками»; «Я хотел бы, чтобы эти люди

были членами моей семьи». Считается, что данная категоризация позволяет оценивать социальную дистанцию между представителями разных народов от полного принятия («Я хотел бы, чтобы эти люди были членами моей семьи»), до полного непринятия («Я хотел бы как можно реже общаться с этими людьми»). Таким образом, можно разделить шкалу Богардуса на 7 уровней: полное отрицание; с 1 по 5 уровни принятия и полное принятие представителей конкретного этноса. Для обработки результатов подсчитывается процент выборов по каждой категории выбора для каждой из этнических групп отдельно [14].

Статистическая обработка результатов производилась с помощью сео-анализа, критерия Крускала- Уоллиса и регрессионного анализа.

Выборка исследования состоит из 905 человек. Из них жители

Арктической экономической зоны – 158 человек, Южной экономической зоны – 333 человека, Центральной экономической зоны – 414 человек.

Результаты

Анализ демографических статистических данных показывает, что за последние 18 лет количество мигрантов из Киргизии выросло в практически в восемь раз. По данным миграционной службы Министерства внутренних дел России по Республике Саха (Якутия), в 1970 г. было 18 человек, в 2002 г. в Якутии насчитывалось 1 105 киргизов, в 2010 г. – 2 696 чел., в 2020 г. – 5 620 чел. На рис. 1. представлено распределение мигрантов по территории Якутии.

Как мы видим, наблюдается резкое, почти в 16 раз, увеличение количества мигрантов-киргизов в Центральной экономической зоне. Практически неизменное количество мигрантов в

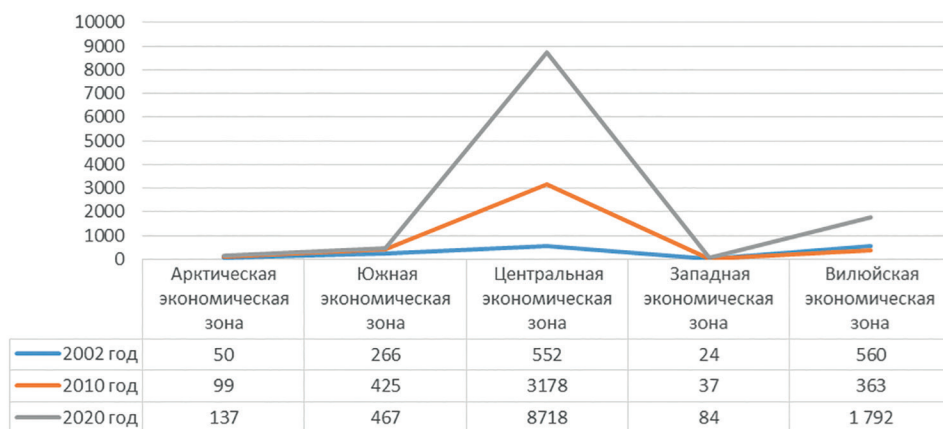

Рис. 1 / Fig. 1. Показатели распределения численности мигрантов-киргизов по республике (в кол. чел.)¹ / Indicators of the distribution of the number of Kyrgyz migrants in the republic (in number of people)

¹ По данным Территориального фонда статистики России по Республике Саха (Якутия) от 21.06.2023. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/migrasia> (дата обращения: 27.06.2024).

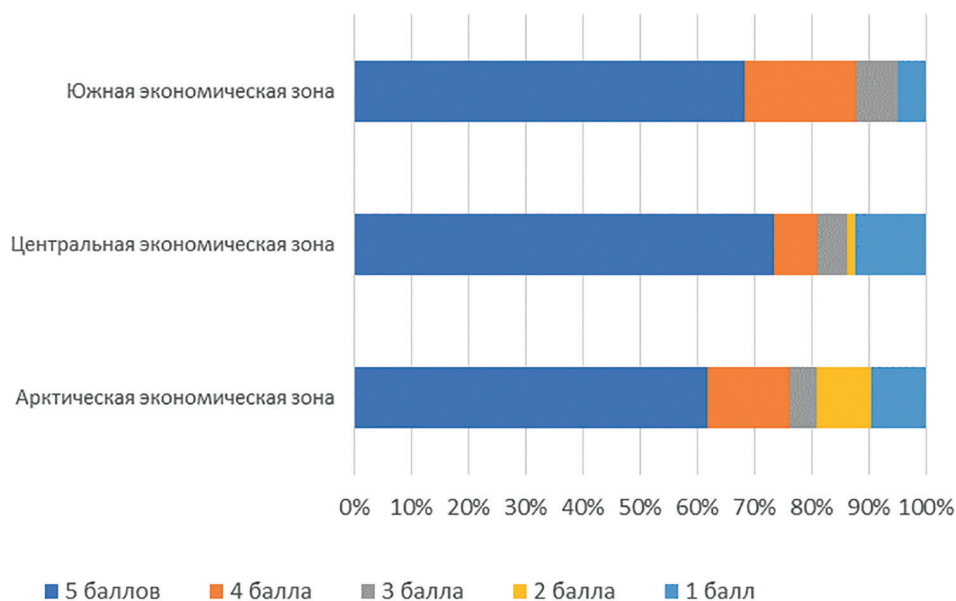

Рис. 2 / Fig. 2. Сравнительный анализ модальности гетеростереотипов по экономическим зонам / Comparative analysis of the modality of heterostereotypes by economic zones

Южной и Арктической зонах. Таким образом, можно конкретизировать гипотезу – этнические стереотипы к мигрантам-киргизам в Центральной экономической зоне будут негативнее, чем в Арктической и Южной экономических зонах.

В Арктической экономической зоне соотношение коренных жителей и мигрантов составил – 0,19%, в Центральной экономической зоне соотношение коренных жителей и мигрантов составил – 1,56%, в Южной экономической зоне соотношение коренных жителей и мигрантов составил – 0,40%¹.

Добавим несколько слов про мигрантов, прибывающих в Якутию. Традиционными отраслями хозяй-

ственной деятельности, в которые привлекаются мигранты это – строительство (29%), сфера услуг (29%), торговля (11%), помощь в домашних хозяйствах (11%), добыча полезных ископаемых (9%), сфера услуг (5%)². Распределение по сферам хозяйственной деятельности показывает, что мигранты работают не только в сезонных работах (к сезонным работам условно можно отнести строительство и добычу полезных ископаемых). Увеличение количества мигрантов в Центральной экономической зоне, на наш взгляд, объясняется развитостью инфраструктуры Центральной зоны относительно других экономических зон. Следует отметить, что по данным Всероссийской

¹ По данным Территориального фонда статистики России по Республике Саха (Якутия) от 25.04.2024 г. https://14.rosstat.gov.ru/chisl_sostav (дата обращения: 27.06.2024).

² По данным Территориального фонда статистики России по Республике Саха (Якутия) от 17.12.2021 г. <https://14.rosstat.gov.ru/news/document/146559> (дата обращения: 27.06.2024).

Таблица 1 / Table 1

Оценка вклада количества мигрантов в вариативность социальной дистанции / Assessment of the contribution of the number of migrants of the variability of social distance

Предиктор	Коэффициент регрессии	z	P	R2	Тест всеобъемлющей модели	
					χ^2	P
Арктическая зона – Центральная зона	-4.39	-2.75	0.006	0,208	24,9	p<.001
Южная зона – Центральная зона	3,58	2.34	<.001			

переписи населения от 2020 г., половое соотношение киргизов, проживающих в Якутии, следующее – 61% мужчин и 39% женщин (по данным Федерального фонда статистики РФ по Республике Саха (Якутия)). Данный факт является опосредованным доказательством того, что мигрантами являются не только сезонные работники, но также и семьи, имеющие долгосрочную перспективу проживания в Якутии.

Перейдём к анализу гетеростереотипов.

Напоминаем, что 5 баллов означают максимально позитивное восприятие, 1 балл – максимально негативное восприятие по методике «Приписывание качеств». Анализ показывает, что в целом во всех экономических зонах общая тенденция позитивная. Визуально в Южной экономической зоне наибольшее количество позитивных гетеростереотипов. Наибольшее количество отрицательных гетеростереотипов в Центральной экономической зоне. Но при этом статистически значимых различий по модальности гетеростереотипов по экономическим зонам не выявлено (χ^2 3,6 при $p < 995$). Таким образом, можно сделать вывод о том, что эмоциональная модальность

гетеростереотипов не имеет связи с количеством мигрантов.

Далее рассмотрим особенности социальной дистанции между коренными народами Якутии и киргизами. Рассмотрим результаты порядкового регрессионного анализа (табл. 1).

Для определения влияния количества мигрантов на социальную дистанцию была построена регрессионная модель. Как мы видим, регрессионный анализ показывает влияние количества мигрантов на социальную дистанцию с коренными жителями с вероятностью 20,8%. При этом вклад количества мигрантов на уровень социальной дистанции не является линейным. В Арктической экономической зоне социальная дистанция выше, чем в остальных группах, хотя, насколько мы помним, в этой зоне было зарегистрировано меньшее количество мигрантов. Объяснение этому факту, на наш взгляд, заключается в том, что дефицит информации влияет на отношение к незнакомому субъекту [17]. В Центральной экономической зоне социальная дистанция выше по сравнению с Южной экономической зоной. Таким образом, можно отметить, что наша гипотеза подтвердилась частично.

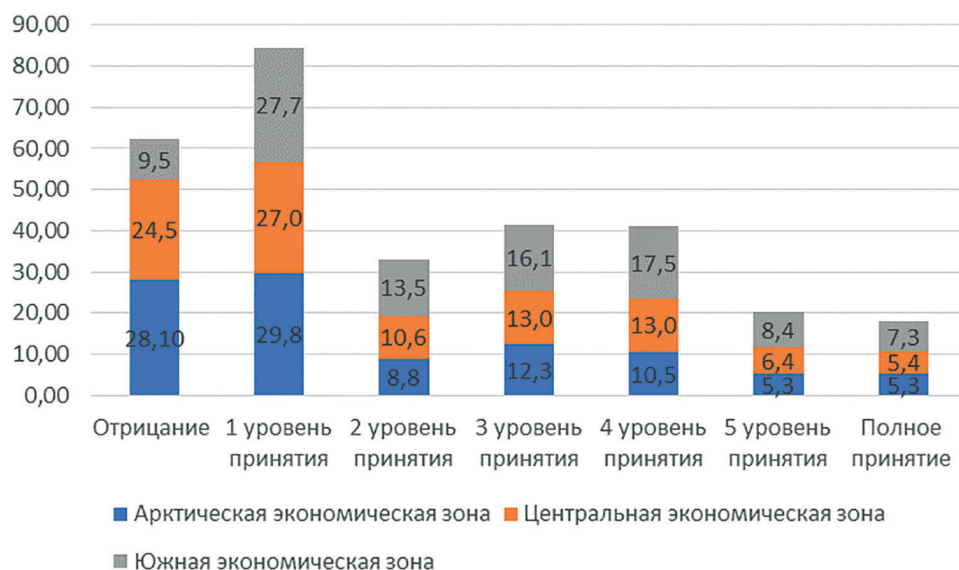

Рис. 3 / Fig. 3. Показатели социальной дистанции / Indicators of social distance

Рассмотрим показатели каждой экономической зоны по отдельности.

Визуализация результатов шкалы социальной дистанции показывает практически одинаковое распределение уровней социальной дистанции в трёх экономических зонах. По всей выборке социальная дистанция между коренными жителями Якутии и киргизами имеет ярко выраженный пик в точке «хотел бы, что они жили в моём городе». В целом, гистограммы смещены в сторону высокой социальной дистанции. Отличительной особенностью Южной экономической зоны являются высокие показатели самой близкой социальной дистанции – включение представителей изучаемых этносов в группу семью. В Арктической экономической зоне, наоборот, выявлены высокие показатели низкой социальной дистанции и низкие показатели высокой дистанции власти. Результаты по Центральной экономической зоне находятся между другими зонами.

Заключение

Результаты нашего исследования показали, что в нашей выборке увеличение количества мигрантов не влияет на межэтническое отношение коренных народов к мигрантам-киргизам. Эмоциональная модальность гетеростереотипов не меняется при изменении их количества. Небольшая вероятность вклада количества мигрантов присутствует в проявлении уровня социальной дистанции. На наш взгляд, данный факт является предвестником изменений характера межэтнических отношений между мигрантами и коренными жителями. Данное предположение мы выдвигаем на основе того, что респонденты при увеличении количества мигрантов предпочитают увеличить социальную дистанцию. Вместе с тем, можно предположить, что актуальное количество мигрантов-киргизов является оптимальным для характера межэтнических отношений

в Республике Саха (Якутия) на сегодняшний день.

Данное исследование имеет поисковый характер, делать серьёзные выводы пока не представляется возможным. На наш взгляд, данные вопросы – оптимальное соотношение количества мигрантов с коренным населением, характер межэтнического отношения коренных жителей к

мигрантам конкретного этноса, имеет перспективу: исследование межэтнических отношений с мигрантами имеет высокую значимость в реалиях современного общества: выявление типа и характера межэтнических отношений между представителями этнических групп, изучение отношений доминирующего большинства и меньшинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Издательство Московского университета, 1990. 240 с.
2. Андросов М. В. Государственная национальная политика Российской Федерации: от концепции к стратегии // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 197–203.
3. Гинзбург О. В., Зайцева Е. А. Этнические гетеростереотипы в картине мира русских и американских подростков // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 4 (108). С. 32–38.
4. Гончарук Е. Ю., Калькова О. К. Эмоциональный компонент в процессе формирования и восприятия этнических авто-и гетеростереотипов русских (на материале ассоциативного эксперимента) // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 258–261.
5. Григорьев Д. С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России // Журнал социологии и социальной антропологии. № 23 (2). С. 215–244. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>.
6. Гуриева С. Д. Установка и межэтнические отношения. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. 180 с.
7. Дыня А. О. Исследование социальной дистанции в этнических молодёжных группах на основе применения методики «Семантический дифференциал» // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 4 (120). С. 21–27.
8. Марсова В. В. Концепт «Социальная дистанция» в социально-гуманитарных науках: история развития и перспективы изучения // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2015. № 2 (32). С. 175–179.
9. Налчаджян А.А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004. 381 с.
10. Нетягова В. А., Колосова А. В. Влияние миграционных процессов из стран СНГ на российское общество // История. Культура. Язык: сборник статей по материалам студенческих научных семинаров / Москва, 11–19 декабря 2021 года. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. С. 238–249.
11. Паин Э. А. Межэтнические отношения: сущность и основные разновидности // Koinon. 2020. Т. 1. № 1-2. С. 71–87. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1.2.003.
12. Стефаненко Т. Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Социальная психология и общество. 2003. URL: <https://www.gumer.info> (дата обращения: 10.10.2024).
13. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряжённости. М.: Смысл, 1998. 389 с.
14. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Высшая школа экономики, 2011. 232 с.

15. Тропникова В. А., Матвейшина А. В. Возрастные особенности этнической толерантности и этнических стереотипов у молодёжи // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2021. № 3. С. 47–56. DOI: 10.24147/2410-6364.2021.3.47-56.
16. Шавлохова Е. С. Межнациональные отношения в России в конце XIX – начале XX вв. // Научный диалог. 2017. № 9. С. 214–225. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-214-225.
17. Щеголькова Е. Ю. Межнациональные (межэтнические) отношения в оценках жителей Республики Саха (Якутия) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти Л. М. Дробизиной / Казань, 28–29 апреля 2022 года / под редакцией Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой, Л. В. Сагитовой. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2022. С. 253–258.

REFERENCES

1. Ageev B. C. *Mezhgruppovoe vzaimodejstvie: social'no-psihologicheskie problemy* [Intergroup interaction: socio-psychological problems]. Moscow, Moscow University Publishing House, 1990. 240 p.
2. Androsov M. V. [State national policy of the Russian Federation: from concept to strategy]. In: *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya* [State and legal studies], 2020, no. 3, pp. 197–203.
3. Ginzburg O. V., Zajceva E. A. [Ethnic heterostereotypes in the worldview of Russian and American teenagers]. In: *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2023, no. 4 (108), pp. 32–38.
4. Goncharuk E. Yu., Kalkova O. K. [Emotional component in the process of formation and perception of ethnic auto- and heterostereotypes of Russians (based on the associative experiment)]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2013, no. 3 (40), pp. 258–261.
5. Grigorev D. S. [Model of the Content of Stereotypes and Ethnic Stereotypes in Russia]. In: *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], no. 23 (2), pp. 215–244. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>.
6. Gurieva S. D. *Ustanovka i mezhetnicheskie otnosheniya* [Attitude and Interethnic Relations]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2008. 180 p.
7. Dynya A. O. [Study of Social Distance in Ethnic Youth Groups Based on the Application of the Semantic Differential Method]. In: *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 2024, no. 4 (120), pp. 21–27.
8. Marsova V. V. [The concept of “Social distance” in the social sciences and humanities: history of development and prospects of study]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev], 2015, no. 2 (32), pp. 175–179.
9. Nalchadzhyan A. A. *Etnopsihologiya* [Ethnopsychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 381 p.
10. Netyagova V. A., Kolosova A. V. [The influence of migration processes from the CIS countries on Russian society]. In: *Istoriya. Kul'tura. Yazyk: sbornik statej po materialam studencheskih nauchnyh seminarov* / Moskva, 11–19 dekabrya 2021 goda [History. Culture. Language: collection of articles based on materials of student research seminars / Moscow, December 11–19, 2021]. Moscow, Russian State Humanitarian University, 2021, pp. 238–249.
11. Pain E. A. [Interethnic relations: essence and main types]. In: *Koinon*, 2020, vol. 1, no. 1-2, pp. 71–87. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1.2.003.

12. Stefanenko T. G. [Social stereotypes and interethnic relations]. In: Social'naya psihologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society], 2003. Available at: <https://www.gumer.info> (accessed: 10.10.2024).
13. Soldatova G. U. Psihologiya mezhetnicheskoj napryazhyonnosti [Psychology of interethnic tension]. Moscow, Smysl Publ., 1998. 389 p.
14. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. Metody etnicheskoj i krosskul'turnoj psihologii [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2011. 232 p.
15. Tropnikova V. A., Matvejshina A. V. [Age Features of Ethnic Tolerance and Ethnic Stereotypes in Young People]. In: Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psihologiya [Bulletin of Omsk University. Series: Psychology], 2021, no. 3, p. 47–56. DOI: 10.24147/2410-6364.2021.3.47-56.
16. Shavlokhova E. S. [Interethnic Relations in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In: Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue], 2017, no. 9, pp. 214–225. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-9-214-225.
17. Shchegolkova E. Yu. [Interethnic (Interethnic) Relations as Assessed by Residents of the Sakha Republic (Yakutia)]. In: Gabdrahmanova G. F., Makarova G. I., Sagitova L. S., ed. Pozitivnyj opyt regulirovaniya etnosocial'nyh i etnokul'turnyh processov v regionah Rossijskoj Federacii: materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchyonnoj pamyati L. M. Drobizhevo / Kazan', 28– 29 aprelya 2022 goda [Positive Experience of Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of L. M. Drobizheva / Kazan, April 28–29, 2022]. Kazan, Shigabutdin Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2022, pp. 253–258.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егорова Аида Июневна – кандидат психологических наук, директор Института психологии Северо-Восточного Федерального университета им. М. К. Аммосова;
e-mail: aidaego@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7985-4134>

Елисеева Наталья Дмитриевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и социальных наук Института психологии Северо-Восточного Федерального университета им. М. К. Аммосова;
e-mail: Eliseeva_n_d@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0351-5822>

Осипова Галина Софроновна – ассистент кафедры психологии и социальных наук Института психологии Северо-Восточного Федерального университета им. М. К. Аммосова;
e-mail: ogs-92@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aida I. Egorova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Director of Institute of Psychology of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov;
e-mail: aidaego@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7985-4134>

Natalia D. Eliseeva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Psychology and Social Sciences of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov;
e-mail: Eliseeva_n_d@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0351-5822>

Galina S. Osipova – Assistant of Department of Psychology and Social Sciences of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov;
e-mail: ogs-92@mail.ru

Original research article

UDC 316.6

DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-49-63

PERSONAL FACTORS OF SUCCESSFUL SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF WOMEN WHO MARRIED FOREIGNERS

L. Ruonala¹, O. Mironova²

¹*Federal State University of Education,*

ul. Radio, 10a, building 2, Moscow, 105005, Russian Federation; e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

²*Financial University under the Government of the Russian Federation, Leningradsky pr-t, 49/2, Moscow, 125167, Russian Federation*

Received by the editorial office 12.12.2024

Revised by the author 27.12.2024

Accepted for publication 28.12.2024

Abstract

Aim. Identification of factors influencing the success of social and psychological adaptation of women married to foreigners.

Procedure and methods. The study was conducted based on social networks using Yandex. Forms. The sample consisted of 154 Russian speaking women who migrated to a new country due to marriage to foreigners, of which 74 respondents migrated to Russia and 80 respondents migrated from Russia. To reach the objective the following methods were used: "Social and psychological adaptation test – questionnaire", "Attachment to close people questionnaire", "Interpersonal relations questionnaire", "Zimbardo time perspective inventory", "Badner's scale of tolerance to uncertainty", "Assessment of aspirations level", "Self – concept clarity scale", "Psychological well-being scale" as well as descriptive statistics, correlation analysis using Spearman's correlation coefficient and factor analysis.

Results of the research demonstrated differences in the adaptability profiles and adaptability in the sample that indicates a complex structure of social and psychological adaptation of migrants. Adaptability is influenced by such factors as self-actualization, pro-activeness, motivation, personality integrity, assessment of achievements level ("I can"). The following factors contribute to maladaptivity: lack of meaning of life, lack of emotional stability and positive self-esteem, significance of result in motivation structure, motivation for failure avoidance, behaviour in close relationships, avoidance of challenges due to negative experiences in the past.

The theoretical and/or practical significance of the study lies in the clarification of ideas regarding factors influencing the success of social and psychological adaptation of women married to foreigners. The data obtained can be used by practical psychologists and employees of social services to provide adequate assistance and support.

Keywords: social and psychological adaptation, marriage migration, adaptability, maladaptability, adaptation of women

For citation: Ruonala L. A., Mironova O. I. Personal factors of successful socio-psychological adaptation of women who married foreigners // Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2025, no. 1, pp. 49-63. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-49-63

© CC BY Руонала Л. А., Миронова О. И., 2025.

Научная статья

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ УСПЕШНОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЖЕНЩИН, ЗАКЛЮЧИВШИХ БРАК С ИНОСТРАНЦАМИ

Руонала Л. А.¹, Миронова О. И.²

¹Государственный университет просвещения; 105005, Москва, ул. Радио, д. 10а, строение 2, Российская Федерация; e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

²Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет); 125167, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2, Российская Федерация

Поступила в редакцию 12.12.2024

После доработки 27.12.2024

Принята к публикации 28.12.2024

Аннотация

Цель. Выявление факторов, влияющих на успешность социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами.

Процедура и методы. Исследование проводилось на базе социальных сетей при помощи «Яндекс.Формы». Выборку составили 154 русскоязычные женщины, переехавшие в новую страну в связи с заключением брака с иностранцами, из них 74 опрошенных переехали в Россию и 80 – из России. Для решения поставленной задачи были использованы методики «Тест-опросник социально-психологической адаптации», «Опросник привязанности к близким людям», «Опросник межличностных отношений», «Опросник временной перспективы Зимбардо», «Шкала толерантности к неопределённости Баднера», «Оценка уровня притязаний», «Шкала ясности Я-концепции», «Шкала психологического благополучия», а также описательная статистика, корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Спирмена и факторный анализ.

Результаты исследования продемонстрировали различия в профилях адаптивности и адаптивности в выборке, что свидетельствует о сложной структуре социально-психологической адаптации мигрантов. На адаптивность влияют такие факторы, как самоактуализация, проактивность, мотивация, целостность личности, оценка уровня достижений («я могу»). Деадаптивности способствуют следующие факторы: отсутствие осмысленности жизни, отсутствие эмоциональной стабильности и позитивной самооценки, значимость результата в структуре мотивации, мотивация на избегание неудач, поведение в близких отношениях, избегание вызовов из-за негативного опыта в прошлом.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в уточнении представлений о факторах, влияющих на успешность социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами. Полученные данные могут быть использованы практическими психологами и сотрудниками социальных служб для оказания адекватной помощи и поддержки.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, брачная миграция, адаптивность, деадаптивность, адаптация женщин

Для цитирования: Руонала Л. А., Миронова О. И. Личностные факторы успешности социально-психологической адаптации женщин, состоящих в браке с иностранцами // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 1. С. 49-63. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-49-63

Introduction

Defining family migration is difficult due to the diversity of family connections and the circumstances of move. The Organization for Economic Co-operation and Development has proposed a classification of family migration which includes three main types: family formation, accompanying family and family reunification [4; 7]. Family formation refers to the situation where citizens or persons having legal status for residing in a country marry foreigners who then become eligible to move or change their status in the country. Accompanying family means the moving of family members at the same time as a migrant who has been granted permission to enter a country for the purpose of work or study. Reunification involves the move of family members to a country where the immediate family lives provided that family ties existed before the relocation.

Currently, the topic of marriage migration is under investigation. Most literature on the social and psychological adaptation of this group of migrants considers economic, demographic and political characteristics of migrating to a new country. A number of articles analyze marriage migration from the perspective of a woman benefiting from moving to a wealthier country [6; 10].

The psychological aspect of marriage migration in most cases falls outside the focus of the attention of modern scientists. The majority of information on this topic is mainly limited to a description of the clinical consequences of the migration and emphasizes the importance of

psycho-therapeutic support for marriage migrants. There is practically no overall research in this area. The literature studied on this topic of the research mainly either focuses on individual elements of adaptation (for example, mental health, isolation, job seeking characteristics) [5; 8; 9] or is associated with the study of individual small groups (for example, migrating from the Philippines to the USA [11], or from a Chinese village [15]).

This study is a continuation of the fundamental research on the topic of social and psychological adaptation of women married to foreigners. At the previous stages the theoretical model of social and psychological female adaptation [14] was proposed and the determinants that affect the success of integration into the host society [12] were identified.

As the stage of the theoretical study has shown when studying the social and psychological characteristics of adaptation of marriage migrants – women, in order to understand the studied processes it is necessary to take into account the specific difficulties the migrants from the studied group face after migrating: the predominance of the forced contacts in the communication structure; women's expectations related to interaction with society do not coincide with society's expectations; ideas about oneself as a migrant before migrating do not coincide with the real ideas about oneself in a new country; the predominance of external motivation when migrating to a new country (to follow one's husband), as a consequence – loss of job and familiar environment.

These difficulties that determine the dynamics of the adaptation process and its components: the stages (honeymoon, accumulation of contradictions, depression, integration), levels (cultural, social, personal, the level of close relations), types (assimilation, separation, marginalization, integration). The inability to solve any expected difficulties leads to “getting stuck” at the corresponding adaptation stages and are characterized by specific clinical manifestations: irritability, frustration, depression, somatization, interpersonal conflicts [13].

The current research examines the marriage migration with the purpose of starting a family, when a woman migrates to a new country to a husband raised in a different culture and at the same time the couple has not previously lived together. Since marriage migration is usually associated with the migration of women to their husbands, the study of women who married foreigners allows us to better understand the processes of social and psychological migrants' adaptation.

Thus, the aim of the study is to identify the personal characteristics of women who married foreigners that influence the success of their social and psychological adaptation in a new country.

This stage of the research is devoted to empirical testing hypotheses formulated at the previous, theoretical stage of the study: 1) the success of social and psychological adaptation of women married to foreigners is influenced by the following characteristics: features of interpersonal communication, time perspective, tolerance to uncertainty, motivation profile, level of aspirations, self – concept, type of attachment, characteristics of mental well-being; 2) it is possible to identify personal factors of social and psychological adaptation of women married to foreigners.

Methodology

To reach the objectives of the study, reliable and valid methods were selected and used. The level of social and psychological adaptation of the respondents was determined using the method “Social and psychological adaptation test – questionnaire” edited by A. K. Osnitskiy.

The type of attachment to a partner was identified using the method “Attachment to close people questionnaire” edited by N. V. Sabelnikova and D. V. Kashirskiy.

Thanks to the method “Interpersonal relations questionnaire” edited by A. Rukavishnikov, the characteristics of the expected and actual behaviour towards oneself and others in interpersonal communication were determined among the respondents in each of the groups.

To identify the attitude of the respondents to a continuum, the method “Zimbardo time perspective inventory” was used.

The level of tolerance of the respondents to uncertainty was assessed by the method “Badner’s scale of tolerance to uncertainty” edited by Soldatova.

The factors influencing the level of aspirations were determined using the method “Assessment the level of aspirations” by V. K. Gerbachevskiy.

Using the method “Self – concept clarity scale” by J. Campbell edited by V. V. Vdovenko, S. A. Shtchebetenko differences between the real and ideal images were revealed.

Finally, the level and characteristics of psychological well – being were studied using the method “Psychological well-being scale” by K. Ryff edited by T. D. Shevelenkova and P. P. Fesenko.

The questionnaire also included questions examining social characteristics of

the respondents (length of residence in a new country, age, presence of children, level of education, employment, knowledge of the new country's language, income level).

Study Procedure

To confirm the hypothesis, a survey of women migrated to a new country due to marriage was conducted. The study involved 156 women who speak Russian and live in Russia or abroad. A sample of women living after migration in the countries belonging to different cultures was formed to identify common characteristics of social and psychological adaptation of marriage migrants, for example, independent of specifics of the host society.

The study was conducted from December 01, 2023, to February 25, 2024. The participants in the study were asked to fill in a questionnaire in Yandex.Forms. All participants were informed, that the data obtained would be used in the study of factors of social and psychological adaptation of the women married to foreigners. The participation was voluntarily and anonymous.

74 respondents migrated to Russia from such countries as Austria (1 woman), Armenia (4 women), Belarus (4 women), Bulgaria (4 women), Great Britain (1 woman), Hungary (1 woman), Germany (5 women), Georgia (1 woman), Kazakhstan (9 women), Canada (1 woman), Kyrgyzstan (2 women), Moldova (3 women), Poland (1 woman), the USA (4 women), Tajikistan (2 women), Turkmenistan (1 woman), Ukraine (22 women), Finland (1 woman), Estonia (1 woman).

The remaining 80 respondents migrated from Russia to such countries as Australia

(1 woman), Austria (3 women), Armenia (3 women), Belarus (3 women), Bulgaria (1 woman), Great Britain (1 woman), Hungary (3 women), Germany (13 women), Greece (1 woman), Georgia (3 women), India (1 woman), Ireland (1 woman), Italy (2 women), Kazakhstan (2 women), Canada (2 women), Kyrgyzstan (1 woman), Latvia (1 woman), Morocco (1 woman), Mexico (1 woman), New Zealand (1 woman), Peru (1 woman), Serbia (1 woman), Singapore (1 woman), the USA (6 women), Turkey (13 women), Finland (1 woman), Czech Republic (1 woman), Switzerland (1 woman), Sweden (1 woman), South Korea (3 women), Japan (1 woman). All participants were aware of the purposes of the study and took part in it voluntarily.

This study was conducted in three stages. At the first stage a survey of respondents was carried out. At the second stage the data obtained was analyzed using the methods of mathematical statistics: correlation research to identify connections between the studied characteristics of the respondents and the indexes of their adaptability and maladaptivity was conducted using Spearman's non-parametric coefficient. The third stage was devoted to identifying personal factors of successful social and psychological adaptation of the respondents using a factor analysis. All calculations were made using the program IBM SPSS Statistics v. 26.

Social characteristics of the sample are shown in Fig. 1–4.

According to the data obtained, the respondents mostly have a higher education, have lived in the new country from 1 to 9 years, their average age is 36 – 40 years and the economic status corresponds to the middle-class level.

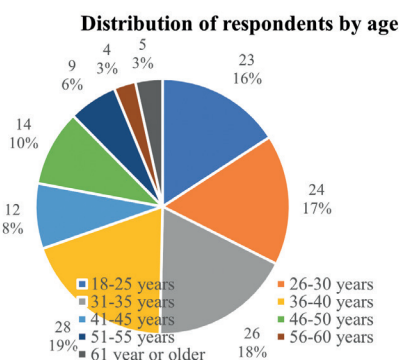

Fig. 1 / Рис. 1. Distribution of respondents by age / Распределение респондентов по возрасту

Source: author's data.

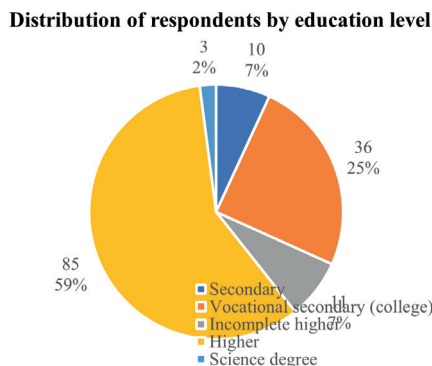

Fig. 2 / Рис. 2. Distribution of respondents by education level / Распределение респондентов по образованию

Source: author's data.

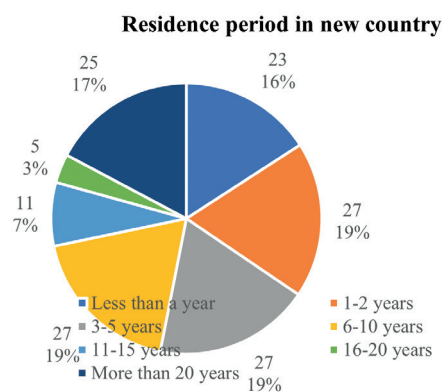

Fig. 3 / Рис. 3. Distribution of respondents by residence period in new country / Распределение респондентов по сроку жизни в новой стране

Source: author's data.

Analysis of the study results

To validate and detail the data obtained in the result of the questionnaire, statistical methods of data processing were used (descriptive statistics, correlation analysis using Spearman's correlation coefficient, factor analysis).

The first task of this study was to identify the parameters correlating with the indicators of adaptability and maladaptivity of the respondents. The widely accepted method by Rogers – Dymond edited by Osnitskiy was used to determine the level of characteristics of social and

Economic status of family

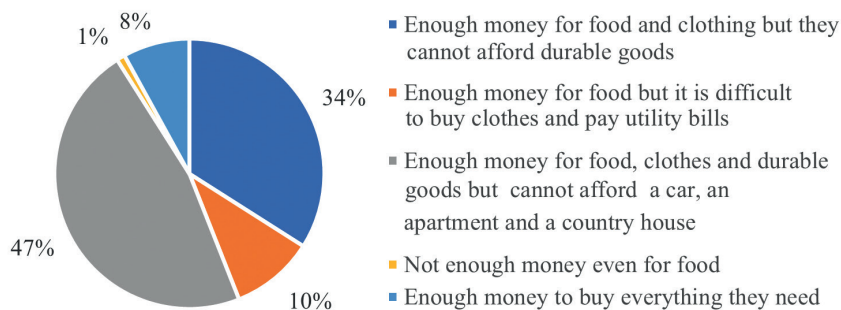

Fig. 4 / Рис. 4. Economic status of family / Экономический статус семьи

Source: author's data.

psychological adaptation of women married to foreigners. This tool best meets the requirements of this study.

At the same time it should be noted that at present time there are a number of questions regarding the interpretation of the final scales of this questionnaire [1], therefore, due to the unclear interpretations in the Russian version of the final scales of the questionnaire it was decided to use transitional scales (adaptability, maladaptivity) for which optimal and suboptimal values were presented. These scales were also chosen to assess if it is possible to call the process of social and psychological adaptation linear or if the structure of correlations between adaptability and maladaptivity will differ.

Figure 5 clearly presents the results of the correlation analysis.

As can be seen from the correlation study conducted, the scales of the questionnaire of attachment to close people (avoidance and anxiety) demonstrate a strong negative connection with adaptation and a strong positive connection with maladaptation.

The questionnaire of interpersonal communication did not show correlations with adaptability and maladaptivity in the sample studied, while it showed significant differences when studying marriage migrants satisfied or dissatisfied with marriage which caused them to migrate to a new country [2]. As the additional research showed, the scale “expressed behavior in area of affect” demonstrates a negative connection with the level of proficiency in the language of the new country and education, and the scale “required behaviour in the area of affect” is negatively connected with such social characteristics as having children and living with children.

Thus, it can be assumed that this method can be used for studying the influence of social characteristics of migrant – women on communication, but communication associated with adaptability should

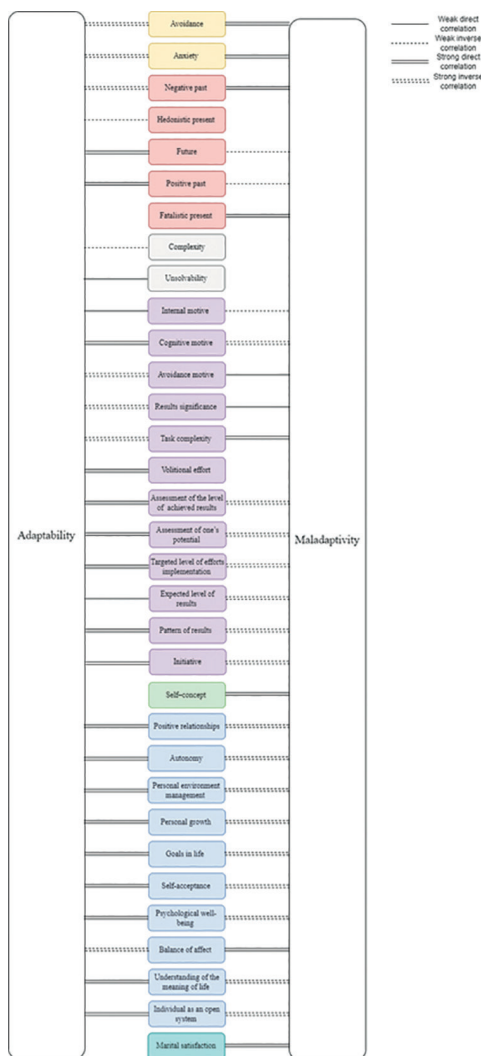

Fig. 5 / Рис. 5. Correlation pleiade of a profile of social and psychological adaptation of women married to foreigners / Корреляционная плеяда профиля социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами

Source: author's data.

be measured with other tools. It is likely that the indicator of interpersonal communication is associated with the adaptability of the respondents not directly but through other characteristics.

The results of the correlation study of connections between the adaptability scales and time perspective questionnaire are interesting, demonstrating differences in the profiles of adaptability and maladaptivity of the respondents. Thus, the ideas about the negative past, future and positive past are associated with both adaptability and maladaptivity. At the same time, adaptability is associated with the ability of women to focus on what is happening “here and now”, without difficulty in relation to what is happening while maladaptivity is influenced by affirmations associated with a fatalistic attitude to towards life events.

It can be assumed that such results reveal the psychological characteristics of the studied group since among migrants the line separating the past and the present is especially noticeable – it is migrating to a new country. The data obtained are logical and the questionnaire can be used when working with recently moved migrants for predictive diagnostics of their social and psychological adaptation development.

The tolerance to uncertainty questionnaire revealed weak connections between the scales only with the adaptation indicator: a weak negative on the “complexity” scale and a weak positive on the “unsolvability” scale. It can be assumed that the respondents had a high level of adaptation due to setting the bar high and their belief that this level can be achieved without serious difficulties.

The aspirations level questionnaire showed a very interesting correlation

with adaptability and maladaptivity scales in the sample. According to the data obtained, motivation and aspirations levels significantly influence the level of social and psychological migrants’ adaptation. Scales associated with a focus on results showed a strong connection with adaptability and maladaptivity.

These results reveal the differences obtained in time perspective inventory and allow us to formulate the hypothesis that hopes for changes associated with migrating to a new country are of significant importance for the successful migrants’ adaptation, and belief in the possibility of these changes and volitional effort for their achievements help to overcome difficulties arising in the adaptation process.

The Self-concept consistency questionnaire did not show connections with adaptability. But it is clear that the lack of consistency of the Self-concept leads to maladaptation.

The method for assessing psychological well-being showed strong connections with adaptability and maladaptivity on all scales. This method can be recommended for use in studying the level of social and psychological adaptation of migrants and assessing such significant for individual indicators as integrity, communicative skills and abilities, sense of purpose, having goals in life, self-acceptance.

Regarding the social indicators studied, a strong positive connection between maladaptivity and marital satisfaction was identified. It corresponds to the results of the previous research conducted as part of studying the factors of social and psychological adaptation of women who migrated to a new country due to marriage [2]. We can make a conclusion that marital satisfaction and the desire to save the marriage may be connected with the fact that a

woman manages her available psychological, economic, time resources differently prioritizing family needs rather than own.

It should be noted that the obtained data indicate that the profiles of adapt-

ability and maladaptivity differ in the sample studied. Consequently, psychological work aimed at developing successful social and psychological adaptation of women married to foreigners should in-

Table 1 / Таблица 1

Adaptability factors / Факторы адаптации

Rotated components matrixa	Component			
	1	2	3	4
Avoidance			-0,455	
Anxiety	-0,638			
Negative past	-0,805			
Hedonistic present				
Future			0,509	
Positive past			0,594	
Complexity				-0,580
Unsolvability			0,421	
Internal motive		0,703		
Cognitive motive		0,670		
Avoidance motive				-0,671
Results significance		-0,640		
Task complexity				-0,542
Volitional effort		0,508		
Assessment of the level of the achieved results		0,470		0,428
Assessment of one's potential		0,705		
Targeted level of efforts implementation		0,737		
Expected level of results		0,561		
Pattern of results		0,550		
Initiative	0,472			
Positive relations	0,659			
Autonomy	0,483			
Personal environment management	0,675			
Personal growth			0,514	
Life goals	0,626			
Self-acceptance	0,803			
Psychological well-being	0,742			
Balance of affect	-0,892			
Making sense of life			0,563	
Individual as an open system			0,706	

*Factors extraction method: principal components method.

Rotation method: Varimax with Kaiser normalization.

a. Rotation converged in 7 iterations.

Source: authors' data.

Table 2 Таблица 2.

Maladaptivity factors / Факторы дезадаптации

Rotated components matrixa	Component					
	1	2	3	4	5	6
Avoidance					-0,609	
Anxiety		-0,640				
Negative past		-0,780				
Future	0,559					
Positive past						0,662
Fatalistic present		-0,680				
Internal motive			0,746			
Cognitive motive			0,704			
Avoidance motive				-0,644		
Results significance			-0,613			
Task complexity						-0,632
Assessment of the level of achieved results				0,655		
Assessment of one's potential			0,656			
Targeted level of efforts implementation			0,783			
Self-concept		-0,722				
Autonomy	0,534					
Personal environment management	0,612					
Personal growth	0,775					
Life goals	0,708					
Self-acceptance		0,561				
Psychological well-being	0,744					
Balance of affect		-0,799				
Making sense of life	0,825					
Individual as an open system	0,853					
Marital satisfaction					-0,805	

Factors extraction method: principal components method.

Rotation method: Varimax with Kaiser normalization.

a. Rotation converged in 9 iterations.

Source: authors' data.

clude both tools for improving adaptation and reducing maladaptation.

The second objective of the current study was identifying the factors of adaptability and maladaptivity based on the conducted questionnaire of the personal characteristics of the sample. Only scales

that showed correlations with the indicators of adaptability and maladaptivity were selected as variables for the analysis.

Analyzing the data obtained as a result of factor analysis, it can be assumed that the first component group is associated with such personality characteristics as

self-actualization, pro-activity, the second group describes motivation factors, the third one illustrates the integrity of an individual, and the fourth – assessment of achievements level (“I can”).

Based on the results of the conducted factor analysis we can conclude that maladaptivity has a more complicated structure than adaptability. At least this assumption is true for the determinants associated with psychological characteristics of the women surveyed.

The first category can be combined into factors of lack of meaning in life, the second category is lack of emotional stability and positive self-esteem, the third one is associated with the significance of the result in the motivation structure, the fourth one describes the motivation for failure avoidance, the fifth category describes behaviour in close relationships, and the sixth one refers to avoidance of challenges due to negative experience in the past.

It should be noted that the third, the fourth, the fifth and the sixth components are in one way or another associated with the avoidance motive but they manifest themselves in various life areas (motivation, aspirations level, organization of tasks resolving and close relationships).

Discussion

Before discussing the result obtained, it is worth noting some limitations of the conducted study that shall be considered when interpreting the data mentioned above.

Firstly, due to crudity of the topic under study and lack of reviews studying specifically social and psychological characteristics of marriage migrants in the process of adaptation to a new country, a number of methods were chosen to test hypotheses. Since the correlations of adaptation

indicators with various characteristics of women's personality were checked at this stage, some methods will be further refined, so we can assess prospects and leave one of them for a more detailed study of certain characteristics of individuals who migrated to a new country.

Secondly, we can specify the problem of the influence of hidden factors on the process of social and psychological adaptation of the studied group. Most of the studies found on success of migrants' adaptation give logical recommendations about the necessity of learning the language of the host country, find employment and make friends. At the same time, apparently, these recommendations can lead to false adaptation and do not contribute to real integration into society. However, at the current stage of the study we can only speculate on the direction of further developments that will help to identify these hidden factors.

Thirdly, some difficulties can be specified in the interpretation of the factors obtained during the research. In the future when studying this topic, we can use other methods and discover that some of the scales studied here will be excluded and the obtained factors will have a more homogeneous structure.

Despite the identified limitations, we can already make a number of interesting conclusions associated with the successful adaptation of both the studied sample and migrants in general.

The conducted study showed that the process of social and psychological adaptation of women married to foreigners has a non – linear character. That is, at psychological support of migrants, it is necessary not only to improve adaptability, but also to pay attention to the prevention of maladaptivity.

As can be seen from the conducted correlation study, the type of attachment, characteristics of psychological well-being and some parameters for motivation and ideas about time perspective are associated with both adaptation and maladaptation. At the same time, there are specific indicators associated only with adaptability (hedonistic present, tolerance for uncertainty, volitional will in the motivation profile) or only with maladaptivity (fatalistic present, self – concept, marital satisfaction). The use of the tools associated with identifying these differences has a diagnostic and predictive nature.

In addition, apparently it is necessary, first, to pay attention to working with maladaptivity in order to improve the social and psychological adaptation. Otherwise, for example, when working with motivation to adaptation one may encounter a paradoxical situation where a client is asked to make a volitional effort in relation to a meaningless action. And the inconsistency of the self-concept may be not only the cause but the consequence of the crisis in which a woman migrated to a new country finds herself.

It is also obvious that studies considering marriage migration only from the point of view of obtaining economic benefits are insufficient for understanding the psychological reasons of migration to a new country due to marriage. The motivation of women married to foreigners has a more complicated structure and fulfills not only objective needs for improving life quality but is also associated with needs and affirmations that a woman herself may not be aware of.

In addition, the factors associated with motivation and pro-activity of the respondents show the strongest connections with the level of adaptability and maladaptivity.

Since one of the objectives of this research was studying the factors of social and psychological adaptation of non-local groups of women in certain countries or belonging to certain diaspora, the data obtained go beyond sociological parameters and try to come close to understanding the psychological characteristics typical for different groups of migrants. This objective has also been considered within the framework of the current study using qualitative methods on the same sample [3].

Thus, with further study of the topic of successful social and psychological adaptation of women married to foreigners, it is reasonable to study the motivational structure of migrants in connection with affirmations, values, underlying reasons of migration which the woman herself is often not aware of. However, it is they that shape the motivational profile of women and their level of subjectivity and the success of social and psychological adaptation in a new country. Additionally, an important perspective when studying migration psychology is a more accurate identification of the parameters of adaptability and maladaptivity separately in large samples.

Based on the research conducted it can be concluded that the first hypothesis was partially confirmed, the second hypothesis was fully confirmed.

Conclusions

Despite the ongoing interest of the scientific community in the migration theme, the topic of factors for successful social and psychological adaptation of women migrated to a new country due to marriage still remains undetermined.

The conducted empirical study of factors of successful social and psychological adaptation of women married to foreigners allow us to establish the complexity

and non-linearity of the phenomenon of migration adaptation.

As the correlation study has shown, the following characteristics influence the success of social and psychological women adaptation: time perspective, tolerance to uncertainty, motivational profile, level of aspirations, self – concept, type of attachment, characteristics of psychological well-being.

During psychological work with marriage migrants, it is necessary to take into account the differences in their profiles of adaptability and maladaptivity. Thus, adaptability is influenced by such factors as self-actualization, pro-activity, motivation structure, personality integrity, and

assessment of the achievements level. Maladaptivity is associated with a lack of meaning in life, a lack of emotional stability and positive self-esteem, result importance in the motivation structure, motivation for failure avoidance, behaviour in close relationships, avoidance of challenges due to negative experience in the past.

The interesting topics for studying social and psychological adaptation of women married to foreigners are examination of the content of hidden factors of adaptability and maladaptivity, such as the motivation profile and the identification of unconscious reasons associated with the decision to choose a foreigner as a partner.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белобрыкина О. А., Дроздова А. В. Социально-психологическая адаптация: проблемы измерения (на примере анализа методики К. Р. Роджерса и Р. Ф. Даймонд) // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 3. С. 10–51. DOI: 10.24412/2303-9744-2021-3-10-41.
2. Миронова О. И., Руонала Л. А. Удовлетворённость браком как фактор социально-психологической адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 3. С. 120–132. DOI: 10.18384/2310-7235-2022-3-120-132.
3. Руонала Л. А. Контент-анализ как метод социально-психологической диагностики адаптации женщин, заключивших брак с иностранцами // Человеческий капитал. 2024. Т. 187. № 7. С. 126–140.
4. Чудиновских О. С. Измерение семейной миграции в России: источники данных и проблемы их интерпретации // Вопросы статистики. 2020. Т. 27. № 4. С. 24–52. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52.
5. Alarcão V. Fertility, Migration and Acculturation (FEMINA): a research protocol for studying intersectional sexual and reproductive health inequalities // Reproductive Health. 2019. № 16. P. 2–13. DOI: 10.1186/s12978-019-0795-5.
6. Carver N. 'For her protection and benefit': the regulation of marriage-related migration to the UK // Ethnic and Racial Studies. 2016. Vol. 39. № 15. P. 2758–2776.
7. Charsley K. British South Asian Transnational Marriage // Marriage Migration and Integration. 2020. № 1. P. 83–121.
8. Carroll H., Luzes M. The migration journey and mental health: Evidence from Venezuelanforced migration // SSM - Population Health. 2020. № 10. P. 2–11. DOI: 10.1016/j.ssmph.2020.100551.
9. Crawford C. Decolonizing Reproductive Labor: Caribbean Women, Migration, and Domestic Work in the Global Economy // The Global South. 2018. Vol. 12. № 1. P. 33–55. DOI: 10.2979/globalsouth.12.1.03.

10. Hoogenraad H. Marriage migration as happiness projects? Africa-origin male marriage migrants' experiences with marriage migration to Australia // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021. Vol. 47. № 9. P. 2144–2160.
11. Lauser A. Philippine women on the move: Marriage across borders // *International Migration*. 2008. Vol. 46. № 4. P. 85–110.
12. Mironova O. I., Ruonala L. A. Determinants of successful social and psychological adaptation of women married to foreigners // *Психология и право*. 2024. Vol. 14. № 3. P. 220–236. DOI: 10.17759/psylaw.2024140317.
13. Mironova O. I., Ruonala L. A. Psychological Difficulties in Marriage Migrant Women Adaptation // *Психология и право*. 2023. Vol. 13. № 3. P. 161–174. DOI:10.17759/psylaw.2023130312
14. Mironova O. I., Ruonala L. A. Model of Social and Psychological Adaptation of Women Married to Foreigners // *Психология и право*. 2024. Vol. 14. № 1. P. 248–265. DOI:10.17759/psylaw.2024140116.
15. Xiong W. Love is elsewhere: Internal migration and marriage prospects in China // *European Journal of Population*. 2023. Vol. 39. № 1. P. 6.

REFERENCES

1. Belobrykina O. A., Drozdova A. V. [Socialno-psihologicheskaya adaptatsiya: problemy izmereniya (na primere analiza metodiki K. R. Rodzhersa i R. F. Dajmond)] In: *Vestnik po pedagogike i psihologii Yuzhnoj Sibiri* [Social and psychological adaptation: problems of measurement (based on the analysis of the methodology of K. R. Rogers and R. F. Diamond)], 2021, no. 3, pp. 10–51. DOI: 10.24412/2303-9744-2021-3-10-41.
2. Mironova O. I., Ruonala L. A. [Satisfaction with marriage as a factor of socio-psychological adaptation of women who married with foreigners] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences], 2022, no. 3. pp. 120–132. DOI: 10.18384/2310-7235-2022-3-120-132.
3. Ruonala L. A. [Content analysis as a method of socio-psychological adaptation of women who married foreigners] In: *Chelovecheskij kapital* [Human capital], 2024, vol. 187, no. 7, pp. 126–140.
4. Chudinovskih O. S. [Measuring family migration in Russia: data sources and problems of their compliance] In: *Voprosy statistiki* [Questions of statistics], 2020, vol. 27, no. 4, pp. 24–52. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52.
5. Alarcão V. Fertility, Migration and Acculturation (FEMINA): a research protocol for studying intersectional sexual and reproductive health inequalities In: *Reproductive Health*, 2019, no. 16, pp. 2–13. DOI: 10.1186/s12978-019-0795-5.
6. Carver N. 'For her protection and benefit': the regulation of marriage-related migration to the UK. In: *Ethnic and Racial Studies*, 2016, vol. 39, no. 15, pp. 2758–2776.
7. Charsley K. British South Asian Transnational Marriage. In: *Marriage Migration and Integration*, 2020, no. 1, pp. 83–121.
8. Carroll H., Luzes M. The migration journey and mental health: Evidence from Venezuelanforced migration. In: *SSM - Population Health*, 2020, no. 10, pp. 2–11. DOI: 10.1016/j.ssmph.2020.100551.
9. Crawford C. Decolonizing Reproductive Labor: Caribbean Women, Migration, and Domestic Work in the Global Economy. In: *The Global South*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 33–55. DOI: 10.2979/globalsouth.12.1.03.

10. Hoogenraad H. Marriage migration as happiness projects? In: Africa-origin male marriage migrants' experiences with marriage migration to Australia. In: *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2021, vol. 47, no. 9, pp. 2144–2160.
11. Lauser A. Philippine women on the move: Marriage across borders. In: *International Migration*, 2008, vol. 46, no. 4, pp. 85–110.
12. Mironova O. I., Ruonala L. A. Determinants of successful social and psychological adaptation of women married to foreigners. In: *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2024, vol. 14, no. 3, pp. 220–236. DOI: 10.17759/psylaw.2024140317.
13. Mironova O. I., Ruonala L. A. Psychological Difficulties in Marriage Migrant Women Adaptation. In: *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2023, vol. 13, no. 3, pp. 161–174. DOI:10.17759/psylaw.2023130312.
14. Mironova O. I., Ruonala L. A. Model of Social and Psychological Adaptation of Women Married to Foreigners. In: *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2024, vol. 14, no. 1, pp. 248–265. DOI:10.17759/psylaw.2024140116
15. Xiong W. Love is elsewhere: Internal migration and marriage prospects in China. In: *European Journal of Population*, 2023, vol. 39, no. 1, p. 6.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lydia A. Ruonala – Postgraduate Student, Department of Social and Pedagogical Psychology of Federal State University of Education;

e-mail: lydia.ruonala@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>

Oksana I. Mironova – Dr Sci (Psychology), Prof, Prof of the Department of Psychology and Human Capital Development of Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation;

e-mail: mironova_oksana@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4822-5877>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Руонала Лидия Александровна (Москва) – аспирант кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения; e-mail: lydia.ruonala@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>

Миронова Оксана Ивановна (Москва) – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет);

e-mail: mironova_oksana@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4822-5877>

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-64-78

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И САМООТНОШЕНИЯ У ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

Токарская Л. В.^{1*}, Демченко Е. Е.², Горбунов А. М.¹

¹Уральский федеральный университет, 620000, г. Екатеринбург, ул. Ленина, д. 51,
Российская Федерация

²Частное образовательное учреждение «Центр "Белый слон"», 620144, г. Екатеринбург,
ул. Союзная, д. 8, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: liydmi@mail.ru

Поступила в редакцию 27.11.2024

После доработки 13.01.2025

Принята к публикации 15.01.2025

Аннотация

Цель. Изучение особенностей проявления самоотношения и уровня жизнестойкости у людей зрелого возраста с установленной во взрослом возрасте инвалидностью, проживающих самостоятельно и в стационарных учреждениях социального обслуживания.

Процедура и методы. Выборка состоит из двух групп испытуемых – по 30 человек с инвалидностью и без неё. Использованные методы: «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой; многомерный опросник исследования самоотношения (МИС) С. Р. Пантилеева; опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» (ОППР) Н. Водопьяновой, М. Штейн; Опросник «Потенциал самоизменений» личности В. Р. Манукян, И. Р. Муртазиной, Н. В. Гришиной; авторская анкета для сбора биографических данных. Использованы методы математической статистики.

Результаты исследования указывают на то, что показатели уровня жизнестойкости, компонентов самоотношения, индекса ресурсности и потенциала самоизменений у испытуемых с инвалидностью, проживающих самостоятельно и в стационарных учреждениях социального обслуживания, в целом сопоставимы. Выявлена также статистически достоверная связь между шкалой «Сумма потерь» и наличием у испытуемых инвалидности, т. е. этим людям свойственно больше негативных переживаний относительно потерянных ресурсов, что может происходить как вследствие инвалидизирующего заболевания, так и из-за сужения социальных контактов, ограничений в работе и активной жизнедеятельности.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования при проектировании психокоррекционных программ в реабилитационных центрах и учреждениях социальной политики.

Ключевые слова: жизнестойкость, инвалидность, лица зрелого возраста, персональные ресурсы, самоотношение, учреждения стационарного типа

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (РНФ) по научному проекту №24-28-01409 «Фундаментальные подходы к проектированию сенсорно-благополучных сред для людей с ограниченными возможностями здоровья»

© СС ВУ Токарская Л. В., Демченко Е. Е., Горбунов А. М., 2025.

Для цитирования: Токарская Л. В., Демченко Е. Е., Горбунов А. М. Исследование жизнестойкости и самоотношения у людей с инвалидностью в зрелом возрасте // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 1. С. 64-78. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-64-78

Original research article

A STUDY OF HARDINESS AND SELF-ATTITUDE IN PEOPLE WITH DISABILITIES IN ADULTRY AGE

L. Tokarskaya¹, Ye. Demchenko², A. Gorbunov¹

¹Ural Federal University, ul. Lenina, 51, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation

²Private educational institution "White Elephant Center", ul. Sousnaia 8, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: liydmil@mail.ru

Received by the editorial office 27.11.2024

Revised by the author 13.01.2025

Accepted for publication 15.01.2025

Abstract

Aim. Studying the characteristics of the manifestation of self-attitude and the level of hardiness in people of mature age with a disability established in adulthood, living independently and in inpatient social service institutions.

Methodology. The sample consists of two groups of subjects – 30 people with and without disabilities. The methods used: "Hardiness Test" by S. Maddi, adapted by D. A. Leontiev, E. I. Rasskazova; multidimensional questionnaire for self-attitude research (MIS) by S. R. Pantileev; questionnaire "Losses and acquisitions of personal resources" (LOPR) by N. Vodopyanova, M. Stein; questionnaire "Potential for self-change" of personality by V. R. Manukyan, I. R. Murtazina, N. V. Grishina; the author's questionnaire for collecting biographical data. Methods of mathematical statistics were used.

Results. The results of the study indicate that the indicators of the level of hardiness, components of self-attitude, resource index and potential for self-change in subjects with disabilities living independently and in inpatient social service institutions are generally comparable.

A statistically significant relationship was found between the "Sum of Losses" scale and the presence of disability in the subjects, that is, these people tend to have more negative experiences regarding lost resources, which can occur both as a result of a disabling disease and due to a narrowing of social contacts, restrictions in work and active life.

Research implications. The research results might be used in the design of psychocorrectional programs in rehabilitation centers and social policy institutions.

Keywords: hardiness, disability, mature adults, personal resources, self-esteem, residential care facilities

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of a grant from the Russian Science Foundation (RSF) for research project No. 24-28-01409 "Fundamental approaches to designing sensory-friendly environments for people with disabilities".

For citation: Tokarskaya L. V., Demchenko E. E., Gorbunov A. M. A study of hardiness and self-attitude in people with disabilities in adulthood age // Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2025, no. 1, pp. 64-78. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-64-78

Введение

Повышение качества медицинской помощи и государственная поддержка населения приводят к увеличению средней продолжительности жизни, что в свою очередь ведёт к росту количества людей старшего возраста, имеющих инвалидность. Так, по состоянию на 2023 г. в России насчитывается почти 11 миллионов таких людей, при этом значительную часть из них составляют лица трудоспособного возраста¹. В связи с этим актуальным становится вопрос адаптации данной категории людей в обществе и на работе. Успешность этого процесса связана не только с экономическими и социальными факторами, но и с психологическими особенностями данной категории лиц. К примеру, высокий уровень жизнестойкости и самоотношения будет способствовать адаптации к ситуации инвалидности, а следовательно, может повысить качество жизни, поддерживать социальные взаимоотношения и профессиональную самореализацию.

Цель работы: изучение особенностей проявления самоотношения и уровня жизнестойкости у людей зрелого возраста с установленной во взрослом возрасте инвалидностью, проживающих самостоятельно и в стационарных учреждениях социального обслуживания.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что люди с ин-

валидностью обладают более низким уровнем жизнестойкости и ресурсности, чем лица без инвалидности.

Методики исследования: «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой; многомерный опросник исследования самоотношения (МИС) С. Р. Пантеева; опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» (ОППР) Н. Водопьяновой, М. Штейн; опросник «Потенциал самоизменений» личности В. Р. Манукян, И. Р. Муртазиной, Н. В. Гришиной; авторская анкета для сбора биографических данных.

Особенности жизнестойкости и самоотношения у лиц с инвалидностью, полученной во взрослом возрасте.

Методология исследования

В ситуации, когда инвалидность наступает во взрослом возрасте, трудности обусловлены не только ограничениями, связанными со здоровьем; но и изменением статуса, самоощущения и представления о себе как личности; а также с трансформацией отношений с окружающими людьми [10]. Инвалидность оказывает влияние и на применяемые стратегии совладания, использование личных ресурсов [10], что усложняется различным уровнем эффективности и интегрированности данных показателей в зависимости от срока инвалидизации и типа нозологии [7].

Кроме частных психологических изменений, наблюдается и более общая проблема адаптации после травмы во

¹ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2023).

взрослом возрасте - значительно более низкие показатели адаптированности по сравнению с инвалидами детства [2].

Люди с инвалидностью ощущают острое влияние травматизации и ограничения своих функциональных возможностей. Они стараются исключить эти ситуации из своей жизни, избегая мыслей и воспоминаний об инвалидности, стараясь не рассказывать о себе вообще. Однако, несмотря на это вытеснение, функциональное состояние продолжает оказывать влияние на их жизнь, а травмирующая ситуация часто воспринимается как препятствие для самореализации и свободы выбора [6].

При этом, в отличие от того, как люди реагируют на хроническую болезнь, чаще оценивая ситуацию как требующую преодоления с возможностью возвращения к прежним социальным активностям, лица с инвалидностью, как правило, воспринимают своё состояние как полную утрату здоровья. Испытывая неуверенность, они стараются опереться на семью, формируя при этом зависимые отношения [11].

Безусловно, значимым является не только поиск внешних источников поддержки, но и психологических факторов, способствующих эффективному преодолению стресса и снижению (или даже предотвращению) внутреннего напряжения, которым может стать жизнестойкость. Особо актуальным данный вопрос может стать для лиц трудоспособного возраста, постоянно проживающих в стационарных учреждениях социального обслуживания (и в меньшей степени включённых исследователями в процесс изучения из-за трудности доступа к данной категории испытуемых), поскольку выявление и поддержка личностных

ресурсов может повлиять на возможность самостоятельного проживания для кого-то из них.

Жизнестойкость – это способность личности воспринимать стрессовые обстоятельства не как источник вероятных нарушений и трудностей, а как возможность личностного развития [18], знаменатель психического здоровья человека [19], который способствует преодолению личностью различных обстоятельств и, как следствие, преодолению самой себя [8].

Особенно востребованной становится жизнестойкость для людей с долгим сроком инвалидности, т. к. данный показатель является ведущим ресурсом и интегратором системы, независимо от типа нозологии [7]. При этом, уровень жизнестойкости будет зависеть от того, насколько творчески люди подходят к решению жизненных проблем, занимаются развитием способностей, умений, личностных качеств и ориентируются на достижение успеха в своих действиях, а также осмысливают жизнь [9].

Более высокий уровень образования, вовлечённость в какую-либо профессиональную сферу и значимость проблем общественной жизни дают максимальный шанс найти нечто интересное для личности, получить удовольствие от собственной деятельности, тем самым давая возможность стать более стрессоустойчивой [9]. С другой стороны, чем выше показатели жизнестойкости, тем больше люди с инвалидностью оказываются включены в профессиональную и общественную жизнь [9].

Количество и качество социального взаимодействия будет способствовать повышению уровня жизнестойкости и

надежды. А при высокой жизнестойкости и мотивационном состоянии (надежде) благополучие людей, переживших травму, будет больше [3].

На уровень жизнестойкости влияет и самоотношение человека. Оно является одной из форм отражения окружающей действительности, которую можно преобразовывать с помощью жизнестойкости, дающей силы и мотивирующей к здоровому образу мыслей и поведению. Самоотношение играет «важнейшую роль в установлении межличностных отношений, в постановке и достижении целей, в способах формирования и разрешения кризисных ситуаций, в адекватной включенности субъекта в различного рода психокоррекционные и психотерапевтические мероприятия» [12, с. 32].

Именно высокий уровень самоотношения снижает интенсивность переживания проблем [17], в то время как низкие его показатели связаны с развитием депрессии [20]. Такие компоненты самоотношения, как самоуважение, аутосимпатия, ожидаемое отношение других, самоинтерес, самоуверенность, самопонимание и т. д. [13], возможность влиять на окружение для удовлетворения своих потребностей [3] будут слабее развиты при высоком уровне тревожности.

Постоянное эмоциональное напряжение и возникающие вследствие инвалидизации посттравматические расстройства приводят к усилению отрицательных черт характера индивида, искажению поведения и неадекватному выражению эмоций вплоть до проявления агрессии и аутоагрессии. Многие лица с инвалидностью испытывают негативное отношение к себе, характеризующееся пренебрежитель-

ностью и враждебностью [1; 4]. В итоге нарушение самоотношения оказывается источником психической травмы и причиной использования неэффективных стратегий совладания с жизненными трудностями [5].

Специфика самоотношения взрослых людей с инвалидностью может быть обусловлена видом нарушения. Так, при нарушениях зрения, слуха или речи часто наблюдаются экстремально высокие показатели самоотношения, что может иметь компенсаторный характер. При ограниченных психофизических возможностях обычно наблюдается позитивное отношение к себе, принятие себя, но при этом низкое самоуважение. Эти люди считают, что события их жизни малопредсказуемы и в основном зависят от внешних обстоятельств, у них нет уверенности в своих способностях и возможностях. Это усугубляется также недостаточным пониманием своих переживаний, действий и поступков [4].

Сформированное у лиц с инвалидностью положительное самоотношение будет способствовать хорошим отношениям с окружающими, открытости, доброжелательности, снижению коммуникативных трудностей, повышению социальной активности, окажет положительное воздействие на психическое самочувствие индивида и его социальное поведение [16].

Некоторые параметры самоотношения являются важным ресурсом социально-психологической адаптации, так, при нарушениях слуха, зрения, функций опорно-двигательного аппарата, наибольшее значение для адаптации имеют самоуважение, уверенность в своей интересности для других. При тяжёлых нарушениях речи для адапта-

ции важен высокий уровень самоконтроля, самопоследовательность. При всех вариантах нарушенного развития значимым является ожидаемое отношение других [1].

Для того, чтобы развиваться в позитивном ключе, сохранять себя как личность и продолжать активную жизнедеятельность в обществе, людям с инвалидностью необходимы высокая эмоциональная устойчивость, воля и оптимистичное отношение к жизни. Однако, чтобы сделать такой позитивный конструктивный выбор, они должны иметь адекватную самооценку, ощущение целостности своего «Я», быть активны в социально-психологическом аспекте. Они должны адекватно относиться к своему состоянию, рассматривая его не как преграду для развития, а как часть своей жизни, которую можно принять и с которой можно справиться. Это позволит им полноценно жить и добиваться успехов несмотря на существующие ограничения [15].

Результаты исследования

Выборка состояла из двух групп испытуемых по 30 человек с инвалидностью и без неё. Исследование осуществлялось на базе ГАСУСО СО «Пансионат для престарелых и инвалидов «Семь ключей» и ГАУ СО «Областной центр реабилитации инвалидов», а в отношении лиц без инвалидности также через Google-форму в сети Интернет.

В обе группы вошли люди в возрасте от 45 до 65 лет. При этом в группу лиц с инвалидностью включались только люди с сохранёнными когнитивными функциями и отсутствием выявленных психических заболеваний.

Средний возраст лиц с инвалидностью составил 57,9 лет, а лиц без инвалидности – 53,6. 60% из них – мужчины. В государственном учреждении проживают 27% респондентов, больше половины испытуемых (53%) проживают с семьёй, остальные 20% живут одни. При этом 43% состоят в браке, 17% – вдовствуют, столько же – холосты, а 23% в разводе. Детей не оказалось почти у 27 % респондентов. У 30% есть высшее образование, у 17% – среднее общее, у одного человека незаконченное высшее, у половины опрошенных – среднее специальное образование. Только 17% опрошенных имеют работу в данный момент. У большинства респондентов вторая группа инвалидности (57%), ещё треть (33%) имеет третью группу, у остальных – первая группа. Половине респондентов впервые установлена инвалидность менее 10 лет назад, 33% – более десяти лет назад, а оставшимся 17% – за последний год. 27% респондентов получили инвалидность после инсульта. Среди других причин отмечают: инфаркт, онкология, диабет, сложные переломы и ампутация конечностей, тугоухость, аневризма и прочее.

Средний возраст людей без инвалидности составил 53,6 года, среди них только 30% мужчин, возможно, они проявили меньше интереса к исследованию, поскольку участники набирались не только через государственные учреждения. 70% респондентов состоят в браке, почти по 7 % – холосты или в разводе, а 17 % – вдовцы. 77% трудоустроены. Только у одного респондента нет детей. Почти половина выборки имеет высшее образование (47%), столько же имеют среднее специальное образование, у остальных – толь-

ко среднее общее. 10% проживают на постоянной основе в государственном учреждении, 17% проживают в одиночестве, оставшиеся 73% проживают с семьёй.

Несмотря на то, что нами не проводились углублённые сравнения выборок по социально-демографическим показателям, необходимо отметить, что обе группы людей относятся к трудоспособному возрасту, при этом среди лиц, не имеющих инвалидности, значительно больше тех, кто трудоустроен (77% против 17%) – что может оказывать влияние на уровень их жизнестойкости (согласно данным Е. В. Медведевой). Среди людей без инвалидности больше и тех, кто состоит в браке (70% против 43%), а также проживает с семьёй (73% и 53%) и имеет детей (97% и 73%).

Результаты исследования *жизнестойкости* показывают, что в группе *лиц с инвалидностью* людей с высоким уровнем жизнестойкости 20%, большинству (70%) характерен средний уровень жизнестойкости. При этом, высокий уровень чаще встречается по показателю «вовлечённость» (27%), т. е. жизнестойкость реализуется через стремление испытуемых быть максимально активными. Также развитию жизнестойкости способствует контроль как самый часто встречающийся компонент со средним уровнем (80%), т. е. респонденты могут опираться на свою убеждённость в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего. Принятие риска чаще чем другие компоненты представлено на низком уровне, однако 87% испытуемых, имеющих средние или высокие показатели по данному критерию, могут поддерживать свою жизнестой-

кость через развитие, осуществляемое за счёт активного усвоения и использования знаний.

Стоит отметить, что *все респонденты (3 человека) с низким уровнем жизнестойкости, принятия риска и вовлечённости, постоянно проживают в государственном учреждении*, это может указывать на наличие у них ощущения отвергнутости и ненужности. Ресурсом для поддержания жизнестойкости для них выступает контроль, проявляющийся в стремлении сохранения базового комфорта и безопасности. Мы полагаем, что низкие показатели могут быть также связаны с наличием у этих людей ограничений в ресурсах, как материальных, так и нематериальных: отсутствии семейной поддержки, дружественных связей, возможностей разностороннего развития и материальной независимости.

В группе *людей без инвалидности* также большинство имеют средний уровень развития жизнестойкости (77%), 17% имеют высокие показатели, а 6% – низкие. Можно сказать, что все три компонента жизнестойкости практически в равной степени используются испытуемыми, т. е. сбалансированно способствуют преодолению трудных жизненных ситуаций.

Необходимо отметить, что «вовлечённость» в обеих группах имеет одинаковое распределение по частоте встречаемости каждого уровня развития (низкий – 10%, средний – 63%, высокий – 27%), т. е. вовлечённость является одинаково важной для всех людей в ситуации неопределённости.

Несмотря на некоторые различия в данных, статистическая их оценка с использованием t-критерия Стьюдента не выявила разницы между уровнем

жизнестойкости и её компонентов и наличием либо отсутствием инвалидности у испытуемых, *то есть первая часть гипотезы не подтвердилась.*

Более того, у людей с инвалидностью, в среднем, уровень жизнестойкости и контроля несколько выше, а уровень принятия риска ниже, чем у людей без инвалидности. Возможно, это позволяет им продолжать вести активную деятельность и развиваться, несмотря ни на что.

Исследование уровня самоотношения показывает, что профили в обеих группах испытуемых имеют тенденцию к средним показателям по большинству шкал, т. е. у всех достаточно сбалансированное положительное отношение к себе. Однако только 17% испытуемых без инвалидности и 23% испытуемых с инвалидностью продемонстрировали средние показатели абсолютно по всем шкалам, у остальных так или иначе присутствуют слишком низкие или очень высокие баллы по тому или иному показателю.

Так, в обеих группах по 27% испытуемых имеют высокий показатель по шкале «открытость-закрытость», что может указывать на их неспособность или нежелание осознавать и выдавать значимую информацию о себе, и может отражаться на полученных результатах.

Люди без инвалидности более уверены в себе, у них отсутствует внутренняя напряжённость, у них более высокий показатель по шкале «самоуверенность».

Чаще всего, в обеих группах встречаются высокие показатели по шкале «саморуководство» (у 47% респондентов с инвалидностью и 40% и – без), т. е. они считают источником активности и результатов, касающихся как

деятельности, так и собственной личности, самих себя. Только у одного испытуемого с инвалидностью данные по показателю низкие.

Все испытуемые считают, что способны вызывать уважение и симпатию у других, поскольку ни у кого не было обнаружено низких показателей по шкале «зеркальное Я», в то время как высокие результаты наблюдаются у 10% испытуемых с инвалидностью и у 17% людей без инвалидности.

Помимо этого, всех испытуемых можно описать как заинтересованных в собственном Я, любящих себя и ощущающих ценность собственной личности, на что указывают средние и высокие (23, 5 и 33 % по группам) показатели по шкале «самоценность».

Также отношение респондентов к себе можно описать как дружеское, они живут в согласии с собой, принимая себя такими, какие они есть. У 33% испытуемых без инвалидности и у 47% людей с инвалидностью показатель по шкале «самопринятие» имеет высокие значения, что является самым распространённым высоким результатом среди шкал для выборки людей с инвалидностью и коррелирует с результатами И. В. Голубевой.

Почти также часто встречаются повышенные показатели по шкале «самопривязанность», что характеризует испытуемых как нежелающих меняться, привязанных к устоявшемуся образу «Я», на фоне общего положительного отношения к себе. Это может быть связано с возрастом, так как личностные черты становятся все менее гибкими, а основные характеристики заостряются.

90% испытуемых с инвалидностью обладают повышенной рефлексией и адекватным образом «Я», однако

у оставшихся 10% данные по шкале «внутренняя конфликтность» говорят о том, что они отрицают проблемы, закрыты для контакта и поверхностно самодовольны. В группе людей без инвалидности столько же респондентов имеют пониженные показатели, а у 7% они, наоборот, повышенные, что характеризует фон отношения их к себе как негативный, и указывает на пониженную самооценку.

По шкале «самообвинения» повышенные значения у двух респондентов с инвалидностью и четырёх – без неё, могут указывать на склонность испытывать негативные эмоции в свой адрес, даже несмотря на более высокую самооценку своих качеств и достижений. Однако остальные участники исследования имеют более низкие показатели, а 13% людей с инвалидностью и 20% людей без инвалидности имеют вовсе сниженные показатели по данной шкале.

Несмотря на отсутствие значимых различий по показателям самоотношения и наличием или отсутствием инвалидности, можно сделать следующие выводы:

1. В среднем, у испытуемых, имеющих инвалидность, выше уровень открытости, конфликтности и самообвинения, т. е. они менее глубоко погружены в себя, вследствие чего могут отрицать наличие проблем, а также чаще испытывать отрицательные эмоции в свой адрес;

2. У испытуемых, без инвалидности в среднем выше уровень самоуверенности, саморукводства, зеркального я, самооценности, самопринятия и самопривязанности, т. е. выше значения шкал, ответственных за положительное отношение к себе.

Таким образом, люди с инвалидностью зрелого возраста в знакомых ситуациях способны сохранять работоспособность и уверенность в себе, ориентированы на успех в начинаниях, однако в случае неожиданного столкновения с трудностями может нарастать тревога и беспокойство, а уверенность в себе снижается. Возникающие препятствия способствуют усилению недооценки собственных успехов, что сочетается со склонностью к подчинению средовым воздействиям. Они склонны считать, что положительное отношение окружающих распространяется лишь на определённые их качества и поступки, а другие – вызывают у окружающих раздражение и непринятие, что зачастую является не только их личными представлениями, но и отражением действительно демонстрируемого поведения других людей. В целом они оценивают себя достаточно высоко, выделяя ряд своих качеств и признавая их уникальность, но также имеют и явно недооценённые стороны, вследствие чего замечания окружающих могут вызвать ощущение малоценности, личной несостоятельности. Так или иначе, существует некоторая избирательность по отношению к своим личностным свойствам, т. е. стремление изменить одни свои качества уравнивается потребностью в сохранении других. Также им может быть характерно обвинение себя за те или иные поступки и действия, в сочетании с выражением гнева, досады в адрес окружающих [14].

Оценка результатов, полученных по опроснику «Потери и приобретения персональных ресурсов» (ОППР) Н. Водопьяновой, М. Штейн, показывает, что у 10% людей без инвалидности

и 13% людей с инвалидностью наблюдается низкий уровень ресурсности, т. е. жизненные разочарования преобладают над достижениями, снижен адаптационный потенциал личности и они более подвержены воздействию стресса. Высоким уровнем ресурсности обладают 53% испытуемых без инвалидности и 37% людей с инвалидностью. Все остальные испытуемые в обеих группах имеют средний уровень ресурсности. Это означает, что 90% испытуемых в группе лиц без инвалидности и 87% испытуемых с инвалидностью так или иначе находят баланс между приобретениями и потерями в своей жизни, что является важной составляющей способности противостоять трудным жизненным ситуациям и оценивать качество своей жизни как более высокое.

Результат использования *u*-критерия Манна-Уитни для соотношения уровня суммы потерь и наличия либо отсутствия инвалидности у испытуемых представлен в таблице 1.

Полученные данные указывают на наличие значимых различий только по переменной «Сумма потерь», т. е. людям с инвалидностью свойственно больше негативных переживаний, относительно потерянных ресурсов, как материаль-

ных, так и нематериальных. Это может происходить как напрямую, вследствие приобретения инвалидизирующего заболевания и ухудшения физического самочувствия, так и косвенно, через сужение социальных контактов, ограничений в работе и активной жизнедеятельности, а также изменившихся отношений с окружающими.

В среднем, у лиц с инвалидностью выше уровень суммы потерь (70,47 против 55,73), но ниже индекс ресурсности (1,38 против 1,79), т. е. *вторая часть нашей гипотезы частично подтвердилась*; а уровень приобретений в группах сопоставим (82,83 и 82,17 соответственно). Это говорит о том, что в среднем люди с инвалидностью оценивают доступ к различного рода ресурсам наравне с людьми без инвалидности, что помогает им противостоять сложным жизненным ситуациям и оценивать качество жизни достаточно высоко. Однако имея более высокий уровень оцениваемых потерь ресурсов, адаптационный потенциал снижается, вследствие чего подверженность стрессовому воздействию у них выше.

Высокой способностью к самоизменениям (по данным *опросника «Потенциал самоизменений» личности*) в группе людей с инвалидно-

Таблица 1 / Table 1

Значимые результаты использования *u*-критерия Манна-Уитни / Significant results using the Mann-Whitney *u*-test

Переменная	Наличие или отсутствие инвалидности							
	Отмеченные критерии значимы на уровне $p < 0,05000$							
	Сум. ранг Нет	Сум. ранг Да	U	Z	p-уров.	Z скорр.	p-уров.	2-х стор точн. p
Сумма потерь	766,5	1063,5	301,5	-2,188	0,029	-2,190	0,029	0,027

Источник: данные автора.

стью обладают всего 6% испытуемых, а в группе людей без инвалидности – 13%. Показатели большей части обеих групп оказались средними (77% и 67% соответственно), т. е. у них достаточно высок уровень потенциала самоизменений. Это характеризует их как адаптированных, стремящихся к совершенствованию, верящих, что можно влиять на свою жизнь. Однако 17% испытуемых с инвалидностью и 20% испытуемых без неё демонстрируют нежелание меняться, предпочитают привычные образцы поведения.

У людей, имеющих инвалидность, несколько ниже уровень потенциала самоизменений, потребности в них, веры в возможности их реализовать, но выше возможности самоизменений, то есть *частично наша гипотеза подтверждается*.

Средний уровень по шкале «способность к осознанным самоизменениям» у людей с инвалидностью равен 21,27, а у людей без инвалидности – 22,97, т. е. у лиц с инвалидностью он чуть ниже.

В целом, можно описать людей с инвалидностью как стремящихся к самоизменениям, способных ставить цели и планомерно реализовывать их в жизни, верящих, что самоизменения возможны, а также достаточно гибких, чтобы иметь возможность меняться.

Анализ **различий показателей всех методик по группам инвалидности** не выявил статистически значимой взаимосвязи между переменными, что, возможно, обусловлено крайне небольшим количеством испытуемых в группах или спецификой выборки.

Однако, сравнение средних значений по переменным показало, что:

1. У испытуемых с *третьей группой инвалидности* жизнестойкость (89,60

против 85,00 и 86,47) вовлечённость (42,40 против 41,33 и 38,29) и принятие риска (16,40 против 12,67 и 15,00) выше, чем у других. У них также выше значения по шкалам «самоценность» (6,90), «самопринятие» (6,80), «самопривязанность» (7,20). Выявлен самый высокий средний показатель по шкале «сумма приобретений» (87,30).

2. При *второй группе инвалидности* выше средние значения по компоненту «контроль» (33,18 против 31,00 и 30,80) и шкале самообвинения (4,82). У них также самые высокие показатели по шкалам «потенциал самоизменений» и «вера в возможность самоизменений» (42,53 и 18,12).

3. У респондентов с *1 группой* средние значения выше по шкалам открытость (7,00), самоуверенность (6,00), саморуководство (7,33), зеркальное Я (7,00), конфликтность (4,67), а также, индекс ресурсности (1,48) и самое низкое среднее значение суммы потерь (66,33).

Исходя из полученных данных, можно сделать предварительный вывод о том, что разница в показателях с учётом группы инвалидности может присутствовать и даже если интегральные показатели примерно равны, они могут реализовываться благодаря разным компонентам, поэтому психологическое вмешательство необходимо строить, опираясь на более развитые свойства и качества индивида для успешного совладания с трудными жизненными ситуациями. Однако данное предположение требует дальнейшего уточнения через увеличение выборки испытуемых с учётом групп инвалидности.

Выводы. Таким образом, у людей с инвалидностью в среднем обнару-

живаются более высокие значения по уровню развития жизнестойкости, компонентам вовлечённости и контроля, а уровень принятия риска ниже, чем у людей без инвалидности, хотя в целом и является средним.

Самоотношение лиц с инвалидностью можно описать как сбалансированное, а отношение к себе в целом положительное. А потенциал самоизменений у них несколько ниже, чем у людей без инвалидности, но находится в пределах средних значений.

Важно отметить, что у людей с инвалидностью оказалась *статистически выше оценка потерь персональных ресурсов*, что необходимо учитывать в работе с ними. Эти люди оценивают доступ к различного рода ресурсам наравне с респондентами без инвалидности, однако имея более высокий уровень оцениваемых потерь, адаптационный потенциал снижается, вследствие чего подверженность стрессовому воздействию возрастает.

Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют нам говорить, что показатели уровня жизнестойкости, компонентов самоотношения, индекса ресурсности и потенциала самоизменений в обеих группах испытуемых в целом сопоставимы. Людей с инвалидностью зрелого возраста можно считать достаточно жизнестойкими, имеющими сбалансированное положительное отношение к себе, способными противостоять стрессу и адаптироваться благодаря имеющимся ресурсам, а также быть способными к самоизменениям, что следует учитывать при проектировании психокоррекционных программ.

Перспективы исследования состоят в расширении и уточнении выборки испытуемых с инвалидностью в части группы инвалидности и определения конкретной нозологической группы, поскольку это может стать значимым фактором, влияющим на уровень их жизнестойкости и самоотношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адеева Т. Н., Тихонова И. В., Хазова С. А. Самоотношение как ресурс адаптации личности в ситуации ограниченных возможностей здоровья // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 5. 13 с.
2. Бонкало Т. И., Гольцов А. В., Шмелева С. В. Особенности психологической адаптации инвалидов с поздним поражением опорно-двигательного аппарата // Вестник московского государственного областного университета. 2016. № 4. С. 2–7.
3. Булюбаш И. Д., Грознова Е. В. Факторы, определяющие психологическое благополучие пациентов с последствиями спинномозговой травмы // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2018. № 21 (3-4). С. 183–188.
4. Голубева И. В. Самоотношение как психологическое условие успешности самореализации лиц с ограниченными психофизическими возможностями // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2013. № 28. С. 140–145.
5. Ким Л. М. Специфика самоотношения инвалидов в процессе групповой работы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2010. 22 с.
6. Клименко Е. Е. Психологические измерения жизненной перспективы в ситуации ограничения физических возможностей // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (5). С. 70–73.

7. Куш Е. А., Чеботарев С. С. Личностные ресурсы совладающего поведения людей с ограниченными возможностями // Вестник магистратуры. 2012. № 4. С. 63–66.
8. Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Учёные записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. 2002. № 1. С. 56–65.
9. Медведева Е. В. Взаимосвязь ценностно-смысловых ориентаций и жизнестойкости инвалидов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2008. № 2. С. 172–177.
10. Морозова И. В. Социально-психологическая адаптация личности, находящейся в условиях инвалидизирующего заболевания: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2008. 27 с.
11. Орлова М. М. Исследование качества жизни как системной характеристики ситуации болезни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 4-1. С. 83–89.
12. Пантеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
13. Петрова Н. Ф., Ляшова В. А. Особенности самоотношения личности с разным уровнем тревожности // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-4. С. 299–303.
14. Посохова С. Т., Соловьева С. Л. Настольная книга практического психолога. СПб.: Хранитель; Сова, 2008. 671 с.
15. Разуваева Т. Н., Локтева А. В., Гут Ю. Н. Модель психологического сопровождения лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата // Медицинская психология в России. 2020. Т. 12. № 3. С. 10. DOI: 10.24412/2219-8245-2020-3-10.
16. Тагирова Р. А. Самоотношение как устойчивый компонент толерантного сознания // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12. С. 143–147.
17. Coopersmith S. The antecedents of self esteem. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, Inc., 1967. 283 p.
18. Maddi S. R. Hardiness: An Operationalization of Existential Courage // Journal of Humanistic Psychology. 2004. Vol. 44. № 3. P. 279–298.
19. Maddi S. R., Khoshaba D. M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. Vol. 63. № 2. P. 265–274.
20. Pyszczynski T., Greenberg J. The Role of Self-Focused Attention in the Development, Maintenance, and Exacerbation of Depression // *Self and Identity: Psychosocial Perspectives*. Chichester, England: Wiley, 1987. P. 105–129.

REFERENCES

1. Adeeva T. N., Tihonova I. V., Hazova S. A. [Self-attitude as a resource for personality adaptation in a situation of limited health opportunities]. In: Mir nauki. Pedagogika i psihologiya [The World of Science. Pedagogy and Psychology], 2022, vol. 10, no. 5. 13 p.
2. Bonkalo T. I., Golcov A. V., Shmeleva S. V. [Features of psychological adaptation of disabled people with late damage to the musculoskeletal system]. In: Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of the Moscow State Regional University], 2016, no. 4, pp. 2–7.
3. Bulyubash I. D., Groznova E. V. [Factors determining the psychological well-being of patients with the consequences of spinal cord injury]. In: Mediko-social'naya ekspertiza i reabilitaciya [Medical and social examination and rehabilitation], 2018, no. 21 (3-4), pp. 183–188.

4. Golubeva I. V. [Self-attitude as a psychological condition for successful self-realization of persons with limited psychophysical abilities]. In: Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psihologii [Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology], 2013, no. 28, pp. 140–145.
5. Kim L. M. Specifika samootnosheniya invalidov v processe gruppovoy raboty: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Specifics of self-attitude of persons with disabilities in the process of group work: abstract of Cand. Sci. in Psychology]. Yaroslavl, 2010. 22 p.
6. Klimenko E. E. [Psychological dimensions of life prospects in a situation of limited physical abilities]. In: Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies], 2015, no. 1 (5), p. 70–73.
7. Kushch E. A., Chebotarev S. S. [Personal resources of coping behavior of people with disabilities]. In: Vestnik magistratury [Bulletin of the Magistracy], 2012, no. 4, pp. 63–66.
8. Leont'ev D. A. [Personality in personality: personal potential as a basis for self-determination]. In: Uchyonye zapiski kafedry obshchej psihologii MGU im. M. V. Lomonosova [Scientific notes of the Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University], 2002, no. 1, pp. 56–65.
9. Medvedeva E. V. [Interrelation between value-semantic orientations and resilience of people with disabilities]. In: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference], 2008, no. 2, pp. 172–177.
10. Morozova I. V. Social'no-psihologicheskaya adaptaciya lichnosti, nahodyashcheysya v usloviyah invalidiziruyushchego zabolevaniya: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Social and psychological adaptation of a person living with a disabling disease: abstract of Cand. Sci. thesis in Psychology]. Yaroslavl, 2008. 27 p.
11. Orlova M. M. [Study of the quality of life as a systemic characteristic of the disease situation]. In: Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika [Bulletin of the Saratov University. New series. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2014, vol. 14, no. 4-1, pp. 83–89.
12. Pantileev S. R. Metodika issledovaniya samootnosheniya [Methodology for studying self-attitude]. Moscow, Smysl Publ., 1993. 32 p.
13. Petrova N. F., Lyashova V. A. [Features of self-attitude of an individual with different levels of anxiety]. In: Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of modern pedagogical education], 2022, no. 74-4, pp. 299–303.
14. Posohova S. T., Soloveva S. L. Nastol'naya kniga prakticheskogo psihologa [Handbook of a practical psychologist]. St. Petersburg, Hranitel'; Sova Publ., 2008. 671 p.
15. Razuvaeva T. N., Lokteva A. V., Gut Yu. N. [Model of psychological support for individuals with musculoskeletal disorders]. In: Medicinskaya psihologiya v Rossii [Medical Psychology in Russia], 2020, vol. 12, no. 3, p. 10. DOI: 10.24412/2219-8245-2020-3-10.
16. Tagirova R. A. [Self-esteem as a stable component of tolerant consciousness]. In: Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2018, no. 12, pp. 143–147.
17. Coopersmith S. The antecedents of self esteem. Palo Alto, CA, Consulting Psychologists Press, Inc., 1967. 283 p.
18. Maddi S. R. Hardiness: An Operationalization of Existential Courage. In: Journal of Humanistic Psychology, 2004, vol. 44, no. 3, pp. 279–298.
19. Maddi S. R., Khoshaba D. M. Hardiness and Mental Health. In: Journal of Personality Assessment, 1994, vol. 63, no. 2, pp. 265–274.

20. Pyszczynski T., Greenberg J. The Role of Self-Focused Attention in the Development, Maintenance, and Exacerbation of Depression. In: *Self and Identity: Psychosocial Perspectives*. Chichester, England, Wiley Publ., 1987. P. 105–129.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Токарская Людмила Валерьевна (Екатеринбург) – кандидат психологических наук, доцент, кафедра возрастной и педагогической психологии Уральского федерального университета;

e-mail: liydml@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2385-9227>

Демченко Елизавета Евгеньевна (Екатеринбург) – нейропсихолог Частного образовательного учреждения «Центр “Белый слон”»;

e-mail: demchenko_el.veta@mail.ru

Горбунов Андрей Михайлович (Екатеринбург) – аспирант Уральского федерального университета;

e-mail: garusse@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila V. Tokarskaya (Ekaterinburg) – Cand. Sci. (Psychological sciences,) Assoc. Prof., Department of developmental and educational psychology of the Ural Federal University;

e-mail: liydml@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2385-9227>

Elizaveta E. Demchenko (Ekaterinburg) – neuropsychologist of the Private educational institution “Center “White Elephant””;

e-mail: demchenko_el.veta@mail.ru

Gorbunov Andrey Mikhailovich (Ekaterinburg) – Postgraduate student of the Ural Federal University;

e-mail: garusse@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-79-91

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ КАК МЕХАНИЗМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Авакян И. Б.

*Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С. М. Штеменко, 350005,
г. Краснодар, ул. Грибоедова, д. 12, Российская Федерация; e-mail: avakjaninna@rambler.ru*

Поступила в редакцию 23.10.2024

После доработки 05.12.2024

Принята к публикации 09.12.2024

Аннотация

Цель. Выявление взаимосвязи педагогического консерватизма и механизмов психологической защиты.

Процедура и методы. В исследовании принял участие профессорско-преподавательский состав вузов России (Самара, Ульяновск, Башкортостан, Екатеринбург) в возрасте от 25 до 65 лет (средний возраст $M=42,3$; $SD=8,7$). В качестве диагностического инструментария использовались опросник «Оценка педагогического консерватизма» (И. Б. Авакян), методика «Диагностика типологий психологической защиты» (Р. Плутчик в адаптации Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой и др.). В качестве статистических методов использовались одновыборочный критерий λ -Колмогорова-Смирнова, стандартизированный размер эффекта d -Коэна, непараметрический критерий ранговой корреляции r_s – Спирмена, метод линейной регрессии.

Результаты исследования. Установлена согласованность данных выборки с законом нормального распределения. Выявлена исключительно большая величина статистического эффекта неконструктивных защитных психологических механизмов (отрицание, вытеснение, регрессия, проекция, замещение, реактивное образование) и малая, средняя величины эффекта компенсации, интеллектуализации в динамичности состояния педагогического консерватизма преподавателя вуза. Обнаружены положительные связи между показателями педагогического консерватизма преподавателя вуза и механизмами психологической защиты. Выявлена линейная зависимость между уровнем педагогического консерватизма преподавателя вуза и механизмами психологической защиты. Результаты

эмпирического исследования показали доминирование выраженности среднего и высокого уровня педагогического консерватизма преподавателя вуза на основе преобладания неконструктивных механизмов психологической защиты, что позволяет рассматривать педагогический консерватизм как негативное явление, приводящее к состоянию профессиональной стагнации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты в ходе проведённого исследования могут быть использованы для разработки программы профилактики и преодоления педагогического консерватизма через формирование психологической готовности к инновационным изменениям в системе высшего профессионального образования.

Ключевые слова: педагогический консерватизм, преподаватель, вуз, отрицание, регрессия, компенсация, ригидность, профессиональная стагнация

Благодарности. Автор благодарит профессорско-преподавательский состав вузов, принявших участие в исследовании, а также выражает признательность рецензентам за качественный и подробный анализ содержания статьи.

Для цитирования: Авакян И. Б. Педагогический консерватизм как механизм психологической защиты преподавателя вуза // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 1. С. 79-91. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-79-91

Original research article

PEDAGOGICAL CONSERVATISM AS A MECHANISM OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE OF A HIGHER EDUCATION INSTITUTION TEACHER

I. Avakyan

*Krasnodar Higher Military School named after General of the Army S. M. Shtemenko,
ul. Griboyedova, 12, Krasnodar, 350005, Russian Federation*

Received by the editorial office 23.10.2024

Revised by the author 05.12.2024

Accepted for publication 09.12.2024

Abstract

Aim. Identification of the relationship between pedagogical conservatism and psychological defense mechanisms.

Methodology. The study involved the teaching staff of Russian universities (Samara, Ulyanovsk, Bashkortostan, Yekaterinburg) aged 25 to 65 years (mean age $M=42.3$; $SD=8.7$). The diagnostic tools used were the questionnaire "Assessment of pedagogical conservatism" (I. B. Avakyan), the method "Diagnostics of typologies of psychological defense" (R. Plutchik adapted by L. I. Wasserman, O. F. Eryshev, E. B. Klubova et al.). The statistical methods used were the one-sample Kolmogorov-Smirnov λ -test, the standardized effect size of Cohen's d , the nonparametric rank correlation test r_s - Spearman, the linear regression method.

Results. The consistency of the sample data with the normal distribution law was established. An exceptionally large value of the statistical effect of non-constructive protective psychological mechanisms (denial, repression, regression, projection, substitution, reactive formation) and a small, average value of the compensation effect, intellectualization in the dynamics of the

state of pedagogical conservatism of a university teacher were revealed. Positive relationships were found between the indicators of pedagogical conservatism of a university teacher and the mechanisms of psychological defense. A linear relationship was found between the level of pedagogical conservatism of a university teacher and the mechanisms of psychological defense. The results of the empirical study showed the dominance of the expression of the average and high level of pedagogical conservatism of a university teacher based on the prevalence of non-constructive mechanisms of psychological defense, which allows us to consider pedagogical conservatism as a negative phenomenon leading to a state of professional stagnation.

Research implications. The results obtained during the study can be used to develop a program for the prevention and overcoming of pedagogical conservatism through the formation of psychological readiness for innovative changes in the system of higher professional education.

Keywords: pedagogical conservatism, teacher, university, denial, regression, compensation, rigidity, professional stagnation.

Acknowledgments: The author thanks the faculty of the universities that took part in the study, and also expresses gratitude to the reviewers for the high-quality and detailed analysis of the content of the article.

For citation: Avakyan I. B. Pedagogical conservatism as a mechanism of psychological defense of a higher education institution teacher // Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2025, no. 1, pp. 79-91. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-79-91

Введение

Актуальность цифровизации и компьютеризации в современном российском обществе [11] способствует глобальным преобразованиям системы высшего профессионального образования, обуславливающих переоценку ценностно-смысловых аспектов педагогической деятельности [15], что, безусловно, формирует инновационную модель мировоззренческих характеристик, установок, норм, традиций, идеалов [16]. В связи с этим вовлечённость, контроль и готовность к риску [17] определяются системообразующими факторами мотивации к достижению успеха в инновационной педагогической деятельности [2; 18], требующей системного психического напряжения, приводящей к состоянию утомления, усталости, повышенной инерционности в динамике нервных процессов, психологическим нарушениям эмоционально-волевой и познаватель-

ной сфер личности на фоне жёсткой экономии личностных ресурсов [4]. Следовательно, состояние инновационной пассивности и утомления способствует снижению количественных и качественных показателей профессиональной деятельности, с одной стороны, инициирует деструктивное поведение преподавателя вуза [13] как результат негативного отношения к нововведениям, формализма, шаблонности, рецептурности на фоне открытого педагогического сопротивления, с другой стороны [5; 19]. Следует отметить, что несоответствие материального стимула психическим и физическим затратам в профессиональной деятельности, низкий уровень организационной, технической, методической и психологической готовности к принятию педагогических новшеств продуцируют страх неопределённости, боязнь неудачи, приводящие к психологической угрозе [7], что формирует

вынужденную активность защитных психологических механизмов от эмоционального выгорания [8], продуцирующая редукцию профессиональных достижений. Так, например, отрицание как защитный механизм психики способствует блокировке новой информации, приводящей к искажению профессиональной действительности на фоне личностного самоутешения. Проекция препятствует преобладанию личностной ответственности в преодолении психологических кризисов. Идеализация функционирует в условиях доминирования профессиональных стереотипов, традиционных норм и ценностей, приводит к бессознательному вытеснению нововведений как астенического синдрома. В то же время регрессия как защитный механизм стабилизации повышенной тревожности на фоне страха возрастания профессиональной нагрузки способствует профессиональной деградации личности. Следовательно, с одной стороны, педагогический консерватизм как механизм психологической защиты выполняет оберегающую функцию, обеспечивая комфортное психоэмоциональное состояние на фоне минимизации тревоги, эмоционального напряжения, раздражительности. С другой стороны, состояние педагогического консерватизма в условиях профессионального безразличия, равнодушия препятствует стремлению к саморазвитию, приводит к личностно-профессиональному застою [12]. Иначе говоря, состояние педагогического консерватизма позволяет преподавателю высшего учебного заведения исключать из сферы сознания субъективно неприемлемые требования и условия педагогической деятельности как результат психотрав-

мирующих событий, что демонстрирует неспособность личности преодолевать профессиональные трудности и психологические барьеры, ригидность мышления и поведения, низкий уровень педагогической рефлексии, толерантности к неопределённости [9], отсутствие адекватной жизнестойкости [6]. В контексте такого соображения педагогический консерватизм преподавателя вуза представляется как динамическое психическое состояние в интегральной системе механизмов психологической защиты [10] от психотравмирующих условий педагогической деятельности с целью преодоления эмоционального выгорания, деструктивного поведения, приводящее преподавателя вуза к профессиональной стагнации и деформации как результату педагогической деятельности [1].

Цель исследования – выявление взаимосвязи педагогического консерватизма преподавателей вуза и механизмов психологической защиты.

Гипотеза исследования – существуют механизмы психологической защиты, детерминирующие состояние и уровень проявления педагогического консерватизма преподавателей вузов. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) раскрыть содержание понятия «педагогический консерватизм преподавателей вузов»;
- 2) установить корреляционную связь между показателями педагогического консерватизма и механизмами психологической защиты;
- 3) выявить величину эффекта защитных психологических механизмов в оценке уровня педагогического консерватизма преподавателей вузов;

4) обнаружить линейную связь между уровнем педагогического консерватизма преподавателей вузов и механизмами психологической защиты.

Материалы и методы

Исследование осуществлялось на базе семи вузов России (Самара, Ульяновск, Башкортостан, Екатеринбург). В качестве респондентов исследования выступили 1754 преподавателей высших учебных заведений в возрасте от 25 до 65 лет (количество женщин составило 70%, мужчин – 30%; средний возраст $M=42,3$; $SD=8,7$). Педагогический стаж до 10 лет имеют 20% преподавателей, до 20 лет – 35% преподавателей, до 30 лет педагогического стажа – 25%, до 40 лет – 20% преподавателей высшей школы. Исследование проводилось анонимно в соответствии с Этическим кодексом психолога, что, безусловно, способствовало созданию атмосферы сотрудничества и профессионального взаимодействия.

В ходе проведённого исследования был использован опросник «Оценка педагогического консерватизма» с целью выявления значимости показателей объективного (6 пунктов), субъективного (4 пункта) факторов, мотивационного (7 пунктов), когнитивного (8 пунктов), эмоционального (7 пунктов), коммуникативного (6 пунктов), поведенческого компонентов (5 пунктов). Респондентам было предложено оценить каждый пункт опросника по пятибалльной шкале от 1 – «никогда» до 5 – «всегда». На основании совокупности ответов респондентов на отдельные пункты определён общий уровень педагогического консерватизма (низкий уро-

вень педагогического консерватизма от 43 до 79 баллов, средний уровень педагогического консерватизма от 80 до 179 баллов, высокий уровень педагогического консерватизма от 180 до 215 баллов). Показатель надёжности по прямым пунктам выявлен на уровне значимости 0,802 [3].

Использование методики «Диагностика типологий психологической защиты» (Р. Плутчик в адаптации Л. И. Вассермана, О. Ф. Ерышева, Е. Б. Клубовой и др.) позволило оценить степень проявления защитных психологических механизмов (отрицание, вытеснение, регрессия, компенсация, проекция, замещение, интеллектуализация, реактивное образование) преподавателей вузов в условиях профессиональной деятельности. Данная методика включает в себя 97 вопросов и 8 шкал [14].

В процессе эмпирического исследования были использованы методы математической статистики: одновыборочный критерий λ -Колмогорова-Смирнова с целью определения данных на нормальность распределения, непараметрический критерий ранговой корреляции r_s – Спирмена для выявления корреляционной взаимосвязи между показателями педагогического консерватизма и механизмами психологической защиты; метод линейной регрессии с целью определения зависимости между уровнем педагогического консерватизма и механизмами психологической защиты, стандартизированный размер эффекта d -Коэна с целью выявления величины статистического эффекта между уровнем педагогического консерватизма и механизмами психологической защиты.

Результаты и их обсуждение

Согласованность данных выборки с законом нормального распределения установлена с помощью критерия λ -Колмогорова-Смирнова на уровне значимости $p \geq 0,05$.

Оценка уровня педагогического консерватизма преподавателей вузов осуществлялась на основе исследования психологических показателей личности, представленных в опроснике (рис.1).

Результаты исследования педагогического консерватизма преподавателей вузов, представленные на рисунке 1, демонстрируют выраженность низкого уровня педагогического консерватизма у 21% респондентов, средний уровень педагогического консерватизма обнаружен у 36% преподавателей, высокий уровень педагогического консерватизма выявлен у 43% педагогов. Такое соотношение полученных результатов свидетельствует о преобладании неконструктивных психологических защитных механизмов от психотравмирующих условий

педагогической деятельности, детерминирующих выраженность низкой самооценки, страха неудачи и высокой эмоциональной неудовлетворённости трудом, препятствующих стремлению к личностно-профессиональным притязаниям и принятию новизны в профессиональной среде.

Исследование степени проявления защитных психологических механизмов выявил доминирование компенсации (76%), реактивного образования (71,4%), регрессии (69,5%), замещения (65,3%), проекции (63,9%) (рис.2). Незначительное снижение наблюдается выраженности других защитных психологических механизмов (вытеснение, отрицание, интеллектуализация). Такие результаты свидетельствуют о психологической неготовности преподавателей вуза к риску, что предполагает необходимость компенсировать астенический синдром в отработанных, шаблонных технологиях традиционной организации образовательного процесса, позволяющих продемонстрировать стремление к активно-

Уровень педагогического консерватизма

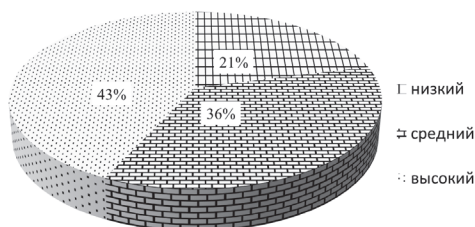

Рис. 1 / Fig. 1. Соотношение уровней педагогического консерватизма преподавателей вузов / The ratio of levels of pedagogical conservatism of university teachers

Источник: данные автора.

Типологии психологической защиты

Рис. 2. / Fig. 2. Соотношение типологий психологической защиты / The relationship between typologies of psychological defense

Источник: данные автора.

Таблица 1 / Table 1

Размер эффекта механизмов психологической защиты в оценке уровня педагогического консерватизма / The effect size of psychological defense mechanisms in assessing the level of pedagogical conservatism

Механизмы психологической защиты	Соотношение уровней педагогического консерватизма								
	Медиана			Среднее значение			d-Коэна, размер эффекта		
	низкий	средний	высокий	низкий	Средний	высокий	низкий и средний	низкий и высокий	средний и высокий
Отрицание	61	13	84	67,3	21	83,4	4,2	1,7	6,2
Вытеснение	25	63	76	16,6	65,2	83,4	5	6,8	2,1
Регрессия	19	88	80	12,2	89,7	81,3	14,3	9,6	1,4
Компенсация	63	78	88	44,3	79,8	90	2,3	2,9	1,4
Проекция	7	72	72	5,9	78,8	79,8	9,3	8,2	0,1
Замещение	23	86	65	15	87,4	72,2	10,2	6,6	2,3
Интеллектуализация	87	28	59	82	30,6	57,3	5,2	1,7	1,8
Реактивное образование	19	91	76	15,9	86,8	86,1	8,2	7,4	0,1

Источник: данные автора.

сти в форме реактивных образований, приводящие к остановке личностно-профессионального развития на фоне динамичности профессионального отчуждения, проективной неприязни и открытой агрессивности к коллегам.

В ходе проведённого исследования выявлена стандартизированная мера величины различий защитных психологических механизмов в соотношении уровней педагогического консерватизма преподавателей вузов (табл. 1).

Результаты представленных данных исследования позволили обнаружить очень большой ES (EffectSize) = 2,0–4,0 размер эффекта d-Коэна компенсации для низкого и среднего уровня педагогического консерватизма. Исключительно большая градация эффекта d-Коэна ES (EffectSize) = 4,0 и более выявлена для отрицания, вытесне-

ния, регрессии, проекции, замещения, интеллектуализации, реактивного образования. Обнаружена преобладающая мера величины эффекта d-Коэна для регрессии (14,3) и замещения (10,2). В диапазоне низкого и высокого уровня педагогического консерватизма преподавателей вузов определяется большой ES (EffectSize) = 1,0–2,0, очень большой ES (EffectSize) = 2,0–4,0, исключительно большой ES (EffectSize) = 4,0 и более размер эффекта d-Коэна для всех защитных психологических механизмов. В соотношении среднего и высокого уровня выявлен ничтожный ES (EffectSize) = 0–0,2 коэффициент величины эффекта d-Коэна для проекции и реактивного образования, что определяет отсутствие статистического эффекта.

Результаты корреляционного анализа позволили установить прямые поло-

Таблица 2 / Table 2

Взаимосвязь показателей педагогического консерватизма и механизмов психологической защиты / The relationship between indicators of pedagogical conservatism and mechanisms of psychological defense

Показатели педагогического консерватизма	Отрицание	Вытеснение	Регрессия	Компенсация	Проекция	Замещение	Интеллектуализация	Реактивное образование
Объективный фактор	0,799**	0,719**	0,788**	0,798**	0,229**	0,705**	0,646**	0,313**
Субъективный фактор	0,688**	0,568**	0,668**	0,699**	0,432**	0,528**	0,391**	0,126
Мотивационный компонент	0,911**	0,840**	0,949**	0,720**	0,259**	0,807**	0,631**	0,440**
Когнитивный компонент	0,914**	0,899**	0,961**	0,743**	0,214*	0,855**	0,731**	0,473**
Эмоциональный компонент	0,855**	0,802**	0,860**	0,765**	0,255**	0,751**	0,685**	0,428**
Коммуникативный компонент	0,848**	0,835**	0,858**	0,721**	0,112	0,776**	0,774**	0,517**
Поведенческий блок	0,899**	0,877**	0,938**	0,713**	0,179*	0,807**	0,721**	0,469**
Уровень педагогического консерватизма	0,925**	0,806**	0,927**	0,825**	0,193*	0,749**	0,678**	0,481**

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* . Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Источник: данные автора.

жительные связи между показателями педагогического консерватизма преподавателей вузов и механизмами психологической защиты на уровне $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$.

Применение линейного регрессионного анализа позволило обнаружить психологические защитные механизмы (отрицание, вытеснение, регрессия, компенсация, проекция, замещение, интеллектуализация, реактивное образование) в качестве независимой

переменной как факториальный признак, обуславливающий изменения уровня педагогического консерватизма (результативный признак). Выявленный положительный коэффициент детерминации определяет меру влияния механизмов психологической защиты на зависимую переменную, что свидетельствует о наличии закономерности (чем выше отрицание, вытеснение, регрессия, компенсация, проекция, замещение, интеллектуали-

Таблица 3 / Table 3

Результаты линейного регрессионного анализа / Results of linear regression analysis

Сводка для модели b				
Модель	R	R-квадрат	Скорректи- рованный R-квадрат	Стандартная ошибка оцен- ки
Отрицание	0,063a	0,004	0,003	35,902
Вытеснение	0,935a	0,875	0,875	12,733
Регрессия	0,890a	0,793	0,793	16,369
Компенсация	0,819a	0,671	0,671	20,630
Проекция	0,904a	0,817	0,817	15,384
Замещение	0,835a	0,697	0,697	19,809
Интеллектуализация	0,508a	0,258	0,258	30,983
Реактивное образование	0,899a	0,809	0,808	15,738

a. Предикторы: (константа), способствующие возникновению педагогического консерватизма

b. Зависимая переменная: уровень педагогического консерватизма

Источник: данные автора.

зация, реактивное образование, тем выше уровень педагогического консерватизма) и линейной связи между данными переменными (табл. 3).

Заключение

В ходе проведённого исследования выявлен значимый эффект d-Коэна неконструктивных механизмов психологической защиты в состоянии педагогического консерватизма преподавателей вузов (регрессия, вытеснение, проекция, отрицание, замещение, реактивное образование). Это доказывает проявление низкого уровня рефлексии, отсутствие возможности и готовности преподавателя высшей школы выходить за пределы нормативного и стандартного опыта. Обнаружена тенденция к снижению выраженности интеллектуализации как конструктивного механизма психологической защиты, что определяет отсутствие динамичности профессионального самосознания преподавателя

вуза на фоне неосознанности личностного потенциала как механизма самоопределения, самореализации и самоактуализации личности.

Данные корреляционного анализа позволили обнаружить корреляционную связь показателей педагогического консерватизма и механизмов психологических защит, что определяет закономерность (чем выше уровень педагогического консерватизма преподавателя вуза, тем выше механизм психологической защиты и наоборот). Выявлена линейная связь между уровнем педагогического консерватизма преподавателя вуза и защитными психологическими механизмами, что определяет линейную зависимость между переменными на основе универсальной меры влияния механизмов психологической защиты на уровень педагогического консерватизма.

Результаты проведённого эмпирического исследования позволили выявить преобладание среднего и высокого

уровня педагогического консерватизма в педагогических коллективах высших учебных заведений, что обуславливает доминирование пассивной типологической характеристики личности в педагогических коллективах на фоне неадаптивных психологических защит (регрессия, вытеснение, проекция, отрицание, замещение, реактивное образование). На наш взгляд, педагогический консерватизм в интегральной системе механизмов психологической защиты рассматривается как комфортное состояние личности, позволяющее сохранить привычное мнение о себе, адекватную самооценку путём отторжения или искажения неблагоприятной новой информации для субъекта профессиональной деятельности, способствующее разрушению ценностных представлений как способ преодоления трудностей педагогической среды. Следовательно, педагогический консерватизм как механизм психологической защиты обуславливает состояние мнимого разрешения профессиональных кризисов на фоне самообмана и дезинтеграции поведенческих действий, приводящее к личностно-профессиональной деградации и отчуждению. С одной стороны, активность защитной функции психики обеспечивает возможность преодоления эмоционального выгорания на фоне открытой демонстрации неготовности к инновационной деятельности, с другой сто-

роны, системная затрата психической энергии на борьбу со стрессогенными условиями профессиональной деятельности продуцирует состояние тревожности, усталости, приводящее к разрушению психологической структуры личности как результат мотивации к избеганию неудачи. Иначе говоря, педагогический консерватизм преподавателя вуза характеризуется признаком амбивалентности, обеспечивающий функционирование механизма психологической защиты от деструктивных явлений, в то же время приводящий к профессиональной стагнации в условиях инновационных преобразований.

Результаты эмпирического исследования имеют высокую теоретическую и практическую значимость. В ходе проведённого исследования раскрыто содержание понятия педагогического консерватизма преподавателей вуза, выявлены закономерные связи между показателями педагогического консерватизма и механизмами психологической защиты.

Таким образом, цель работы достигнута, задачи решены, выдвинутая гипотеза получила полное эмпирическое подтверждение. Полученные данные могут быть использованы в процессе психолого-педагогического сопровождения профессиональной деятельности преподавателя высшей школы в условиях реализации новых образовательных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакян И. Б. Педагогический консерватизм преподавателей вуза // Известие Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13. № 1 (49). С. 80–90. DOI: 10.18500/2304-9790-2024-13-1-80-90.
2. Авакян И. Б. Факторный анализ развития инновационной готовности преподавателей вуза // Science for Education Today. 2019. № 1. С. 43–56. DOI: 10.15293/2658-6762.1901.03

3. Авакян И. Б., Минияров В. М. Педагогический консерватизм преподавателя вуза в условиях профессионального стресса // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2024. Т. 10. № 1. С. 63–82. DOI: 10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-5.
4. Бергис Т. А. Личностные ресурсы стрессоустойчивости в профессиональной деятельности педагога // Международный журнал медицины и психологии. 2022. Т. 5. № 4. С. 58–66.
5. Варзанова М. А. Организационно-педагогические условия включения преподавателей в инновационную деятельность: преодоление сопротивления // Ярославский педагогический вестник. 2020. Т. 1. № 112. С. 22–30. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-1-112-22-30.
6. Дудкина Е. И., Карпов А. А., Бухтояров И. И. Взаимосвязь жизнестойкости и стратегий совладающего поведения у обучающихся ведомственной образовательной организации // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 64–68. DOI: 10.47438/2309-7078-2020-4-64.
7. Ерзылева И. А., Мамаева Ю. А. Психологическая безопасность преподавателя вуза в условиях цифровой трансформации образования // Бизнес. Образование. Право. 2024. Т. 2. № 67. С. 360–364. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.67.952.
8. Ильина И. Ю. Профессиональное выгорание преподавателей вузов: факторы возникновения и способы предотвращения // Экономика. Социология. Право. 2022. Т. 3. № 27. С. 22–27. DOI: 10.22281/2542-1697-2022-01-03-22-27.
9. Казакевич И. В., Синько Т. В., Пищик В. И. Модель конструкта отношения педагогов различных поколений к неопределённости. Science for Education Today. 2022. Т. 12. № 3. С. 31–47. DOI: 10.15293/2658-6762.2203.02.
10. Мельникова М. Л., Чебыкина И. В. Копинг-стратегии и защитные механизмы личности студентов-педагогов // Педагогическое образование в России. 2020. № 2. С. 84–98. DOI: 10.26170/po20-02-10.
11. Мерзлякова Д. Р. Особенности психологического здоровья педагогов с разным уровнем профессионального мастерства в условиях цифровой трансформации образовательного процесса // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14. № 2. С. 48–63. DOI: 10.17759/psyedu.2022140204.
12. Митина Л. М. Психологические ресурсы и смысложизненные ориентации в альтернативных моделях профессионализации педагогов // Вестник государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 2. С. 22–39.
13. Селезнева Ю. В. Особенности профессиональных деформаций преподавателей высшей школы на разных этапах профессионализации // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10 № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN322.pdf> (дата обращения: 12.09.2024).
14. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Издательство института психотерапии, 2002. 362 с.
15. Шульга И. И. Педагогическая культура: ценностно-смысловой контекст цифровой трансформации образования // Вестник педагогических инноваций. 2022. Т. 1. № 65. С. 5–12.
16. Costello R. Gaming innovations in higher education: Emerging research and opportunities // Gaming Innovations in Higher Education: Emerging Research and Opportunities. 2017. 178 p. DOI: 10.4018 / 978-1-5225-2981-1.
17. Koeslag-Kreunen M. G. M., Van der Klink Marcel R. Van den Bossche Piet, Gijsselaers Wim H. Leadership for team learning: the case of university teacher teams // Higher Education. 2018. № 75. P. 191–207. DOI: 10.1007/s10734-017-0126-0.

18. Stupnisky R. H., BrckaLorenz A., Yuhás B., Guay F. Faculty members' motivation for teaching and best practices: Testing a model based on self-determination theory across institution types // *Contemporary Educational Psychology*. 2018. № 53. P. 15–26. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2018.01.004.
19. Weitze C. L. Designing pedagogical innovation for collaborating teacher teams // *Journal of Education for Teaching*. 2017. Vol. 43. № 3. P. 361–373. DOI: 10.1080/02607476.2017.1319511.

REFERENCES

1. Avakyan I. B. [Striving for self-development as a factor in the innovative readiness of university teachers]. In: *Obrazovanie i samorazvitie [Education and self-development]*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 88–102. DOI: <https://doi.org/10.26907/esd15/2/08>.
2. Avakyan I. B. [Factor analysis of the development of innovative readiness of university teachers]. In: *Science for Education Today [Science for Education Today]*, 2019, no. 1, pp. 43–56. DOI: <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1901.03>.
3. Avakyan I. B., Miniyarov V. M. [Pedagogical conservatism of a university teacher under professional stress]. In: *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya [Scientific result. Pedagogy and psychology of education]*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 63–82. DOI: <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-5>.
4. Bergis T. A. [Personal resources of stress resistance in the professional activity of a teacher]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal meditsiny i psikhologii [International Journal of Medicine and Psychology]*, 2022, vol. 5, no. 4, pp. 58–66.
5. Varzanova M. A. [Organizational and pedagogical conditions for the inclusion of teachers in innovative activities: overcoming resistance]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 2020, vol. 1, no. 112, pp. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-1-112-22-30>.
6. Dudkina E. I., Karpov A. A., Bukhtoyarov I. I. [The relationship between resilience and coping strategies in students of a departmental educational organization]. In: *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University]*, 2020, no. 4, pp. 64–68. DOI: 10.47438/2309-7078-2020-4-64.
7. Erzyleva I. A., Mamaeva Yu. A. [Psychological safety of a university teacher in the context of digital transformation of education]. In: *Biznes. Obrazovanie. Pravo [Business. Education. Law]*, 2024, vol. 2, no. 67, pp. 360–364. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.67.952.
8. Ilyina I. Yu. [Professional burnout of university teachers: factors of occurrence and methods of prevention]. In: *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo [Economy. Sociology. Law.]*, 2022, vol. 3, no. 27, pp. 22–27. DOI: 10.22281/2542-1697-2022-01-03-22-27.
9. Kazakevich I. V., Sin'ko T. V., Pishchik V. I. [Model of the construct of the attitude of teachers of different generations to uncertainty]. In: *Science for Education Today [Science for Education Today]*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 31–47. DOI: 10.15293/2658-6762.2203.02.
10. Melnikova M. L., Chebykina I. V. [Coping Strategies and Defense Mechanisms of the Personality of Student Teachers]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical Education in Russia]*, 2020, no. 2, pp. 84–98. DOI: <https://doi.org/10.26170/po20-02-10>.
11. Merzlyakova D. R. [Features of the Psychological Health of Teachers with Different Levels of Professional Skills in the Context of the Digital Transformation of the Educational Process]. In: *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological and Pedagogical Research]*, 2022, vol. 14, no. 2, pp. 48–63. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2022140204>.
12. Mitina L. M. [Psychological resources and life-meaning orientations in alternative models of teachers' professionalization]. In: *Vestnik gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie nauki [Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological sciences]*, 2024, no. 2, pp. 22–39.

13. Selezneva Yu. V. [Features of professional deformations of higher education teachers at different stages of professionalization]. In: *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of science. Pedagogy and psychology], 2022, vol. 10, no. 3. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN322.pdf> (accessed: 12.09.2024).
14. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'nykh grupp* [Social and psychological diagnostics of personality and small group development]. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2002. 362 p.
15. Shulga I. I. [Pedagogical culture: value-semantic context of digital transformation of education]. In: *Vestnik pedagogicheskikh innovatsii*. [Bulletin of pedagogical innovations], 2022, vol. 1, no. 65, pp. 5–12.
16. Costello R. Gaming innovations in higher education: Emerging research and opportunities. In: *Gaming Innovations in Higher Education: Emerging Research and Opportunities*, 2017, pp. 1–178. DOI: 10.4018 / 978-1-5225-2981-1.
17. Koeslag-Kreunen M. G. M., Van der Klink Marcel R. Van den Bossche Piet, Gijsselaers Wim H. Leadership for team learning: the case of university teacher teams. In: *Higher Education*, 2018, vol. 75, pp. 191–207. DOI: 10.1007/s10734-017-0126-0.
18. Stupnisky R. H., BrckaLorenz A., Yuhua B., Guay F. Faculty members' motivation for teaching and best practices: Testing a model based on self-determination theory across institution types. In: *Contemporary Educational Psychology*, 2018, vol. 53, pp. 15–26. DOI:10.1016/j.cedpsych.2018.01.004.
19. Weitze C. L. Designing pedagogical innovation for collaborating teacher teams. In: *Journal of Education for Teaching*, 2017, vol. 43, no. 3, pp. 361–373. DOI: 10.1080/02607476.2017.1319511.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авакян Инна Борисовна (Краснодар) – кандидат психологических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С. М. Штеменко;
e-mail: avakjaninna@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9259-8323>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inna B. Avakyan (Krasnodar) – Cand. Sci. (Psychological sciences), Assoc. Prof. of Department of military-political work in the troops (forces) of the Krasnodar Higher Military School named after Army General S. M. Shtemenko;
e-mail: avakjaninna@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9259-8323>

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-92-108

СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ В СИТУАЦИИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Бершедова Л. И., Морозова Т. Ю.*

Московский городской педагогический университет,
119261, Москва, ул. Панферова, д. 8, к. 2, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: morozovatu@mgpu.ru

Поступила в редакцию 16.12.2024

После доработки 20.01.2025

Принята к публикации 23.01.2025

Аннотация

Цель данной работы заключается в изучении совладающего поведения выпускников школ в ситуации самоопределения.

Процедура и методы. Исследование проводилось на базе московских школ с участием 192 обучающихся выпускных классов в возрасте 16–17 лет. Использовались методики «Способы преодоления критических ситуаций» (Э. Хейм), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (Н. Эндлер, Дж. Паркер и др.), методика Дембо-Рубинштейн (А. М. Прихожан), «Размышление о смысле жизни» (Х. Ниёми), тест «СЖО» Д. А. Леонтьева. Применялся программный пакет статистического анализа (SPSS 21.0) и разнообразные методы статистической обработки.

Результаты. Установлено, что совладающее поведение выпускников школ выступает способом разрешения определённых проблем самоопределения. Позитивный ракурс совладания определяется его разнообразием и широтой репертуара, активностью, направленностью на проблемно чувствительные зоны отношений выпускников к себе и миру.

Теоретическая и/или практическая значимость. Расширяются научные представления об особенностях совладающего поведения выпускников школ в ситуации самоопределения. Результаты исследования могут быть использованы в программах психолого-педагогического сопровождения в данный период.

Ключевые слова: событие, ситуация самоопределения, стили совладания, внутренняя картина ситуации, переживания, доминантные отношения

Для цитирования: Бершедова Л. И., Морозова Т. Ю. Совладающее поведение выпускников школ в ситуации самоопределения // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 1. С. 92–108. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-92-108

Original research article

COPING BEHAVIOR OF SCHOOL GRADUATES AS A CONDITION FOR OVERCOMING THE DIFFICULTIES OF THE SITUATION OF SELF-DETERMINATION

L. Bershedova, T. Morozova

Moscow City Pedagogical University, ul. Panferova, 8, bld. 2, 119261, Moscow Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: morozovatu@mgpu.ru*

Received by the editorial office 16.12.2024

Revised by the author 20.01.2025

Accepted for publication 23.01.2025

Abstract

Aim. The purpose of this work is to study the coping behavior of school graduates in a situation of self-determination.

Methodology. The study was conducted on the basis of Moscow schools with the participation of 192 graduating students aged 16–17 years. The methods used were «Ways to overcome critical situations» (E. Heim), «Coping behavior in stressful situations» (N. Endler, J. Parker, etc.), the Dembo-Rubinstein method (A. M. Parishioners), «Thinking about the meaning of life» (H. Niemi), the test «SOHO» by D. A. Leontiev. The statistical analysis software package (SPSS 21.0) and various statistical processing methods were used.

Results. It is established that the coping behavior of school graduates acts as a way to resolve certain problems of self-determination. The positive perspective of coping is determined by its diversity and breadth of repertoire, activity, and focus on problem-sensitive areas of graduates' relationships to themselves and the world.

Research implications. Scientific ideas about the peculiarities of coping behavior of school graduates in a situation of self-determination are expanding. The results of the study can be used in programs of psychological and pedagogical support in this period.

Keywords: an event, a situation of self-determination, coping styles, an internal picture of the situation, experiences, dominant relationships.

For citation: Berdeshova L. I., Morozova T. Yu. Coping behavior of school graduates as a condition for overcoming the difficulties of the situation of self-determination // Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2025, no. 1, pp. 92-108. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-92-108

Введение

В последние десятилетия в психологической науке в значительной степени возрос интерес к разнообразным проблемам самоопределения. С одной стороны, это можно объяснить содержательным своеобразием самоопределения как масштабного социально-психологического феномена, теоретические

представления о котором постоянно расширяются и обогащаются новыми знаниями, характеристиками, подходами. С другой стороны, радикальные общественные и политические, социальные и психологические изменения в обществе и жизнедеятельности человека соотносятся с динамическими преобразованиями самоопределения и его субъ-

екта, что актуализирует новые научные и практические исследования этого феномена в условиях постоянно меняющейся среды.

Известно, что впервые как событие самоопределение возникает на границе перехода от детства к взрослости, в период завершения обучения в школе. В это время выпускники погружаются в проблему многопланового, многовариантного выбора, в формирование жизненно важных целей в долгосрочной жизненной перспективе. Высокая ответственность этого периода в контексте будущего, сложность стоящих перед выпускниками задач, создают целый ряд остро переживаемых трудностей, связанных с ситуацией самоопределения. В связи с этим обращение молодых людей к практике совладающего поведения является вполне закономерным. Вместе с тем вопрос о характере влияния копинг-поведения на преодоление проблем самоопределения в этот период остаётся в науке открытым, что актуализирует обращение психологов к данной проблеме. Цель нашего исследования – изучение совладающего поведения выпускников школ в ситуации самоопределения. Реализация этой цели в методологическом плане осуществлялась в русле интегративного подхода, где поведение выступает функцией взаимодействия целостного единства личности и ситуации. Методики, использованные в исследовании, были направлены на изучение совладающего поведения («Способы преодоления критических ситуаций» Э. Хейм, «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н. Эндлер, Дж. Паркер и др.) и личностных особенностей выпускников (Дембо-Рубинштейн

(А. М. Прихожан), «Размышление о смысле жизни» Х. Ниёми, тест «СЖО» Д. А. Леонтьева).

Совладающее поведение выпускников как условие преодоления трудностей ситуации самоопределения

В традициях современной науки совладающее (копинг) поведение личности рассматривается как способ разрешения жизненных проблем, как фактор, стабилизирующий психосоциальную адаптацию человека в стрессовых условиях. Природа копинга раскрывается в русле различных зарубежных подходов, где поведение человека в сложной ситуации определяется либо набором личностных качеств и специфичностью ситуации (Хулахан, Моос, 1987 г.; Амирхан, 1999 г.), либо функцией взаимодействия личности и ситуации (Н. Эндлер, 1999; Д. Магнуссон, 2000 г.). Результативность копинга при этом выражается в активном преобразовании ситуации, удержании эмоционального баланса и позитивного «образа Я» [29; 30]. В российских психологических исследованиях совладающее поведение отражает представления о человеке как субъекте разнообразных форм внешней и внутренней активности (Л. И. Анцыферова, Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский, Т. Н. Крюкова, А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко и др.) [4; 23; 24; 28]. В соответствии с субъектно-деятельностным подходом совладание – это целенаправленное социальное поведение, обусловленное субъектными качествами личности, адекватными характеристикам ситуации. По определению Т. Л. Крюковой, совладание можно считать дескрипто-

ром субъекта, медиатором между ним и ситуацией, модератором внешних и внутренних ресурсов преодоления сложной ситуации [17, с. 193].

Важнейшей сущностной характеристикой совладания является его обусловленность реальными жизненно осложнёнными обстоятельствами, конкретной нестандартной ситуацией с повышенными требованиями к человеку, вне соотнесения с которыми феномен совладания теряет свою функциональность. В определении ситуации как предмета психологического познания общепринятым является положение о том, что её сложную природу следует рассматривать как результат активного взаимодействия личности и среды, т. е. описание ситуации должно быть скорее «субъективным, нежели «объективным» [26, с. 310], с «позиций индивида, поведение которого исследуется, нежели с позиций наблюдателя» (Курт Левин) [25, с. 412]. Развёрнуто эти идеи были представлены в работах отечественных психологов (К. С. Абульханова-Славская, Л. С. Выготский Л. С. Рубинштейн и др.) [1; 10; 22]. Так, по определению С. Л. Рубинштейна, бытие как объект, это бытие, включающее и субъекта, в силу этого «человек должен быть взят внутри бытия, в своём специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни» [22, с. 117]. В таком способе понимания ситуации субъект выступает внутренним условием раскрытия объекта» [22, с. 118]. В методологическом плане это положение означает, что характер поведения личности определяет ситуация, субъективно внутренне переживаемая человеком такой, какой он её представляет. Это особенно подчёркивала в своих работах Л. И. Анцыферова, гово-

ря о том, что личность со своим своеобразным жизненным миром психологически перерабатывает и анализирует ситуацию, прежде чем выбрать адекватный тип копинга [4, с. 6].

Принципиально важно понимание, что копинг актуализируется в ситуациях, определяемых как сложные. Общая картина таких ситуаций раскрывается в нарушениях процессов адаптации и привычного образа жизни, характеризуется неопределённостью и наличием противоречий, создающих напряжённость, беспокойство, неуправляемость, трудность в выборе и принятии решений и т. п. [2, с. 61]. В качестве критериев их сложности выделяют такие характеристики, как важность для личности, неопределённость, неподконтрольность, неуправляемость и т. п. [7]. Особую судьбоносную значимость и насыщенную сложность в контексте этих параметров заключают в себе ситуации, задающие богатое содержание индивидуальной истории личности, выступающие её поворотным этапом, имеющие особый смысл и перспективы. В работах С. Л. Рубинштейна такую событийную масштабность в рамках жизненного пути человека приобретают ситуации самоопределения, проблемная сущность которых раскрывается в характере свободного взаимодействия личности и общества, где центром является собственная творческая деятельность субъекта в системе общественных и межличностных отношений. По С. Л. Рубинштейну, это означает, с одной стороны, что «я самоопределяюсь во всех своих отношениях к людям, в отношении своём ко всем людям – к человечеству как совокупности и единству всех людей» [22, с. 118]. С другой стороны, это опреде-

ляет направление исследования личности в ситуации самоопределения, а именно – изучение её ведущих отношений, в каждом из которых она выступает в новом качестве [22, с. 133].

С позиций психологической науки интегральное понятие «отношений» выступает особой формой индивидуальной взаимосвязи субъекта с реальностью, в которой находит своё отражение единство субъективного и объективного, индивидуального и общественного (Б. Ф. Ломов, В. Н. Мясищев, С. Л. Рубинштейн) [19; 21; 22]. Содержание ведущих отношений – к себе, другим людям, миру, – определяется в роли своеобразного ядра субъективного мира личности, в котором раскрывается жизненная ситуация самоопределения, в связи с чем только через отношения и может быть понята. В свете этих положений изучение совладающего поведения с необходимостью предполагает анализ внутренней картины ситуации самоопределения, параметры которой определяются субъектом и опосредуют его реакции на ситуацию. Разрешение противоречий, достижение равновесия во взаимодействии с этой предельно сложной ситуацией и определяют совладающее поведение, как адаптационную и саморегулирующую активность личности [12; 13; 16].

В психологическом плане следует учитывать, что ситуация самоопределения в момент завершения школьного образования разворачивается в период возрастного нормативного кризиса 17 лет, характеристики которого аккумулируют исходные противоречия этого процесса [3, с. 101]. В результате понимание сущности самоопределения становится более детальным и глубоким, т. к. в кризисе актуализиру-

ются рефлексивные механизмы переживаний, в которых находит своё выражение первичная оценка, выявление и определение личностной значимости смысла актуальной ситуации [5; 8; 10].

Целостной характеристикой самоопределения в этот период является его двуплановость, которую впервые зафиксировала в своих исследованиях Л. И. Божович [8, с. 227]. Суть её в одновременном проявлении идеального и конкретного самоопределения, каждое из которых выполняет свои функции и тем самым «создаёт исходное противоречие, приводящее в движение сам процесс самоопределения» [11, с. 23]. В рамках этого процесса возникают характерные для этого периода сложности, связанные с качественным преобразованием у выпускников «мира в себе» и «себя в мире», что порождает осознание и переосмысление ценностного сознания, поиск смыслового соответствия бытия личности, перестройку образа «Я», оценку ресурсов и потенциальных возможностей с ориентацией на будущее. Особенности этих сложностей могут быть связаны с общим нарушением душевного равновесия выпускников, их тревожностью, беспокойством, напряжением, страхом, неуверенностью и неудовлетворённостью собой, совладание с которыми может выступать не только условием адаптации выпускников к актуальной ситуации, но и фактором её преодоления и дальнейшего личностного развития.

В нашем исследовании совладающее поведение выпускников школ мы рассматривали как один из способов разрешения ведущих проблем самоопределения, связанных с многоплановым выбором. При этом мы предполагали, что особенности копинг-поведения

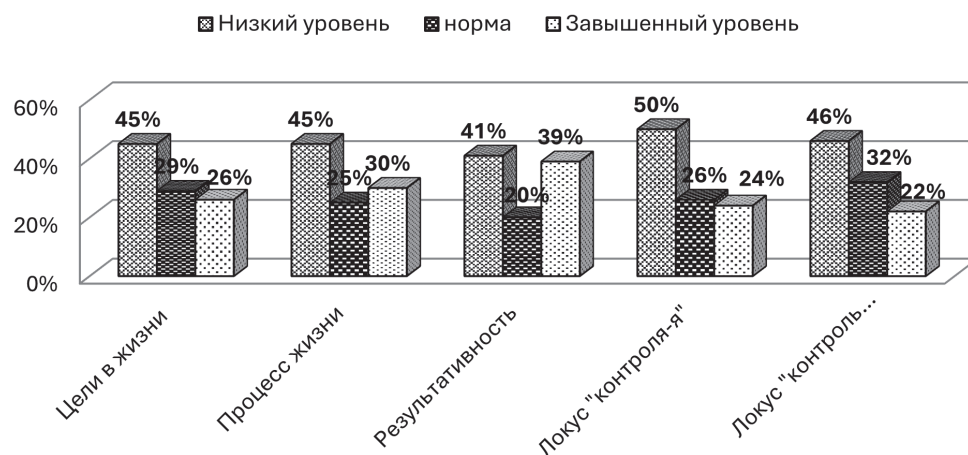

Рис. 1 / Fig. 1. Особенности смысловых ориентаций выпускников школ в ситуации самоопределения (в %) / The peculiarities of the semantic orientations of school graduates in a situation of self-determination (in %).

Источник: данные автора.

опосредованы характером внутренней картины выпускников (личностно-ситуативного взаимодействия), которая находит своё отражение в содержании отношений к миру, себе, людям. Личностные переменные этих отношений могут выполнять функции предикторов совладания и его копинг-ресурсов. С этих позиций анализ совладающего поведения выпускников предполагал выявление внутренней картины ситуации (личностно-ситуационный контекст) и особенностей взаимодействия её параметров (личностных переменных отношений к себе, людям, миру) с копинг-поведением обучающихся.

Психологические характеристики совладающего поведения выпускников школ и его предикторы

Результаты изучения внутренней картины мира выпускников в ситуации самоопределения показывают, что их отношения к себе, людям, миру яв-

ляются внутренне противоречивыми и имеют свои содержательно своеобразные характеристики. Так, наши данные фиксируют наличие внутренней конфликтности и фрустрированности в представлениях о себе у многих обучающихся, что в значительной степени может осложнять процессы объективно необходимого выбора и порождать аффективно окрашенные состояния. Можно говорить о несогласованности у юношей ценностных ориентиров и проявлении неопределённости по отношению к жизненным целям, создающим временную перспективу, присутствию эскапизма и неуверенности в своих способностях осуществлять выбор, принимать решения и управлять жизнью (рис. 1).

В практике живой реальности общения обнаруживаются высокая избирательность и разграничение взаимоотношений с окружающими, не редко встречается низкий уровень развития доверительных отношений с родителями. При этом не исключена высокая

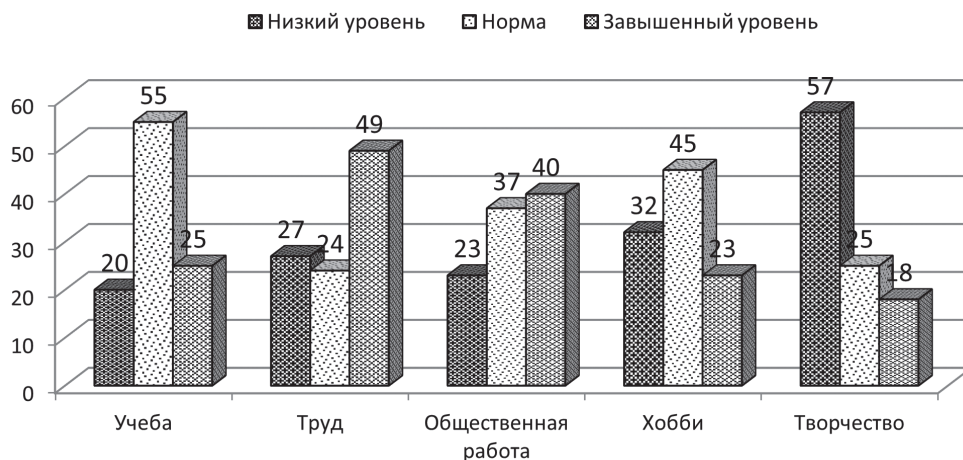

Рис. 2 / Fig. 2. Значимые сферы деятельности в поисках смысла жизни у выпускников школ в ситуации самоопределения (в %) / Significant fields of activity in the search for the meaning of life among school graduates in a situation of self-determination (in %)

Источник: данные автора.

степень влияния на решающий выбор (особенно профессиональный) либо взрослых, либо друзей. Одновременно установлено, что большинству выпускников свойственны актуальные формы поиска смысла жизни в таких сферах деятельности как учебная, трудовая, общественная, где отражается ведущий тип отношения к миру и активная избирательная направленность (рис. 2).

Значимую роль в этом процессе играют также деятельность, связанная с творчеством, спортом, хобби, активизирующая рефлексивные механизмы и направленные на самопознание, самопонимание, самораскрытие, самооткрытие, самореализацию. Такой выбор деятельности является, на наш взгляд, узловым и очень важным моментом в процессе самоопределения, так как сам момент этого выбора есть, по сути, притягивание себя к требованиям цели, цели к себе, а также к своим возможностям [22, с. 133].

Существенными детерминантами активности выпускников выступают личностные значения ситуации выбора как основания её включения в своё жизненно-смысловое пространство. Значения как субъективная характеристика объекта отражают содержание переживаний, в которых осуществляется объективация отношений. Известно, что наибольшее влияние на социальное поведение оказывают доминантные отношения субъекта, связанные с наиболее значимыми для него целями, мотивами, способами достижения, сферами жизнедеятельности [19, с. 8]. Наши данные, полученные с помощью факторного анализа личностных переменных отношений юношей к себе, миру, людям, позволили определить 3 основных фактора, имеющих наибольшие показатели дисперсии (общий показатель дисперсии – 43%). Исходя из содержания тех параметров, которые в них вошли, условно мы обозначили их как факторы

Таблица 1 / Table 1

Факторный анализ личностных переменных отношений выпускников школ к себе, миру, людям / Factor analysis of personal variables of school leavers' attitudes towards themselves, the world, and people

Фактор 1 «Целеобразование»	Фактор 2 «Самооценивание»	Фактор 3 «Смысложизненные ориентации»
«результативность жизни» (0,911)	«стремление к доминированию» (0,812)	«учителя» (0,779)
«процесс жизни» (0,899)	«адаптация» (0,786)	«учёба» (0,728)
«локус контроля – жизнь» (0,889)	«эмоциональная комфортность» (0,721)	«родители» (0,597)
«локус контроля-я» (0,854)	«интернальность» (0,691)	«занятия творчеством» (0,500)
«цели в жизни» (0,778)	«самопринятие» (0,529)	«эскапизм» (- 0,424)

Источник: данные автора.

«целеобразования» (22% дисперсии), «самооценивания» (11% дисперсии), «смысложизненных ориентаций» (10% дисперсии) (табл. 1).

Содержание доминантных отношений позволило выявить сферы значимых переживаний школьников, которые свидетельствуют как о личностной вовлечённости юношей в ситуацию выбора, так и выраженности субъективно переживаемой потребности в её преодолении. Это значит, что ситуация становится для молодых людей не только объектом размышлений, но и психологически значимым событием. Тем самым осуществляется субъективизация проблемы, т. е. принятие её в рамки собственной рефлексивной деятельности, направленной на развитие и «преобразование поражённого жизненного отношения человека к проблемным полям» [9, с. 67].

Ещё одним доказательством значимости ситуации самоопределения в жизни выпускников является активизация широкого спектра стратегий и стилей копинг-поведения, что подчёркивает высокую проблемность

ситуации, на разрешение которой и направлена активность совладания обучающихся. Наличие в структуре стратегий и стилей совладания внутренних взаимосвязей говорит об активном процессе работы с ситуацией, в рамках которой открывается её содержание и происходит переинтерпретация и преобразование возникающих эмоций, чувств и переживаний (рис. 3, 4).

Особый интерес в исследовании представляют для нас данные о характере взаимодействия параметров внутренней картины мира выпускников с показателями копинг-поведения. С помощью корреляционного анализа было установлено достаточно большое количество достоверно значимых связей, свидетельствующих о том, что содержательные характеристики отношений определённым образом влияют на выбор способов совладания с трудностями ситуации самоопределения (табл. 2).

С целью выявления закономерных тенденций этого выбора мы использовали процедуру обработки результатов корреляционного анализа, разра-

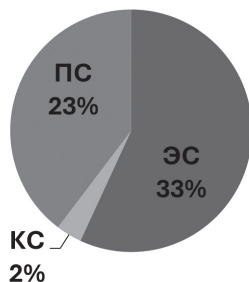
Копинг-стратегии

Рис. 3 / Fig. 3. Стратегии совладания у выпускников школ в ситуации самоопределения (КС-когнитивные стратегии, ЭС-эмоциональные стратегии, ПС-поведенческие стратегии) / Coping strategies for school graduates in a situation of self-determination (CS-cognitive strategies, ES-emotional strategies, PS-behavioral strategies).

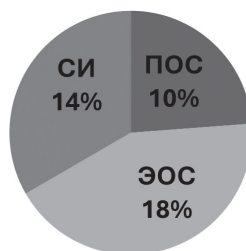
Копинг-стили

Рис. 4 / Fig. 4. Стили совладания у выпускников школ в ситуации самоопределения (ПОС-проблемно-ориентированный стиль, ЭОС-эмоционально-ориентированный стиль, СИ-стиль избегания) / Coping styles among school graduates in a situation of self-determination (POS-problem-oriented style, EOS-emotionally oriented style, SI-avoidance style).

Источник: данные автора.

ботанную и адаптированную в работах разных авторов [23, с. 386]. Исходная идея данной процедуры заключается в выявлении наиболее частотных баллов взаимодействия переменных, что позволяло определить, с одной стороны, меру значимости отдельных личностных качеств в выборе копингов, с другой стороны – раскрыть особенности стратегий и стилей совладания с позиций их активности, модальности и направленности.

Оценивая полученную картину взаимодействия в целом, можно констатировать, что:

- с позиции интенсивности (меры активности/пассивности) высокая степень активности характерна для стратегий как первичных реакций субъекта на актуальную ситуацию. Более сложные, обобщённые способы совладания – стили, определяющие приспособительную и преобразующую актив-

ность представлены ограниченно, но их проявление свидетельствует о процессе становления и формирования у молодых людей системы совладания;

- с позиций модальности ведущей сферой реализации совладания выступает эмоциональная, что является следствием эмоционального реагирования выпускников на сложности ситуации самоопределения, специфический характер её переживаний и недостаточную контролируемость, в силу чего полноценное обращение к когнитивным и проблемно-ориентированным копингам является затруднительным. Вместе с тем высокой значимости взаимосвязь с проблемно-ориентированным копингом обнаруживаются в сфере труда (профессиональной деятельности);

- с позиций направленности доминирующими областями взаимодействия выступают отношения к «миру»

Таблица 2 / Table 2.

Ядро взаимодействия копинг-стратегий и стилей с личностными параметрами отношений выпускников школ к себе, миру, другим / The core of the interaction of coping strategies and styles with the personal parameters of school leavers' attitudes towards themselves, the world, and others

		Копинг-стратегии			Копинг-стиль		
		Когнитивные	Эмоциональные	Поведенческие	Проблемно-ориентированный	Эмоционально-ориентированный	Избегание
	Отношения к себе						
1	Общая самооценка		,311**				
2	Локус «контроля-я»		,339**	,435**			,396**
3	Самопринятие		,417**	,458**		-,416**	,268*
4	Эмоц. комфортность		,535**	,331**		-,503**	,273*
	Отношение к миру						
5	Цели в жизни		,320**	,411**			,326**
6	Процесс жизни	,229*	,428**	,367**			,316**
7	Результативность жизни		,319**	,434**			,301**
8	Адаптация		,489**			-,522**	
9	Интернальность		,254*	,367**		-,216*	,335**
	Отношение к другим						
10	Смысл жизни (обсуждаю с родителями)		,367**				
11	Принятие других		,319**	,374**	,264*		,306**
12	Стремление к доминированию		,281*		,255*	-,256*	,261*

Источник: данные автора.

и «себе» как наиболее проблемно чувствительные зоны переживаний, связанные с качественными преобразованиями «себя в мире» и «мира в себе». Именно эти отношения выступают основой самоэффективности личности и определяют уровень её ценностного сознания, обеспеченность жизненного выбора экзистенциональными предпосылками, постановку и достижение целей, отвечая, таким образом, задачам ближайшего будущего.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что параметры внутренней картины выпускников по степени значимости имеют весьма разнообразные корреляции со стратегиями и стилями совладания. Взаимосвязь с копингом проявляют личностные свойства разного уровня функциональности, обобщённости, значимости. С целью определения степени их влияния на выбор стилей совладания мы применили регрессионный анализ. В итоге уста-

новлено, что в регрессионную модель, определяющую высокую меру влияния личностных параметров на выбор эмоционально-ориентированного копинг-стиля, вошли следующие предикторы: «эмоциональная комфортность» ($\beta = - ,440$), «самопринятие» ($\beta = - ,454$), «цели в жизни» ($\beta = - ,408$), и «локус контроля – я» ($\beta = - ,407$). Отрицательное взаимодействие этих переменных с копингом указывает на наличие у выпускников определённых переживаний, т. е. ситуация не столько преодолевается, сколько переживается. В результате этого наиболее проблемные зоны ситуации становятся центральным объектом размышлений молодых людей.

В науке широко известно, что переживание как особая активность субъекта, его внутренняя деятельность раскрывается в мощных «актах откровения», благодаря которым и происходит понимание себя в мире и мира в себе. С позиций экзистенциального подхода именно переживания помогают человеку проживать и преодолевать сложные жизненные и событийные ситуации, поскольку идеал переживаний заключён в способности порождать новое путём изменений смыслового соответствия сознания человека и его бытия. Преобразование психической реальности и перестройка психологического мира личности в этом случае направлены на порождение и формирование смысла на основе глубинного и целостного отражения человеком именно самого себя. Это означает, что переживания не только сигнализируют о личностном смысле события, но как один из внутренних механизмов совладания они приводят к самооткрытию, самореализации и саморазви-

тию субъекта и в этом смысле можно говорить об их положительной роли. Реально переживания на данном этапе ситуации самоопределения выполняют порождающие, развивающие, преобразующие и адаптивные функции, которые в целом способствуют процессу решения задач самоопределения благодаря необходимым открытиям и изменениям в представлениях о себе и экзистенции.

Наши данные свидетельствуют, что личностный выбор обучающимися проблемно-ориентированного копинга с высокой степенью влияния обеспечивают следующие предикторы: «стремление к доминированию» ($\beta = ,334$), «эмоциональная комфортность» ($\beta = -,440$), «интернальность» ($\beta = ,331$). Важное значение этого выбора связано с началом процесса интеллектуализации переживаний, т.е. рефлексивного осознания и овладения ими, в результате чего становится возможной их содержательная определённость и сознательная саморегуляция в процессах преодоления ситуации. Возникновение интеллектуализированных переживаний в значительной степени влияет на характер личностного развития выпускников и активизацию процессов их профессионального самоопределения, в котором переживание неопределённости постепенно преобразуется в проблему выбора профессии.

В качестве ведущих предикторов регрессионной модели стиля «избегание» у выпускников (29% от выборки) выступают такие личностные переменные как эмоциональная комфортность ($\beta = ,273$) и «процесс жизни» ($\beta = ,214$), что ещё раз подтверждает вывод о том, что явления смыслообразования выступают центром внутренней

жизни молодых людей, в котором сосредоточены содержательно актуальные и в эмоциональном плане наиболее острые переживания.

Установлено, что высоко значимый характер взаимодействия с копингами имеют наиболее чувствительные и противоречивые личностно-субъектные характеристики, которые в психологическом контексте выражают содержание доминантных отношений и отражают явления значимых переживаний выпускников, а именно «целобразования», «самооценивания», «смыслостроительства». Целостная совокупность этих свойств образует «ядро взаимодействия», которое становится мотивационным центром, определяющим активность, содержание и направленность совладания. Мы обнаружили также, что некоторые субъектные свойства - предикторы одновременно выступают в качестве важных ресурсов копингов. К ним относятся такие характеристики как «адаптация» ($\beta = - ,355$; 42% от выборки), «самовосприятие» ($\beta = - ,454$; 37% от выборки), «цель в жизни» ($\beta = - ,408$; 28% от выборки), «локус контроля Я» ($\beta = - ,407$; 24% от выборки). Системная организация личностных переменных и копинг-стилей предполагает для каждого из них своё место и вес функционального значения.

Позитивный ракурс совладания в этой системе определяется его разнообразием и широтой репертуара, высокой активностью, наличием внутренних взаимосвязей, направленностью на проблемно чувствительные зоны отношений выпускников к себе и миру, что в целом предполагает гибкость копинга, его большую эффективность в преодолении трудностей само-

определения [20, с. 209]. Успешность копинга как результат взаимодействия с личностными переменными отношений связана на данном этапе с расширением спектра его функций, которые через внутреннюю деятельность переживаний оптимизируют преобразования в представлениях выпускников о себе, экзистенции и ситуации [15, с. 491]. В исследовании установлено, что конструктивность совладания в полной мере не охватывает всех проблем ситуации самоопределения. Выявленные неоднозначные эффекты копинга связаны с жизненно важным для будущего выбором профессии, не обеспеченным должным образом ответственными за этот процесс экзистенциальными предпосылками и личностными свойствами.

В целом результаты исследования свидетельствуют, что ситуация самоопределения становится для выпускников психологически значимым событием, определяющим направленность и содержание их личностного развития в настоящем и будущем. Высокая проблемность ситуации, её эмоциональная насыщенность и аффектация, ограниченная продуктивность копингов определяют необходимость организации психолого-педагогического сопровождения выпускников в этот судьбоносный, предельно сложный для них период.

Заключение

В настоящей статье представлены материалы исследования проблемы совладающего поведения выпускников школ в ситуации самоопределения. Можно констатировать, что копинг-поведение обучающихся в этот период характеризуется разнообразием и

широтой репертуара, высокой активностью и гибкостью, наличием внутренних взаимосвязей, что говорит об активном процессе работы с ситуацией самоопределения, в рамках которой открывается её содержание.

Особенности копинг-поведения молодых людей опосредованы характером внутренней картины ситуации и содержанием её отношений к себе, миру, людям. Высоко значимые взаимодействия с копингами имеют наиболее противоречивые личностно-субъектные характеристики доминантных отношений «целеобразования», «самооценивания», «смыслостроительства», целостная совокупность которых образует «ядро взаимодействия» и становится мотивационным центром, определяющим активность, содержание и направленность совладания выпускников. Успешность совладания с позиций личностно-ситуативного контекста связа-

на с расширением его развивающих и адаптивных функций, способствующих преобразованию через переживание представлений выпускников о себе, экзистенции и ситуации.

В целом эти данные свидетельствуют о действенной форме ситуации самоопределения, достаточно активном процессе индивидуализации смысловых и экзистенциальных ориентаций, переосмыслении личностных свойств и качеств, вступающих в противоречие с требованиями ситуации жизненно важного выбора. Неоднозначность влияния копингов на процесс решения основных проблем самоопределения выпускников определяет необходимые перспективы данного исследования, целенаправленные на создание психолого-педагогических развивающих программ в системе психологической службы образовательных учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Андреева А. Д., Бегунова Л. А., Лисичкина А. Г. Особенности внутренней позиции взрослого у современных учащихся раннего юношеского возраста // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 2. С. 58–69.
3. Андреева А. Д., Лисичкина А. Г. Психологическая готовность учащихся раннего юношеского возраста к активной самореализации: методический инструментарий // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2023. № 1. С. 96–109.
4. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. № 1. С. 3–18.
5. Бершедова Л. И. Личностные новообразования критических периодов детства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12 (83). С. 148–154.
6. Бершедова Л. И., Морозова Т. Ю. Динамические преобразования совладающего поведения в ситуации самоопределения в юношеском возрасте // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 4. С. 97–109.
7. Битюцкая Е. В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А. Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 40–57.

8. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.
9. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.
10. Выготский Л. С. Психология развития. Избранные работы. М.: Юрайт, 2024. 281 с.
11. Гинзбург М. Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 19–27.
12. Грановская Р. М., Никольская И. М. Психологическая защита у детей. Психологическая защита у детей. СПб: Речь, 2006. 340 с.
13. Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Институт психологии РАН, 2003. 318 с.
14. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Институт психологии РАН, 2012. 496 с.
15. Зайцева О. М. Совладающее поведение: аналитический обзор зарубежных и отечественных исследований // Молодой учёный. 2023. № 47 (494). С. 491–493.
16. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса: психологическая антропология стресса. М.: Академический проект, 2009. 943 с.
17. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения. Кострома: Авантитул, 2004. 343 с.
18. Леонтьев Д. А., Пилипко Н. В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97–110.
19. Ломов Б. Ф. Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. № 1. Т. 2. С. 3–17.
20. Морозова Т. Ю. Динамика копинг-стратегий в период кризиса 17 лет // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 5 (133). С. 207–214.
21. Мясисцев В. Н. Психология отношений: избранные психологические труды. М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2011. 398 с.
22. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2022. 720 с.
23. Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2008. 474 с.
24. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 1994. № 1. С. 63–74.
25. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Смысл, 2003. 860 с.
26. Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М.: Институт психологии РАН, 2000. 447 с.
27. Endler N., Parker J. D. A. Multidimensional assessment of coping: A critical evaluation // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. № 58. P. 844–854.
28. Heim E., Valach L. Berner Bewältigungsformen BEFO-ein Instrument zur Selbst- und Fremdbewertung der Krankheitsverarbeitung [The Bern Coping Forms BEFO-an instrument for self- and observer rating of coping with illness] // Rehabilitation. 1996. № 35 (4). P. XXXI–XLI.
29. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal and Coping. N.Y: Springer Publishing House, 1984. 456 p.
30. Magnusson D. Individual development: Toward a developmental science. London: Proceedings of the American Philosophical Society, 2000. P. 86–96.

REFERENCES

1. Abulhanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni* [Strategy of life]. Moscow, Mysl Publ., 1991. 299 p.
2. Andreeva A. D., Begunova L. A., Lisichkina A. G. [Features of the internal position of development in modern students of early adolescence]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 58–69.
3. Andreeva A. D., Lisichkina A. G. [Psychological readiness of students of early adolescence for active self-realization: methodological tools]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences], 2023, no. 1, pp. 96–109.
4. Ancyferova L. I. [Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological defense]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 1994, no. 1, pp. 3–18.
5. Bershedova L. I. [Personality neoplasms in certain periods of childhood]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific bulletin of the Belgorod employee university. Series: Humanitarian sciences], 2010, no. 12 (83), pp. 148–154.
6. Bershedova L. I., Morozova T. Yu. [Dynamic transformations of coping behavior in a situation of self-determination in adolescence]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological sciences], 2024, no. 4, pp. 97–109.
7. Bityuckaya E. V. [Cognitive assessment of the work life situation from the standpoint of A. N. Leontiev's activity attitude]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2013, no. 2, pp. 40–57.
8. Bozhovich L. I. *Lichnost' i eyo formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its guilt in childhood]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 398 p.
9. Vasilyuk F. E. *Psihologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situacij)* [Psychology of providing assistance (analysis of overcoming external circumstances)]. Moscow, Moscow University Publishing House, 1984. 200 p.
10. Vygotskij L. S. *Psihologiya razvitiya. Izbrannye raboty* [Developmental Psychology. Selected Works]. Moscow, Yurajt Publ., 2024. 281 p.
11. Ginzburg M. R. [Personal self-determination as a psychological problem]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 1988, no. 2, pp. 19–27.
12. Granovskaya R. M., Nikol'skaya I. M. *Psihologicheskaya zashchita u detej. Psihologicheskaya zashchita u detej* [Psychological defense in children. Psychological defense in children]. St. Petersburg, Rech Publ., 2006. 340 p.
13. Dikaya L. G. *Psihicheskaya samoregulyaciya funkcional'nogo sostoyaniya cheloveka (sistemno-deyatel'nostnyj podhod)* [Mental self-regulation of the functional state of a person (system-activity approach)]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2003. 318 p.
14. Zhuravlev A. L., Kuprejchenko A. B. *Social'no-psihologicheskoe prostranstvo lichnosti* [Social and psychological space of the personality]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 496 p.
15. Zajceva O. M. [Coping behavior: an analytical review of international and domestic studies]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young scientist], 2023, no. 47 (494), pp. 491–493.
16. Kitaev-Smyk L. A. *Psihologiya stressa: psihologicheskaya antropologiya stressa* [Psychology of stress: psychological anthropology of stress]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2009. 943 p.

17. Kryukova T. L. *Psihologiya sovladayushchego povedeniya* [Psychology of coping behavior]. Kostroma: Avantitul Publ., 2004. 343 p.
18. Leont'ev D. A., Pilipko N. V. [Choice as an activity: personal determinants and formation of opportunities]. In: *Voprosy psihologii* [Questions of Psychology], 1995, no. 1, pp. 97–110.
19. Lomov B. F. [Personality in the system of social relations]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 1981, no. 1, vol. 2, pp. 3–17.
20. Morozova T. Yu. [Dynamics of coping strategies during the crisis of 17 years]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], 2014, no. 5 (133), pp. 207–214.
21. Myasishchev V. N. *Psihologiya otnoshenij: izbrannye psihologicheskie trudy* [Psychology of Relationships: Selected Psychological Works]. Moscow, Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute, 2011. 398 p.
22. Rubinshtejn S. L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2022. 720 p.
23. In: Zhuravlev A. L., Krukova T. L., Sergienko E. A., ed. *Sovladayushchee povedenie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Coping Behavior: Current State and Prospects]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 474 p.
24. Sirota N. A., Yaltonskij V. M. [Coping Behavior and Psychoprophylaxis of Psychosocial Disorders in Adolescents]. In: *Obozrenie psikiatrii i medicinskoj psihologii* [Review of Psychiatry and Medical Psychology], 1994, no. 1, pp. 63–74.
25. Hekkhauzen X. *Motivaciya i deyatel'nost'* [Motivation and Activity]. Moscow, Smysl Publ., 2003. 860 p.
26. Shihirev P. N. *Sovremennaya social'naya psihologiya* [Modern Social Psychology]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ., 2000. 447 p.
27. Endler N., Parker J. D. A. Multidimensional assessment of coping: A critical evaluation. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, no. 58, pp. 844–854.
28. Heim E., Valach L. Berner Bewältigungsformen BEFO-ein Instrument zur Selbst- und Fremdbewertung der Krankheitsverarbeitung [The Bern Coping Forms BEFO-an instrument for self- and observer rating of coping with illness]. In: *Rehabilitation*, 1996, no. 35 (4), pp. XXXI–XLI.
29. Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, Appraisal and Coping*. N. Y., Springer Publishing House, 1984. 456 p.
30. Magnusson D. *Individual development: Toward a developmental science*. London, Proceedings of the American Philosophical Society Publ., 2000. P. 86–96.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бершедова Людмила Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор департамента клинических, психологических и педагогических основ развития личности Института психологии и комплексной реабилитации Московского городского педагогического университета;

e-mail: bershedovali@mgpu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-7371-1532>

Морозова Татьяна Юрьевна – старший преподаватель департамента клинических, психологических и педагогических основ развития личности Института психологии и комплексной реабилитации Московского городского педагогического университета;

e-mail: morozovatu@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9044-4988>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila I. Bershedova – Dr. Sci. (Psychological Sciences), Prof., Prof., Department of Clinical, Psychological and Pedagogical Foundations of Personality Development of Institute of Psychology and Integrated Rehabilitation of Moscow City Pedagogical University.

e-mail: bershedovali@mgpu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-7371-1532>

Tatyana Yu. Morozova – Senior Lecturer of Department of Clinical, Psychological and Pedagogical Foundations of Personality Development, Institute of Psychology and Integrated Rehabilitation of Moscow City Pedagogical University;

e-mail: morozovatu@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9044-4988>

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-109-128

ВОВЛЕЧЁННОСТЬ В ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ КАК ФАКТОР ВОСПРИЯТИЯ ПОДРОСТКАМИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Проект Ю. Л.* , Спасская Е. Б.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, Российская Федерация*

**Корреспондирующий автор, e-mail: proektjl@herzen.spb.ru*

Поступила в редакцию 12.08.2024

После доработки 23.09.2024

Принята к публикации 04.10.2024

Аннотация

Цель. Поиск взаимосвязи между вовлечённостью в использование мобильных технологий и восприятием подростками возможностей использования искусственного интеллекта (ИИ).

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 385 подростков в возрасте от 11 до 18 лет (50,9% – девочки). Использовались методика выявления форм использования мобильных устройств, шкала фаббинга, авторский опросник восприятия возможностей ИИ, методы описательного, сравнительного, корреляционного и факторного анализов.

Результаты. Исследование показало, что характер взаимодействия подростков с новыми цифровыми технологиями опосредован полом, этапом обучения и возрастом владения первым гаджетом. Выявлено, что вовлечённость подростка в использование гаджетов связана с восприятием более широкого спектра возможностей взаимодействия с технологиями ИИ.

Теоретическая и/или практическая значимость обусловлена возможностями учёта результатов при разработке программ сопровождения цифровой социализации школьников.

Ключевые слова: вовлечённость, восприятие, гаджеты, искусственный интеллект, мобильные устройства, подростки, цифровое поведение

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №23-28-00412, <https://rscf.ru/project/23-28-00412>.

Для цитирования: Проект Ю. Л., Спасская Е. Б. Вовлечённость в использование мобильных устройств как фактор восприятия подростками возможностей искусственного интеллекта // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. №1. С. 109-128. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-109-128

Original research article

INVOLVEMENT IN THE USE OF MOBILE DEVICES AS A FACTOR IN ADOLESCENTS' PERCEPTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE CAPABILITIES

Yu. Proekt*, E. Spasskaya

*Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika Embankment, 48, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation; *corresponding author, e-mail: proektjl@herzen.spb.ru*

Received by the editorial office 12.08.2024

Revised by the author 23.09.2024

Accepted for publication 04.10.2024

Abstract

Aim. To find the relationship between engagement in mobile technology use and adolescents' perceptions of artificial intelligence (AI) capabilities.

Methodology. The study involved 385 adolescents aged 11 to 18 years (50.9% were girls). The methods used were the questionnaire of identifying the forms of mobile device use, the phubbing scale, the author's questionnaire of perception of AI capabilities, and methods of descriptive, comparative, correlation and factor analysis.

Results. The study found that adolescents' interactions with new digital technologies are mediated by gender, stage of schooling, and age of first gadget ownership. It was revealed that adolescent engagement in gadget use is associated with the perception of a wider range of opportunities to interact with AI technologies.

Research implications. The value of findings is conditioned by the possibility of taking the results into account when developing programs to support digital socialization of schoolchildren

Keywords: involvement, perception, gadgets, artificial intelligence, mobile devices, adolescents, digital behavior

Acknowledgments: This work has been supported by the Russian Science Foundation (RSF), grant no. 23-28-00412, <https://rscf.ru/project/23-28-00412>.

For citation: Project Yu. L., Spasskaya E. B. Involvement in the use of mobile devices as a factor in teenagers' perception of the possibilities of artificial intelligence // Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2025, no. 1, pp. 109-128. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-109-128

Введение

Цифровая трансформация образования, как в аспекте технологического обеспечения, так и в плане изменения педагогических подходов к образовательному процессу, становится ключевым условием сопряжения наработанного культурой и транслируемого образовательной системой опыта с актуальным предметным и социальным контекстом жизни со-

временного школьника. Способность школы адаптировать и внедрять новые технологические возможности обучения становится критически важной для отождествления школьного обучения с образованием. По мнению К. Г. Колл и Л. А. Салаха, таковой школе было принято считать последние 150 лет, однако её функции становятся менее очевидными для мира, где перед человеком открываются новые

образовательные возможности за счёт расширения доступа к информационным ресурсам и совершенствования цифровых образовательных сервисов [11]. Очередным серьёзным вызовом для образования становится широкое распространение технологий генеративного искусственного интеллекта (далее – ИИ), под которым понимается использование моделей глубокого обучения, позволяющих создавать тексты, изображения, видео на основе обработки имеющихся у человечества знаний [16]. В самом общем виде, ИИ представляет собой технологию, призванную решать задачи, основанные на познании и первоначально доступные только человеку [22].

Развитие ИИ осуществляется сегодня в невиданных ранее темпах. Первые экспертные системы и нейронные сети создавались ещё во второй половине прошлого века, однако последовавшая в 1980-е годы «зима ИИ», связанная с разочарованием в возможностях создаваемых цифровых продуктов, привела к замедлению темпов развития интеллектуальных технологий. Однако, начиная с 1990-х годов, отмечается ренессанс исследований и разработок в этой сфере, связанный с появлением машинного обучения и создания многослойных нейронных сетей [3]. Появление первых генеративных языковых моделей, таких как ChatGPT, Gemini, PerplexityAI и других, вызвало не только широкий интерес пользователей по всему миру, но и пристальное внимание исследователей в контексте их влияния на образовательный процесс и учебные результаты обучающихся [18].

Инструменты ИИ стали доступны широкому кругу пользователей всего

несколько лет назад, и одновременно с этим развернулась острая дискуссия относительно их применимости в образовании [17]. В то время как ряд исследователей горячо обсуждает возможности ИИ в изменении образовательного ландшафта посредством более успешной персонификации образования [7], повышения эффективности управления образованием [2], оперативной обратной связи обучающимся [25], обогащения педагогического дизайна [12], другие выражают глубокие опасения, связанные с открывающимся влиянием ИИ на рост академической недобросовестности [21], снижение возможностей самоконтроля и самооэффективности обучающихся [19], других когнитивных навыков [18], недостаточными знаниями и возможностями педагогов в применении технологий ИИ [14]. В данном контексте особое значение приобретает психологическая готовность педагогов и обучающихся к внедрению цифровых инноваций. Согласно модели А. Л. Рассела [20], принятие новой технологии проходит шесть этапов: осознание, изучение процесса, понимание применения процесса, знакомство и уверенность, адаптация к различным контекстам и творческое применение технологии в новых контекстах. В этом плане, проблема заключается не только в принятии технологии учителями, но и в формировании у учащихся осознанного применения ИИ в образовательных целях. Между тем, большинство исследований установок обучающихся в этой сфере осуществлялось на выборках студентов, что свидетельствует о недостаточной проработке данной проблемы в плоскости школьного образования.

В то же время, подростки являются одними из наиболее активных пользователей новых технологий [4]. Их вовлечённость в использование цифровых технологий и скорость освоения новшеств становится отличительной чертой поколения, которое определяется в научной литературе как IGen [1]. Согласно одному из последних отчётов компании Mediascope¹, около 73% детей в возрасте от 4 до 17 лет имеют собственные гаджеты; уровень пользования интернетом среди возрастных групп 9–11 и 12–17 лет варьируется от 95 до 100%. Более того, широкая распространённость мобильных устройств среди подростков обеспечивает им повсеместность использования цифровых технологий, включая ИИ, их интеграцию в любые сферы их жизнедеятельности и общения. В. И. Панов и коллеги определяют систему действий подростков по использованию цифровой среды как цифровое поведение [6]. Сегодня именно цифровое поведение подростков требует особо пристального изучения.

Дефицит исследований установок подростков в использовании ИИ обедняет представления о возможностях и ограничениях использования инструментов ИИ в образовании, оптимизации образовательных программ и педагогических технологий в соответствии с вызовами времени. Прежде всего, актуальным вопросом становится поиск истоков таких установок, в частности, опосредующей роли цифрового опыта подростка к его подходу к использованию ИИ.

Целью настоящего исследования стал поиск взаимосвязи между вовлечённостью в использование мобильных технологий и восприятием подростками возможностей использования ИИ. Помимо указанной цели, исследование ставило задачу определения модулирующей роли социально-демографических характеристик подростков в их цифровом поведении (пола, этапа обучения и возраста, в котором подростки приобщились к использованию гаджетов).

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 450 подростков в возрасте от 11 до 18 лет. Для составления выборки использовался следующий фильтр-вопрос: «Слышали ли Вы когда-нибудь о генеративном искусственном интеллекте и его инструментах?». Из итоговой выборки были исключены 65 подростков, ответивших на этот вопрос отрицательно. В результате выборку составили 385 подростков, в том числе 196 девочек и 189 мальчиков (средний возраст – 15,4 лет, стандартное отклонение – 1,6 года). Общая выборка исследования была разделена по признакам пола, ступени образования (средняя-старшая школа), вовлечённости в использование мобильных устройств (низкий, средний, высокий уровень), возраста, в котором подросток стал владельцем своего собственного гаджета (дошкольный, младший школьный, подростковый).

Для изучения вовлечённости в использование мобильных устройств использовались шкала фаббинга Э. Карадагидр. и опросник формирования использования мобильных устройств школьниками Е. Б. Спасской и Ю. Л. Проект.

¹ Mediascope. KIDS&TEENS: Большим о маленьких. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/242/i3nhbuashdcelk6af2h4cz8p77jwf23/KidsnTeens_CSTB.PRO.MEDIA_290224.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

Шкала фаббинга содержит две подшкалы, касающихся собственно фаббинга как склонности игнорировать партнёра по общению посредством смартфона и зависимости от смартфона. Опросник форм использования мобильных устройств содержит 23 паттерна-цели (например, «побороть состояние скуки или раздражения», «находить какую-либо информацию, связанную с учебным материалом» и т. п.). Оценивалась частота использования гаджета в указанных целях в разных жизненных обстоятельствах (в школе, дома, вне дома). Итоговый балл рассчитывался как доля к максимально возможному баллу. Помимо указанных методик, участникам исследования предлагалось оценить свою вовлечённость посредством ответа на следующий вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько часто в течение обычного дня Вы обращаетесь к мобильному телефону по 10-ти балльной шкале, 1 – крайне редко, 10 – постоянно». Кроме того, подростки сообщали о функциональности своего актуального мобильного телефона.

Восприятие возможностей использования ИИ изучалось с помощью авторского исследовательского опросника, содержащего блоки вопросов об осведомлённости в сфере ИИ (оценки по 5-ти балльной шкале Ликерта), целях использования ИИ, преимуществах и рисках в использовании ИИ (номинативные шкалы), оценках влияния использования ИИ на личность подростка (оценки по 5-ти балльной шкале Ликерта).

Обработка полученных первичных данных осуществлялась на основе анализа описательных статистик, сравнительного, корреляционного и

факторного анализов. Сравнительный анализ был проведён с использованием критерия Манна-Уитни, критерия χ^2 Пирсона и критерия Краскела-Уолисса. При использовании критерия Краскела-Уолисса проводился *post-hoc* анализ с применением критерия W Двасс-Стил-Кричлоу-Флигнер (DSCF). Анализ корреляционных связей осуществлялся с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Факторный анализ проводился на основе Varimax-вращения с нормализацией Кайзера. Для проведения статистических расчётов были задействованы программы Jamovi ver.2.5.6 и Statistica ver. 8.0 (StatSoft).

Результаты

На первом этапе исследования анализу были подвергнуты данные об использовании подростками мобильных устройств (см. табл. 1). Результаты сравнительного анализа показали, что девочки достоверно чаще используют гаджеты в самых разных целях ($U=13834$; $p<0,001$), проявляют большую зависимость от смартфона ($U=8180$; $p<0,05$), в целом оценивают выше свою вовлечённость в использование гаджетов ($U=15214$; $p<0,001$). Не обнаружено достоверных различий в функциональности актуальных мобильных телефонов подростков разного пола ($\chi^2=2,5$; $p=0,47$). Большинство из них указали, что владеют современным смартфоном, позволяющим использовать телефон в режиме компьютера и пользоваться разноплановыми мобильными приложениями (девочки – 50,0%; мальчики – 55,6%). 28,2% мальчиков и 27,8% девочек определили свои гаджеты как ультрасовременные модели, обладающие всеми существующими функциями.

Таблица 1 / Table1

Описательные статистики характеристик вовлечённости в использование мобильных устройств в сопоставляемых группах / Descriptive statistics of engagement in mobile device use' patterns in the matched groups

Сопоставляемые группы и первичные статистические показатели	Показатели вовлечённости в использование мобильных устройств				
	1	2	3	4	5
Пол					
Девочки (n=196)					
M	4,1	68,7	13,5	15,6	7,9
Me	4	68,7	13	16	8
S	0,7	10,0	3,8	3,8	1,8
Мальчики (n=189)					
M	4,1	64,3	12,8	14,6	7,2
Me	4	65,6	13	15	7
S	0,7	10,5	4,0	4,0	2,0
Этап обучения					
Средняя школа (n=191)					
M	3,9	64,9	13,0	14,9	7,12
Me	4	66,1	13	15	7
S	0,8	10,3	3,9	3,9	1,9
Старшая школа (n=194)					
M	4,2	68,2	13,3	15,3	7,96
Me	4	68,7	13	15	8
S	0,6	10,4	3,8	3,9	1,9
Возраст владения первым гаджетом					
Дошкольный возраст (n=72)					
M	4,3	67,0	14,2	15,8	7,8
Me	4	67,8	15	15	8
S	0,7	11,8	3,8	3,2	2,1
Младший школьный возраст (n=211)					
M	4,1	66,6	13,1	15,2	7,6
Me	4	67,4	13	15	8
S	0,7	10,4	3,8	4,1	1,9
Подростковый возраст (n=102)					
M	3,8	66,2	12,5	14,5	7,2
Me	4	67,0	12	14	7
S	0,8	9,8	4,0	4,0	2,0
Уровень вовлечённости в использование мобильных устройств					
Низкий (n=102)					
M	3,9	53,2	11,5	13,7	6,7
Me	4	54,8	12	14	7
S	0,8	7,4	3,4	3,9	2,0

Таблица 1 / Table1 (окончание)

Средний (n=170)					
М	4,0	67,0	13,0	15,1	7,6
Me	4	67,2	13	15	8
S	0,7	2,7	3,5	3,4	1,8
Высокий (n=113)					
М	4,3	77,9	14,9	16,3	8,2
Me	4	76,5	15	17	8
S	0,7	4,8	4,2	4,4	1,8

Условные обозначения: М – среднее значение; Me – медиана; S – стандартное отклонение; 1 – функциональность гаджета; 2 – интенсивность использования мобильных устройств; 3 – склонность к фаббингу; 4 – зависимость от смартфона; 5 – самооценка вовлечённости в использование мобильных устройств

ющими на данный момент возможностями. Остальные характеризовали свои гаджеты как менее функциональные. Обнаружены различия между обучающимися в средней и старшей школе. Так, старшеклассники более интенсивно используют свои гаджеты в разных целях ($U=14893$; $p<0,001$) и выше оценивают свою вовлечённость в использование мобильных телефонов ($U=13749$; $p<0,001$). Более того, обнаружены достоверные различия в функциональности гаджетов, которыми владеют респонденты ($\chi^2=9,3$; $p<0,05$). Среди учащихся старшей школы чаще встречались те, кто определял свой телефон как ультрасовременную модель (старшая школа – 33,3%, средняя школа – 23,1%) (табл. 1).

Выявлена связь показателей вовлечённости в использование мобильных устройств и возраста, в котором у них появился собственный гаджет. Достоверные различия обнаружены по показателям склонности к фаббингу ($\chi^2=7,2$; $p<0,05$) и самооценки вовлечённости в использование гаджета ($\chi^2=7,6$; $p<0,05$). Попарные сравнения показали, что достоверные различия обна-

руживаются между группами респондентов, которые начали пользоваться собственным гаджетом в дошкольном и подростковом возрасте (склонность к фаббингу: $W=3,8$, $p<0,05$; самооценка вовлечённости: $W=3,6$, $p<0,05$). Подростки, которые стали владельцами гаджетов в младшем школьном возрасте не отличаются по указанным показателям от других групп. Помимо этого, достоверные различия выявлены в функциональности гаджета, которым владеют подростки ($\chi^2=18,2$; $p<0,001$). Владельцы гаджетов с дошкольного возраста, чаще сообщали о наличии у них сегодня ультрасовременной модели смартфона (дошкольный возраст – 47,3%; младший школьный возраст – 26,5%; подростковый возраст – 16,9%). Что касается моделей с ограниченной функциональностью, то владение такими телефонами чаще обозначали школьники, получившие первый гаджет в подростковом возрасте (дошкольный возраст – 12,7%; младший школьный возраст – 17,0%; подростковый возраст – 24,7%).

Сравнительный анализ групп, выделенных по уровню вовлечённости

в использование гаджетов, подтвердил адекватность разделения выборки. Обнаружены различия по всем изучаемым показателям. Попарные сравнения также зафиксировали достоверность различий между тремя группами ($3.3 \leq W \leq 20.2$; $0.048 \leq p \leq 0.000$). Высоко вовлечённые подростки чаще владели ультрасовременными смартфонами (низкий уровень – 20,3%; средний уровень – 25,0%; высокий уровень – 39,1%), тогда как низкая вовлечённость сопровождалась наличием наиболее простых моделей (низкий уровень – 27,5%; средний уровень – 19,5%; высокий уровень – 12,2%).

На рисунке 1 отображено частотное распределение опыта использования умных технологий в исследуемых группах.

Наиболее часто подростки всех групп использовали голосовые помощники и чат-боты. Во всех рассматриваемых группах были те, кто сообщал о том, что они не использовали указанные технологии, однако наиболее высокий процент таких подростков отмечался среди подростков с низкой вовлечённостью в использование гаджетов. Выявлено, что подростки с низкой вовлечённостью в использование гаджетов достоверно реже используют чат-боты ($\chi^2=12.2$; $p<0.001$) и умные колонки ($\chi^2=6.2$; $p<0.05$), тогда как подростки с высокой вовлечённостью достоверно чаще используют умные часы ($\chi^2=6.7$; $p<0.05$). В целом, профиль группы с высокой вовлечённостью в использование гаджетов выше профилей других групп, что может свидетельствовать о большем

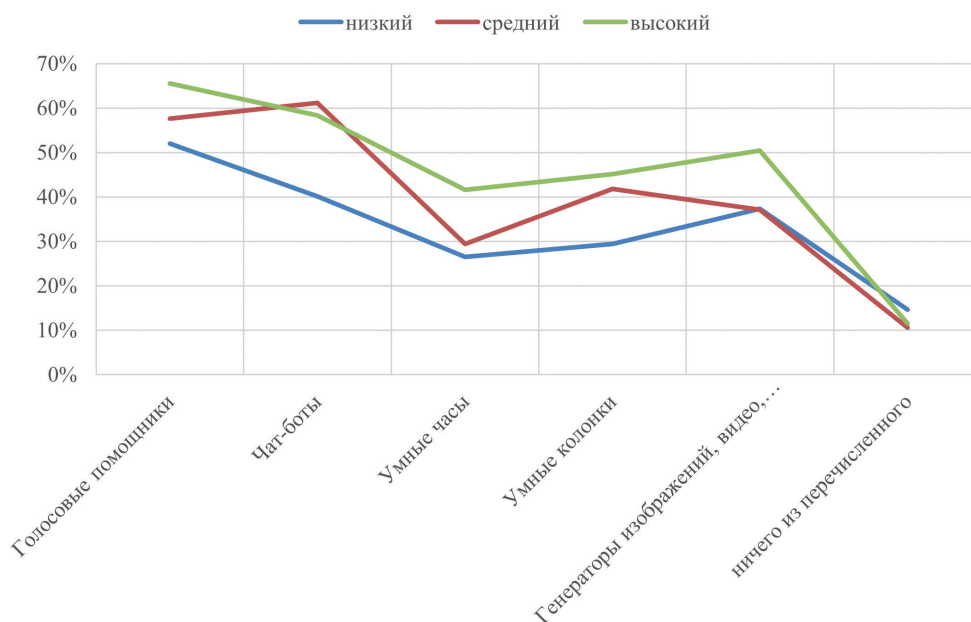

Рис. 1 / Fig. 1. Опыт использования умных технологий в группах подростков с различным уровнем вовлечённости в использование мобильных устройств (% от общей выборки) / Experiences of smart technology use in groups of adolescents with different levels of involvement in mobile device use (% from total sample)

интересе этих подростков к технологическим новинкам.

В аспектах опыта использования умных технологий выявлены только отдельные различия по полу и этапу обучения. Девочки достоверно чаще мальчиков отмечали, что используют голосовых помощников ($\chi^2=10,2$; $p<0,01$). Среди учащихся старшей школы больше тех, кто используют чат-боты ($\chi^2=13,1$; $p<0,001$) и умные часы ($\chi^2=6,3$; $p<0,05$). При этом по фактору возраста владения первым гаджетом достоверных различий не обнаружено.

Восприятие возможностей ИИ исследовалось в аспектах оценки осведомлённости, целей, преимуществ и рисков (см. табл. 2). Интересно, что сравниваемые группы не отличаются по самооценке осведомлённости в возможностях использования ИИ. Между тем, мальчики склонны оценивать свою осведомлённость выше, чем девочки ($U=12617$; $p<0,001$), старшеклассники также дают более высокие оценки своей осведомлённости ($U=14201$; $p<0,001$) (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Восприятие возможностей использования ИИ в группах с различным уровнем вовлечённости в использование мобильных устройств / Perceptions of AI capabilities in groups with different levels of involvement in mobile device use

Восприятие возможностей использования ИИ	Уровень вовлечённости в использование гаджетов			χ ²
	низкий	Средний	высокий	
Осведомлённость в возможностях использования ИИ				
Самооценка осведомлённости	3,1	3,3	3,2	1,2
Цели использования ИИ				
Для выполнения домашних заданий	39,2%	49,4%	56,6%	6,5*
Для написания текстов	39,2%	50,0%	54,0%	5,0
Для генерации идей	30,4%	34,7%	42,5%	3,6
Для развлечения	42,2%	56,5%	58,4%	6,9*
Для общения	17,6%	24,1%	34,5%	8,3*
Я не использую инструменты ИИ	22,5%	10,0%	11,5%	9,1*
Преимущества использования ИИ				
Скорость получения информации	60,8%	70,6%	78,8%	8,3*
Возможность получить подробные и понятные ответы на вопросы	58,8%	52,9%	62,8%	2,8
Возможность пообщаться с «умной» программой	26,5%	18,8%	33,6%	8,0*
Расширение своих возможностей	45,1%	42,9%	46,9%	0,4
Возможность быть в ногу со временем	21,6%	25,9%	41,6%	12,1**
Снижение нагрузки, облегчение решения задач	51,0%	60,6%	74,3%	12,7**
Риски использования ИИ				
Не всегда получаются нужные результаты	48,0%	58,8%	56,6%	3,1
Ответы могут быть неправильными	52,9%	60,6%	60,2%	1,7
Трудно доверять достоверности информации	36,3%	39,4%	44,2%	1,5
Трудно разобраться с тем, как использовать ИИ	12,7%	11,2%	14,2%	0,6
ИИ может неэтично использоваться	14,7%	18,2%	23,0%	2,5
Используя ИИ, люди теряют свои навыки и способности, становятся глупее	46,1%	37,6%	45,1%	2,5

Условные обозначения: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Между группами подростков с разным уровнем вовлечённости в использование гаджетов не обнаружены достоверные различия в оценках рисков использования ИИ. Подростки сходятся в мнении, что наибольшие риски связаны с возможными неточностями и ошибками в ответах, генерируемых ИИ, нерелевантностью результата поставленной задаче, а также с психологическими проблемами (потерей навыков, снижением когнитивных возможностей человека). В оценках рисков использования ИИ выявлены достоверные гендерные и возрастные различия. По сравнению с мальчиками, девочки чаще обеспокоены этическими проблемами использования ИИ ($\chi^2=7,3$; $p<0,01$), психологическими рисками ($\chi^2=4,7$; $p<0,05$), чаще выражают недоверие получаемой информации ($\chi^2=15,0$; $p<0,001$). Старшеклассники в большей степени обеспокоены нерелевантностью ответов ИИ поставленной задаче ($\chi^2=10,3$; $p<0,01$), а также возможными ошибками в ответах ($\chi^2=5,8$; $p<0,05$).

Выявленные различия между группами свидетельствуют о сходстве групп со средней и высокой вовлечённостью в использование гаджетов и их отличии от тех подростков, кто демонстрирует низкий уровень вовлечённости. Так, подростки с низкой вовлечённостью в использование гаджетов реже отмечают, что используют ИИ для выполнения домашних заданий, развлечения и общения. В данной группе чаще всего встречаются подростки, не использующие ИИ вовсе, достоверно реже ценятся скорость получения информации при использовании ИИ, снижение нагрузки, а также возможности общения с «умной программой»

и соответствия духу времени. В целом, профиль оценок возможностей использования ИИ в исследуемых группах представляется схожим. Наиболее часто подростки используют ИИ для развлечения, написания текстов и выполнения домашних заданий, реже всего разворачивают диалог с ИИ. Ключевые преимущества видятся в возможностях оперативного получения подробных и понятных ответов от ИИ, снижения когнитивных нагрузок и расширения своих возможностей.

Выявлены различия по полу и этапу обучения подростков. Так, чаще используют инструменты ИИ для написания текстов мальчики ($\chi^2=4,8$; $p<0,05$) и старшеклассники ($\chi^2=9,7$; $p<0,01$). Скорость получения информации в большей степени ценят девочки ($\chi^2=5,1$; $p<0,05$) и старшеклассники ($\chi^2=11,9$; $p<0,001$). Девочки также чаще отмечают как преимущество использования ИИ возможность быть в ногу со временем ($\chi^2=13,6$; $p<0,001$). Для старшеклассников оказывается более важным результатом использования ИИ снижение нагрузки и облегчение решения задач ($\chi^2=10,7$; $p<0,01$), тогда как учащиеся средней школы чаще ценят возможность общения с умной программой ($\chi^2=6,5$; $p<0,05$).

Анализ оценок респондентами влияния использования ИИ на их личностные качества (см. рис. 2) позволил выявить достоверные различия между группами с разной вовлечённостью в использование гаджетов в оценке такого влияния только на способность решать проблемы и принимать решения ($\chi^2=8,0$; $p<0,05$). В этом аспекте группа с низкой вовлечённостью в использование гаджетов отличалась от групп со средней ($W=3,4$, $p<0,05$) и

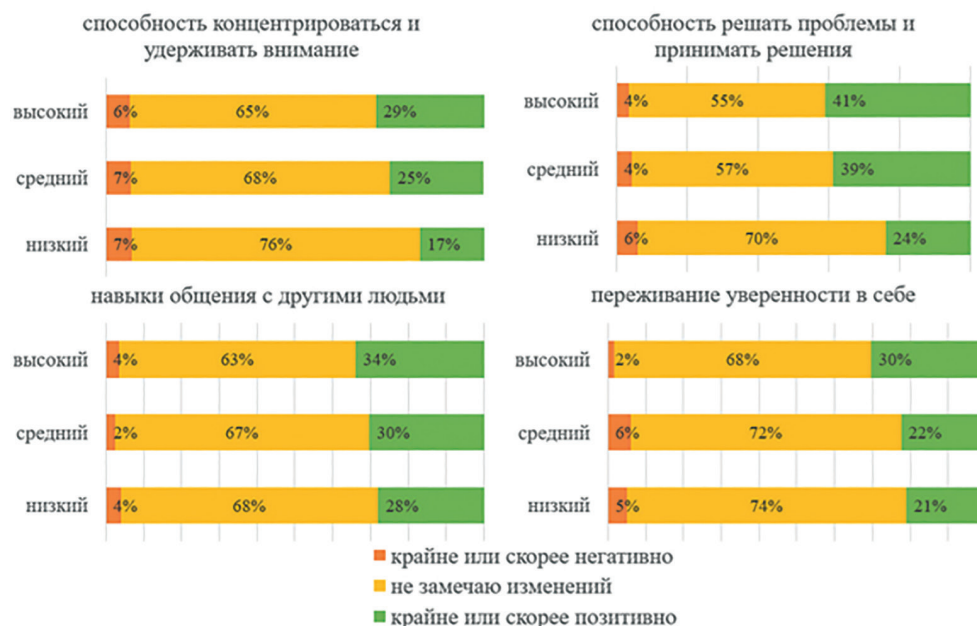

Рис. 2 / Fig. 2. Оценки влияния использования ИИ на личностные качества респондентов с разным уровнем вовлечённости в использование мобильных устройств / Estimates of the impact of AI use on personality traits by respondents with different levels of involvement in mobile device use

высокой ($W=3,7$, $p<0,05$) вовлечённостью. На уровне тенденции, подростки с высокой вовлечённостью в использование гаджетов были склонны отмечать позитивное влияние ИИ на их переживание уверенности в себе ($\chi^2=5,7$; $p=0,06$; высокий-низкий уровень: $W=2,7$, $p=0,13$; высокий-средний уровень: $W=3,1$, $p=0,07$). В целом, подростки оценивают влияние ИИ на личностные качества скорее как незначительное.

Факторный анализ позволил выявить четырёхкомпонентную структуру восприятия возможностей ИИ подростками (см. табл. 3). Количество факторов определялось путём применения критерия «каменистой осыпи» Р. Кеттелла и критерия Кайзера. Оценка меры адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) сви-

детельствует о применимости факторного анализа к исследуемой выборке подростков (КМО=0,72). Оценка применимости данных для факторного анализа с помощью критерия сферичности Бартлетта также показала удовлетворительные результаты ($\chi^2=813$, $p<0,001$). Полученная факторная модель объяснила в общем 44,6% общей дисперсии (табл. 3).

Первый фактор составили показатели влияния ИИ на личностные характеристики подростков. Можно говорить о недифференцированной оценке подростками влияния ИИ на их психологические характеристики. Такое влияние оценивается в целом как положительное или отрицательное, без определения специфических личностных маркеров, более чувствительных к воздействию ИИ. В целом

Таблица 3 / Table 3

Факторная структура восприятия возможностей ИИ подростками / Factor structure of adolescents' perceptions of AI capabilities

Переменные, составляющие фактор	Факторы			
	1	2	3	4
Влияние ИИ на способность решать проблемы и принимать решения	0,765			
Влияние ИИ на навыки общения с другими людьми	0,744			
Влияние ИИ на переживание уверенности в себе	0,715			
Влияние ИИ на способность концентрироваться и удерживать внимание	0,695			
Для написания текстов		0,657		
Не всегда получаются нужные результаты		0,588		
Скорость получения информации		0,581		
Для выполнения домашних заданий		0,569		
Ответы могут быть неправильными		0,564		
Снижение нагрузки, облегчение решения задач		0,549		
Для общения			0,674	
Для развлечения			0,660	
Возможность пообщаться с «умной» программой			0,644	
Возможность быть в ногу со временем			0,527	
Используя ИИ люди теряют свои навыки и способности, становятся глупее				0,618
ИИ может неэтично использоваться				0,604
Трудно доверять достоверности информации				0,478
Вес фактора	2,3	2,2	1,7	1,4
% объяснённой дисперсии	13,7%	12,7%	9,9%	8,3%

Условные обозначения: 1 – ИИ как инструмент усиления Я подростка; 2 – Прагматика использования ИИ; 3 – Экспериментирование с ИИ; 4 – Риски использования ИИ.

данный фактор можно обозначить как «ИИ как инструмент усиления Я подростка».

Второй фактор включил в свой состав цели использования ИИ, связанные с облегчением прежде всего учебной деятельности подростков, такие как написание текстов, выполнение домашних заданий. Подобный комплекс целей связывается с представлениями о возможностях и ограничениях ИИ в контексте достижения этих целей. Преимущества включают скорость получения информации и снижение нагрузки на обучающегося, тогда как риски использования ИИ проявляются в недостаточной уверенности в воз-

можностях ИИ дать правильный и релевантный результат в ответ за запрос пользователя. В целом, данный фактор отражает прагматический контекст использования ИИ подростками и может быть обозначен как «Прагматика использования ИИ».

В состав третьего фактора вошли цели использования ИИ, связанные с досугом подростков. Такие цели отличаются скорее направленностью на экспериментирование с возможностями ИИ, что подчёркивают и выделяемые в данном контексте преимущества ИИ: общение с «умной» программой, возможность быть современным. В связи с этим, данный фактор был обо-

значен как «Экспериментирование с ИИ».

Наконец, четвёртый фактор включил в свой состав оценки рисков использования ИИ, связанных с возможностью нарушения этики его использования, проблемами достоверности получаемой информации, а также рисками снижения человеческого потенциала. Данный фактор был обозначен как «Риски использования ИИ».

Корреляционный анализ факторных оценок респондентов с показателями вовлечённости в использование мобильных устройств продемонстрировал наличие достоверных связей (см. табл. 4).

Восприятие возможностей использования ИИ наиболее тесно связано с интенсивностью использования гаджетов. Такая интенсивность сопровождается более широким контекстом восприятия возможностей использования ИИ и более позитивным взглядом подростка на влияние ИИ на его личность. Другими словами, чем

больше подросток вовлечён в использование гаджетов, тем больше жизненных задач решает с их помощью, тем более широким спектром возможностей взаимодействия с ИИ он интересуется, пробуя границы его применения в своей повседневной жизни. Экспериментирование с возможностями ИИ связано и с большей выраженностью склонности к фаббингу, что может говорить о большем интересе к технологиям, нежели к окружающим подростка людям. Важным является и связь функциональности гаджета с верой подростка в усиление своей личности с помощью инструментов ИИ.

Обсуждение результатов

Развитие мобильных технологий существенно преобразовало жизненное пространство современных подростков. В каждом моменте времени гаджеты позволяют им быть подключёнными к любым цифровым ресурсам и виртуальным общественным пространствам [5]. Настоящее исследование

Таблица 4 / Table 4

Взаимосвязь вовлечённости в использование мобильных устройств и восприятия возможностей использования ИИ подростками / The relationship between mobile device engagement and adolescents' perceptions of AI capabilities

Показатели вовлечённости в использование мобильных устройств	Факторы восприятия возможностей использования ИИ			
	1	2	3	4
Функциональность гаджета	0.145 ***	0.03	0.05	0.08
Интенсивность использования гаджетов	0.12 *	0.17 ***	0.13 *	0.06
Склонность к фаббингу	-0.08	0.01	0.16 **	-0.08
Зависимость от смартфона	-0.11	0.01	0.10	-0.01
Самооценка вовлечённости в использование гаджетов	-0.01	0.12 *	0.02	0.04

Условные обозначения: 1 – ИИ как инструмент усиления Я подростка; 2 – Прагматика использования ИИ; 3 – Экспериментирование с ИИ; 4 – Риски использования ИИ

дование было посвящено изучению взаимосвязи между вовлечённостью подростков в использование гаджетов и восприятием возможностей ИИ, а также опосредующей роли социально-демографических характеристик подростков в этих отношениях.

Результаты исследования позволили определить специфику цифрового поведения подростков в зависимости от их пола, этапа обучения, возраста владения первым гаджетом. Как и в предыдущих исследованиях [9], мы отметили большую вовлечённость девочек в использование гаджетов как на уровне широты достигаемых целей, так и в оценках зависимости. Как отмечают Ц. Чен и коллеги, для девочек мобильные технологии становятся ключевым инструментом поддержания социальных контактов и общения [10]. В этом плане гаджеты для девочек играют связующую роль со значимыми другими, возможность оставаться на связи, ощущать свою принадлежность к значимым социальным группам. Это может объяснять и тот факт, что голосовые помощники вызывают у них больший по сравнению с мальчиками интерес, поскольку такие технологии предполагают возможность общения. Знакомство с технологиями ИИ позволяет девочкам чувствовать себя более современными, соответствующими своему социальному окружению. Вместе с тем, именно девочки оказываются более чувствительными к рискам использования ИИ, в большей степени проявляя осторожность в освоении новых технологий. Сходный результат был обнаружен и в исследовании Г. У. Солдатовой и коллег [8], отметившими более выраженную рефлексивность девушек в использовании техно-

логий. Мальчики же, напротив, выше оценивают свою осведомлённость в ИИ, что может говорить о стремлении узнавать больше о технологических новинках. Эмпирически показано, что мальчики превосходят девочек по интересу к техническим дисциплинам, стремятся развивать свои компетенции в этой области, что может стать ключевым фактором в характере освоения ими цифровых технологий [13]. Иными словами, фокус внимания мальчиков больше сосредоточен на механике цифровой технологии, тогда как у девочек он направлен на расширение их возможностей в коммуникации с другими людьми и выстраивании социальных отношений.

Исследование показало, что по мере взросления, подростки начинают более интенсивно использовать свои гаджеты, всё шире применяя цифровые технологии к решению задач повседневной жизни. Это повышает и требования к функциональности цифровых устройств, обладание более технологичным гаджетом становится для старшеклассника более значимым, как и осведомлённость в расширяющихся возможностях цифровых технологий. Использование ИИ рассматривается старшеклассниками скорее в прагматическом контексте. Их интересует возможность переложить на технологию решение части своих задач, и они ожидают, что такие задачи будут решены быстро и правильно.

Вместе с тем, возможным фактором, снижающим дезадаптивное вовлечение подростков в использование гаджетов, становятся способы организации их свободного времени. Предыдущие исследования показывают, что те подростки, кто имеет более

структурированный, разнообразный и насыщенный досуг, в меньшей степени проявляли зависимость от гаджетов [23]. Также отмечается позитивная роль физической активности в предотвращении рисков проблемного использования гаджетов [24]. Таким образом, насыщение свободного времени подростка различными видами деятельности может выступать как инструмент профилактики нарушений их цифрового поведения.

Исследование позволило показать различия в использовании мобильных устройств подростками в зависимости от возраста, в котором у них появился собственный гаджет, причём эти результаты позволяют предполагать скрытое влияние цифрового неравенства на формирующиеся паттерны цифрового поведения подростка. Так, подростки, которые стали владельцами гаджетов в дошкольном возрасте, и в актуальный момент владеют более технологичными устройствами, что расширяет их возможности во взаимодействии с цифровыми технологиями, рискуют быть людьми с проблемным цифровым поведением. С одной стороны, более поздний возраст приобщения к гаджетам может быть обусловлен семейными установками и ценностями, но, с другой стороны, можно предполагать и финансовые ограничения, что указывает уже на социально-экономический статус семьи подростка.

Функциональность гаджета подростка связана с вовлечённостью в его использование. Владельцы менее функциональных гаджетов отличались более низкой вовлечённостью, а профиль их восприятия возможностей ИИ также значимо отклонялся от под-

ростков со средней и высокой вовлечённостью в использование гаджетов.

В целом, полученные результаты свидетельствуют о том, что уровень вовлечённости в использование гаджетов связан с более широким спектром восприятия возможностей ИИ. Активные пользователи гаджетов в большей степени интересуются умными технологиями, стремятся использовать максимум их возможностей, видят позитивный вклад ИИ в расширение их личностного потенциала, что подтверждает выдвинутую в исследовании гипотезу.

Заключение

Проведённое исследование продемонстрировало значимость учёта базовых социально-демографических факторов пола, возраста, вовлечённости в использование мобильных технологий и возраста приобретения первого гаджета при анализе взаимодействия подростков с ИИ. Выявленные в исследовании тенденции позволяют оценить сложные взаимосвязи между этими факторами и цифровой социализацией подростков.

Несмотря на существенный вклад данного исследования в изучение взаимодействия подростков с новыми технологиями, оно имеет ряд ограничений. Первое из них связано с характером используемых методов, преимущественно построенных на самоотчётах. Представляется перспективным проведение экспериментов для выявления зависимости восприятия ИИ от моделируемого цифрового поведения подростка. Другим ограничением исследования является то, что в исследовании не учитывался целый ряд факторов, способных повлиять на его результаты

(семейное окружение, социальный статус, характеристики образовательной среды и др.). Это открывает перспективы исследования по выявлению их роли в цифровой социализации подростков в условиях развития ИИ.

Результаты проведенного исследования представляют практическую значимость и могут быть использованы при разработке содержания внеурочной деятельности в части формирования у школьников цифровой

компетентности и культуры использования новых технологий.

В целом полученные результаты позволяют расширить представления о характере восприятия ИИ, его связи с параметрами цифрового поведения подростков, определить многогранные и сложные взаимодействия между использованием цифровых технологий и социальными факторами развития подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z» // Современная аналитика образования. 2019. № 1. С. 2–64.
2. Даггэн С. Искусственный интеллект в образовании: Изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО / под ред. С.Ю. Князева; пер. с англ.: А. В. Паршакова. М.: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020. 45 с.
3. Константинова Л. В., Ворожихин В. В., Петров А. М. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. 2023. Т. 27. № 2. С. 36–48. DOI: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48.
4. Королева Д. О. Исследование повседневности современных подростков: присутствие в социальных сетях как неотъемлемая составляющая общения // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 55– 61. DOI: 10.17759/jmfp.2016050207.
5. Королева Д. О. Всегда онлайн: использование мобильных технологий и социальных сетей современными подростками дома и в школе // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 205–224. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-205-224.
6. Панов В. И., Борисенко Н. А., Миронова К. В. Поведение подростков в цифровой образовательной среде: к определению понятий и постановке проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. № 3 (39). С. 188–196. DOI: 10.18500/2304-9790-2021-10-3-188-196.
7. Светличный Е. Г., Хамгоков М. М., Шабаетов В. В. Совершенствование образовательного процесса в школе с использованием цифровых платформ на основе искусственного интеллекта // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-2. С. 207–209.
8. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Илюхина С. Н. Технологически расширенная личность: разработка и апробация шкалы самоуправления цифровой повседневностью // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. № 47 (2). С. 175–200. DOI: 10.11621/LPJ-24-20.
9. Филькина О. М., Кочерова О. Ю., Бобошко А. В. Гендерные особенности интернет-активности подростков и взаимосвязь с состоянием здоровья и успеваемостью // Вестник Ивановской медицинской академии. 2023. № 28 (4). С. 16–22.
10. Chen C., Zhang K. Z., Gong X. Examining the effects of motives and gender differences on smartphone addiction // Computers in Human Behavior. 2017. № 75. P. 891–902. DOI: 10.1016/j.chb.2017.07.002.

11. Coll C. G., Szalacha L. A. The multiple contexts of middle childhood // *The future of children*. 2004. № 14 (2). P. 80–97. DOI: 10.2307/1602795.
12. Guan J., Zhang J., Zhang X. The Influence of Generative Artificial Intelligence on High School Students' Academic Planning – ChatGPT // *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*. 2023. № 24. P. 205–210. DOI: 10.54254/2753-7048/24/20230705.
13. Hu X., Fang Y., Liang Y. Roles and Effect of Digital Technology on Young Children's STEM Education: A Scoping Review of Empirical Studies // *Education Sciences*. 2024. № 14 (4). URL: <https://www.mdpi.com/2227-7102/14/4/357> (дата обращения: 10.10.2024). DOI: 10.3390/educsci14040357
14. Humble N., Mozeliuss P. Artificial intelligence in education – a promise, a threat or a hype? // In: P. Griffiths and M. N. Kabir, ed. *Proceedings of the European Conference on the impact of artificial intelligence and robotics / 31 October – 1 November 2019*. Oxford: EM-Normandie Business School, 2019. P. 149–156.
15. Ibabe I., Albertos A., Lopez-Del Burgo C. Leisure time activities in adolescents predict problematic technology use // *European Child and Adolescent Psychiatry*. 2023. № 33. P. 279–289. DOI: 10.1007/s00787-023-02152-5.
16. Lim W. M., Gunasekara A., Pallant J. L. Generative AI and the future of education: Ragnarok or reformation? A paradoxical perspective from management educators // *The International Journal of Management Education*. 2023. № 21 (2). URL: <https://www.sciencedirect.com> (дата обращения: 10.10.2024). DOI: 10.1016/j.ijme.2023.100790.
17. Nah F., Zheng R., Cai J. Generative AI and ChatGPT: Applications, challenges, and AI-human collaboration // *Journal of Information Technology Case and Application Research*. 2023. № 25. P. 277–304. DOI: 10.1080/15228053.2023.2233814.
18. Özer M. Potential Benefits and Risks of Artificial Intelligence in Education // *Bartın University Journal of Faculty of Education*. Vol. 13. № 2. P. 232–244.
19. Rodríguez-Ruiz J. Marín-López I., Espejo-Siles R. Is artificial intelligence use related to self-control, self-esteem and self-efficacy among university students? // *Education and Information Technologies*. 2024. P. 2–18. DOI: 10.1007/s10639-024-12906-6.
20. Russell A. L. Six Stages for Learning To Use Technology. Research Report No. ED 397832) // *Proceedings of selected research and development and presentations at the 1996 national convention of the association for educational communications and technologies*. Australia: Queensland University of Technology, 1996. P. 633–643.
21. Skavronskaya L., Hadinejad A., Cotterell D. Reversing the threat of artificial intelligence to opportunity: a discussion of ChatGPT in tourism education // *Journal of Teaching in Travel & Tourism*. 2023. № 23 (2). P. 253–258. DOI: 10.1080/15313220.2023.2196658.
22. Skilton M., Hovsepian F. *The 4th Industrial Revolution: Responding to the Impact of Artificial Intelligence on Business*. Cham: Springer, 2017. 322 p.
23. Xia X., Qin S., Zhang S. Leisure experience and mobile phone addiction: Evidence from Chinese adolescents // *Heliyon*. 2024. № 10 (3). URL: 10.1016/j.heliyon.2024.e24834 (дата обращения: 10.10.2024).
24. Xiao W., Wu J., Yip J. The relationship between physical activity and Mobile phone addiction among adolescents and young adults: systematic review and Meta-analysis of observational studies // *JMIR public health and surveillance*. 2022. № 8 (12). URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 12.10.2024). DOI: 10.2196/41606.
25. Zhai X., Chu X., Chai C. S. A Review of Artificial Intelligence (AI) in Education from 2010 to 2020 // *Complexity*. 2021. № 1. P. 2–18. DOI: 10.1155/2021/8812542.

REFERENCES

1. Bogacheva N. V., Sivak E. V. [Myths about "Generation Z"] In: *Sovremennaya analitika obrazovaniya* [Modern Analytics of Education], 2019, no. 1, pp. 2–64.
2. Duggan S. Artificial Intelligence in Education: Changing the Pace of Learning. UNESCO IITE Policy Brief (Rus. ed., Parshakov A. V., transl. *Iskusstvennyj intellekt v obrazovanii: Izmenenie tempov obucheniya*. Analiticheskaya zapiska IITO YUNESKO. Moscow, UNESCO Institute for Information Technologies in Education, 2020. 45 p.).
3. Konstantinova L. V., Vorozhihin V. V., Petrov A. M. [Generative Artificial Intelligence in Education: Theory and Forecasts]. In: *Otkrytoe obrazovanie* [Open Education], 2023, vol. 27, no. 2, pp. 36–48. DOI: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48.
4. Koroleva D. O. [Study of everyday life of modern teenagers: connection to social networks as a recording component of communication]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern Foreign Psychology], 2016, vol. 5, no. 2, pp. 55– 61. DOI: 10.17759/jmfp.2016050207.
5. Koroleva D. O. [Always online: use of mobile technologies and social networks by modern teenagers at home and at school]. In: *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues], 2016, no. 1, pp. 205–224. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-205-224.
6. Panov V. I., Borisenko N. A., Mironova K. V. [Teenager's behavior in a digital education environment: defining concepts and posing problems]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya* [Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Acmeology of education], 2021, no. 3 (39), pp. 188–196. DOI: 10.18500/2304-9790-2021-10-3-188-196.
7. Svetlichnyj E. G., Hamgokov M. M., Shabaev V. V. [Improving the educational process at school using digital platforms based on artificial intelligence]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2022, no. 74-2, pp. 207–209.
8. Soldatova G. U., Chigarkova S. V., Ilyuhina S. N. [Technologically extended personality: development and testing of the measure of the principle of digital everyday life]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2024, no. 47 (2), pp. 175–200. DOI: 10.11621/LPJ-24-20.
9. Filkina O. M., Kocherova O. Yu., Boboshko A. V. [Gender features of adolescent internet activity and the relationship with health and wealth]. In: *Vestnik Ivanovskoj medicinskoj akademii* [Bulletin of the Ivanovo Medical Academy], 2023, no. 28 (4), pp. 16–22.
10. Chen C., Zhang K. Z., Gong X. Examining the effects of motives and gender differences on smartphone addiction. In: *Computers in Human Behavior*, 2017, no. 75, pp. 891–902. DOI: 10.1016/j.chb.2017.07.002.
11. Coll C. G., Szalacha L. A. The multiple contexts of middle childhood. In: *The future of children*, 2004, no. 14 (2), pp. 80–97. DOI: 10.2307/1602795.
12. Guan J., Zhang J., Zhang X. The Influence of Generative Artificial Intelligence on High School Students' Academic Planning – ChatGPT. In: *Lecture Notes in Education Psychology and Public Media*, 2023, no. 24, pp. 205–210. DOI: 10.54254/2753-7048/24/20230705.
13. Hu X, Fang Y, Liang Y. Roles and Effect of Digital Technology on Young Children's STEM Education: A Scoping Review of Empirical Studies. In: *Education Sciences*, 2024, no. 14 (4). Available at: <https://www.mdpi.com/2227-7102/14/4/357> (accessed: 10.10.2024). DOI: 10.3390/educsci14040357
14. Humble N., Mozeliuss P. Artificial intelligence in education – a promise, a threat or a hype? In: P. Griffiths and M. N. Kabir, ed. *Proceedings of the European Conference on the impact of*

- artificial intelligence and robotics / 31 October – 1 November 2019. Oxford, EM-Normandie Business School, 2019. P. 149–156.
15. Ibabe I., Albertos A., Lopez-Del Burgo C. Leisure time activities in adolescents predict problematic technology use. In: *European Child and Adolescent Psychiatry*, 2023, no. 33, pp. 279–289. DOI: 10.1007/s00787-023-02152-5.
 16. Lim W. M., Gunasekara A., Pallant J. L. Generative AI and the future of education: Ragnarok or reformation? A paradoxical perspective from management educators. In: *The International Journal of Management Education*, 2023, no. 21 (2). Available at: <https://www.sciencedirect.com> (accessed: 10.10.2024). DOI: 10.1016/j.ijme.2023.100790.
 17. Nah F., Zheng R., Cai J. Generative AI and ChatGPT: Applications, challenges, and AI-human collaboration. In: *Journal of Information Technology Case and Application Research*, 2023, no. 25, pp. 277–304. DOI: 10.1080/15228053.2023.2233814.
 18. Özer M. Potential Benefits and Risks of Artificial Intelligence in Education. In: *Bartın University Journal of Faculty of Education*, vol. 13, no. 2, pp. 232–244.
 19. Rodríguez-Ruiz J. Marín-López I., Espejo-Siles R. Is artificial intelligence use related to self-control, self-esteem and self-efficacy among university students? In: *Education and Information Technologies*, 2024, pp. 2–18. DOI: 10.1007/s10639-024-12906-6.
 20. Russell A. L. Six Stages for Learning To Use Technology. Research Report No. ED 397832). In: *Proceedings of selected research and development and presentations at the 1996 national convention of the association for educational communications and technologies*. Australia, Queensland University of Technology Publ., 1996, pp. 633–643.
 21. Skavronskaya L., Hadinejad A., Cotterell D. Reversing the threat of artificial intelligence to opportunity: a discussion of ChatGPT in tourism education. In: *Journal of Teaching in Travel & Tourism*, 2023, no. 23 (2), pp. 253–258. DOI: 10.1080/15313220.2023.2196658.
 22. Skilton M., Hovsepian F. *The 4th Industrial Revolution: Responding to the Impact of Artificial Intelligence on Business*. Cham, Springer Publ., 2017. 322 p.
 23. Xia X., Qin S., Zhang S. Leisure experience and mobile phone addiction: Evidence from Chinese adolescents. In: *Heliyon*, 2024, no. 10 (3). Available at: 10.1016/j.heliyon.2024.e24834 (accessed: 10.10.2024).
 24. Xiao W., Wu J., Yip J. The relationship between physical activity and Mobile phone addiction among adolescents and young adults: systematic review and Meta-analysis of observational studies. In: *JMIR public health and surveillance*, 2022, no. 8 (12). Available at: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 12.10.2024). DOI: 10.2196/41606.
 25. Zhai X., Chu X., Chai C. S. A Review of Artificial Intelligence (AI) in Education from 2010 to 2020. In: *Complexity*, 2021, no. 1, pp. 2–18. DOI: 10.1155/2021/8812542.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Проект Юлия Львовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности и информационных технологий в образовании Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
e-mail: proektjl@herzen.spb.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1914-9118>

Спасская Елена Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры дошкольной педагогики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
e-mail: ebspasskaja@herzen.spb.ru; <https://orcid.org/0009-0005-7425-8236>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia L. Proekt – Cand. Sci. (Psychological Sciences), Assoc. Prof., Department of Psychology of Professional Activity and IT in Education of Herzen State Pedagogical University of Russia; e-mail: proektjl@ Herzen.spb.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1914-9118>

Elena B. Spasskaya – Cand. Sci. (Pedagogical Sciences), Assoc. Prof., Department of Preschool Pedagogy of Herzen State Pedagogical University of Russia; e-mail: ebspasskaja@ Herzen.spb.ru; <https://orcid.org/0009-0005-7425-8236>

Научная статья

УДК 159.928

DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-129-147

РАССМОТРЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ОДАРЁННОСТИ» В СПЕЦИФИКЕ РАБОТЫ С ОДАРЁННЫМИ ПОДРОСТКАМИ¹

Чернова М. В.^{1,*}, Рябцев М. С.¹, Печеркина А. А.²

¹Специализированный учебно-научный центр Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 620137, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, д. 30, Российская Федерация

²Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 620075, Свердловская область, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, Российская Федерация

*корреспондирующий автор, e-mail: chernova-m@mail.ru

Поступила в редакцию 22.10.2024

После доработки 03.02.2025

Принята к публикации 05.02.2025

Аннотация

Цель данной работы состоит в рассмотрении понятия «одарённость», его структуры и критериев выявления, а также определении специфики работы с одарёнными подростками.

Процедура и методы. Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы: анализ специальной литературы; изучение системы работы с одарёнными подростками, которое включает в себя ознакомление с психологическими особенностями и методическими приёмами работы с подобными детьми. В работе были использованы теоретические методы исследования, включающие в себя изучение и анализ методической и психолого-педагогической литературы по данной теме.

Результаты. На основании изучения научной литературы установлено, что однозначного, чёткого и точного определения понятия «одарённости» не существует. Вместе с тем в настоящее время одарённость определяется как процесс развития различных задатков, способностей и качеств личности. Результаты исследования послужили теоретические обоснования понятия «одарённость», а также выявление качественных стратегий и подходов в психолого-педагогическом сопровождении одарённых подростков.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленные в статье обобщённые данные расширяют научные представления в области психологии одарённости. Теоретическая значимость работы заключается в обогащении теории психолого-педагогического сопровождения новыми концептами сопровождения одарённых подростков. Практическая значимость работы состоит в том, что описанная специфика работы с одарёнными подростками может быть использована в работе при выявлении одарённых детей, их развитии и сопровождении.

Ключевые слова: концепции одарённости, одарённость, одарённый ребёнок, особенности подростковой одарённости

Для цитирования: Чернова М. В., Рябцев М. С., Печеркина А. А. Рассмотрение понятия «одарённости» в специфике работы с одарёнными подростками // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 1. С. 129-147. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-129-147

Original research article

CONSIDERATION OF THE CONCEPT OF "GIFTEDNESS" IN THE SPECIFICS OF WORKING WITH GIFTED ADOLESCENTS

M. Chernova^{1,*}, M. Ryabtsev¹, A. Pecherkina²

¹*Specialized Educational and Scientific Center of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; ul Danily Zvereva, 30, Yekaterinburg, 620137, Sverdlovsk region, Russian Federation*

²*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin pr-t Lenina, 51, Yekaterinburg, 620075, Sverdlovsk region, Russian Federation*

**Corresponding author, e-mail: chernova-m@mail.ru*

Received by the editorial office 22.10.2024

Revised by the author 03.02.2025

Accepted for publication 05.02.2025

Abstract

Aim. The purpose of this work is to consider the concept of “giftedness”, its structure and identification criteria as well as to determine the specifics of working with gifted adolescents.

Methodology. To achieve this goal, the corpus of scientific texts was analyzed and a comparative analysis of studies related to the issues of giftedness in both domestic and foreign psychology was carried out. The research procedure and methods in this article include the following: analysis of specialized literature; study of the system of working with gifted adolescents, which includes familiarization with the psychological characteristics and methodological techniques of working with such children. Theoretical research methods were used in the work, including the study and analysis of methodological and psychological-pedagogical literature on this topic.

Results. Based on the study of scientific literature, it has been established that there is no unambiguous, clear and precise definition of the concept of “giftedness”. At the same time, giftedness is currently defined as the process of developing various inclinations, abilities and qualities of a personality. The results of the study also served to identify qualitative strategies and approaches in the psychological and pedagogical support of gifted adolescents.

Research implications. The generalized data presented in the article expand scientific ideas in the field of psychology of giftedness. The theoretical significance of the work lies in enriching the theory of psychological and pedagogical support with new concepts of support for gifted adolescents. The practical significance of the work lies in the fact that the described specifics of working with gifted adolescents can be used in identifying gifted children and their development.

Keywords: concepts of giftedness, features of adolescent giftedness, giftedness, gifted child

For citation: Chernova M. V., Ryabtsev M. S., Pecherkina A. A. Consideration of the concept of “giftedness” in the specifics of working with gifted teenagers // Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2025, no. 1, pp. 129-147. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-129-147

Введение

В наши дни в большинстве стран, как, например, России, Китае, Германии, Франции и мн. др., пристальное внимание уделяется проблеме определения и развития способностей ребёнка или его одарённости. При этом важно учитывать, что одарённые дети подросткового возраста – это группа повышенного риска, так как данный возрастной период сам по себе является непростым, а дополнительно к этим особенностям появляется необходимость сохранять и развивать данные способности.

Важно отметить, что, несмотря на пристальный исследовательский интерес к рассматриваемой категории детей, по сей день остаётся спорным вопрос об определении содержания данного феномена и его критериев. Это считается основополагающим фактором, поскольку без данной информации сложно разработать эффективную систему психолого-педагогического сопровождения развития одарённости у подростков.

Возможно, именно поэтому наблюдается ситуация, когда для одарённых детей в значительной мере созданы условия для установления одарённости, а также её формирования и становления путём организации различных специализированных центров, школ, лицеев и гимназий, но при завершении обучения в подобных образовательных учреждениях таких детей насчитываются единицы.

Изложенная проблема считается актуальной и потому, что вся ответственность за процесс организации, сопровождения и содействия разностороннего развития одарённых под-

ростков возлагается именно на педагогов. Соответственно, педагоги должны уметь выявлять, поддерживать и развивать одарённого ребёнка.

Целью данной работы является теоретическое обоснование понятия феномена «одарённость» его структуры и критериев выявления, а также определение специфики работы с одарёнными подростками.

Для достижения поставленной цели проанализирован корпус научных текстов и проведён сравнительный анализ исследований, связанных с вопросами одарённости как в отечественной, так и в зарубежной психологии.

Анализ подходов к определению понятия «одарённость»

В условиях всё большей востребованности работы с одарёнными детьми, очень важным представляется определиться с основными понятиями.

Следует отметить, что сам термин «одарённость» на данный момент не имеет чёткого и однозначного определения, несмотря на длительную историю его изучения. Рассмотрению содержания понятия «одарённость» свои работы посвятили такие учёные, как Д. Б. Богоявленская, В. Н. Дружинин, Н. С. Лейтес, А. М. Матюшкин, В. Д. Шадриков, П. Торренс и др.

В исследованиях Д. Б. Богоявленской, Ю. Д. Бабаевой, А. В. Брушлинского В. Д. Шадрикова нами обнаружена следующая трактовка термина «одарённость»: «системное, развивающееся в течение жизни качество психики, которое определяет возможность достижения человеком более высоких по сравнению с другими людьми, незаурядных результатов в одном или нескольких видах деятельности».

Б. М. Тепловым данное понятие раскрывается как «качественно-своеобразное сочетание способностей, от которого зависит возможность достижения большего или меньшего успеха в выполнении определённой деятельности» [3].

Е. А. Козлова, Т. С. Павлова, В. С. Юркевич, А. В. Холмогорова, исследуя понятие «одарённость», основываются на определении, в котором ведущее место развития способностей отдаётся задаткам. Авторы акцентируют своё внимание на том, что именно задатки дают возможность индивиду развить способности и освоить различные виды деятельности [7].

С. С. Ермаков, С. О. Петрова, Ю. И. Щербанова при рассмотрении данного понятия соглашались с определением понятия «одарённости», которое было разработано Р. С. Немовым. Автор определяет его следующим образом: «Одарённость – наличие у человека хорошо выраженных задатков к развитию способностей, позволяющих ему успешно осваивать и справляться с видами деятельности, связанными с соответствующими способностями» [5].

В своём исследовании «Рабочая концепция одарённости» Д. Б. Богоявленская говорит об «одарённом ребёнке» как о ребёнке с ярко-выраженными способностями в определённом виде деятельности [10].

Важнейшие методологические принципы исследования «Философские основания психологической концепции одарённости», разработанные В. Ю. Ивлевым, В. А. Иноземцевым и М. Л. Ивлевой, определяют основные подходы и методы, которые направлены на понимание и выявление особенностей одарённых индивидов [6].

Согласно авторам данной концепции, прежде всего, необходимо учитывать комплексный и многомерный характер одарённости. Она не может быть сведена к одному или нескольким отдельным показателям, будь то интеллектуальные способности, креативность или школьная успеваемость. Одарённость представляет собой интеграцию множества различных характеристик личности, таких как мотивация, эмоциональная устойчивость, и способность к саморазвитию. Именно комплексный подход позволяет выявить все аспекты потенциала данного индивида.

Современные отечественные психологи, как, например, И. В. Трикозенко, в своей научной работе «Перспективные подходы к развитию интеллектуального и творческого потенциала одарённых детей» определяет одарённых и талантливых детей как тех, кто в силу выдающихся способностей демонстрирует высокие достижения [12].

По мнению О. В. Проничевой, перспективы развития таких детей определяются уровнем их достижений и потенциальными возможностями в одной или нескольких сферах: интеллектуальной, академических достижений, творческого или продуктивного мышления, общения и лидерства, художественной и психомоторной деятельности [9].

Для того чтобы более полно рассмотреть понятие «одарённость», следует проанализировать его основные компоненты.

Современные психологи указывают на важность нескольких ключевых факторов, определяющих наличие или утрату одарённости. Способности (интеллектуальные, специальные, творче-

ские и т. д.) лежат в основе большинства исследований в этой области. Эти способности могут проявляться в различных формах, начиная от высокого уровня интеллекта и заканчивая уникальными художественными или музыкальными талантами.

Однако, наличие таких способностей вовсе не гарантирует, что индивид достигнет успеха или полностью реализует свой потенциал. Важную роль в этом процессе играют личностные качества (мотивационные, волевые, эмоциональные). Например, мотивационные аспекты значительно влияют на то, насколько человек будет стремиться развивать свои таланты. Без достаточной мотивации даже самые выдающиеся способности могут остаться неразвитыми.

Также волевые качества, такие как настойчивость, дисциплина и целеустремлённость, являются необходимыми для продуктивной работы над собой и совершенствования в выбранной области.

Эмоциональная стабильность и саморегуляция играют не менее важную роль. Индивид, обладающий высоким уровнем эмоциональной интеллигенции, способен лучше справляться со стрессом, неудачами и критикой, что существенно повышает шансы на успешное раскрытие и развитие своих способностей.

Кроме того, социальные условия (особенности семейного воспитания, социальной и образовательной среды) оказывают значительное влияние на формирование одарённости. Семейное воспитание играет важнейшую роль. Семья поддерживает ребёнка, вдохновляет его и предоставляет необходимые ресурсы для развития. И

наоборот, отсутствие поддержки или, что хуже, негативная обстановка в семье может существенно затормозить или даже полностью погубить развитие потенциальных талантов.

Образовательная среда и её качество также являются принципиальными факторами. Учебное заведение, обладающее высококвалифицированным педагогическим составом и современными методиками преподавания, способно дать стимул для раскрытия потенциальных возможностей обучающихся.

Важно также, чтобы общество в целом поддерживало культуру поощрения талантов и создавало благоприятные условия для их развития. Комбинация вышеуказанных факторов формирует сложную систему, где каждый элемент взаимосвязан и зависит от других.

Следует отметить, что среди положительных индивидуальных качеств, есть и такие, которые могут стать причиной торможения или даже угасания процесса развития способностей, а значит одарённости.

Исследователями особенно подчёркиваются следующие:

- неадекватно заниженная самооценка;
- отсутствие авторитетов и неумение прислушиваться к иному мнению;
- застенчивость, тревожность.

Нужно подчеркнуть, что на становление одарённости особое влияние оказывают и социальные условия, в качестве которых выделяются:

1. Социально-экономические условия, которые определяют уровень жизни человека.
2. Семья. Особую важность учёные придают структуре и эмоциональному

Рис. 1 / Fig. 1. Основные компоненты существования и развития/угасания одарённости / The main components of the existence and development/decline of giftedness [25]

климату в семье, оказывающим огромное влияние на развитие одарённости детей.

Таким образом, выделяя данные компоненты, можно говорить о трёхколевой модели одарённости Дж. Рензулли, реализуемой только в сочетании целого синтеза критериев и средств (рис. 1).

Основные компоненты в представленной структуре совместимы между собой, но при этом они образуют всевозможное разнообразие, именно поэтому представляется невозможным предвидеть завершающий анализ исследования.

В процессе анализа понятия «одарённости» учёные пришли к выводу, что основным её показателем является интеллект, который рассматривается в качестве потенциала и служит основой для развития интеллектуальных способностей. Например, Л. Галлахер отмечает, что на протяжении большого количества времени именно интел-

лект, который выявлялся при помощи стандартных тестов, служил определением понятия «одарённости» [19].

Некоторыми исследователями такой компонент одарённости как «способности» выделяется в отдельное понятие. Говоря о феномене одарённости, А. А. Адашкина, В. И. Андреев, Л. В. Бороздина, затрагивают схожие понятия, такие как «задатки» и «способности». Данным терминам также предлагаются разнообразные определения. Так, например, о способностях можно говорить как о специфике психики, которая позволяет различать одного человека от другого и которая зависит от успешности жизнедеятельности человека [1]

Представляется важным подчеркнуть, что одарённость – это и есть обладание способностями, которые, в свою очередь, иногда сопоставляют с «данными от природы». Подобную точку зрения можно обнаружить в трудах С. Л. Рубинштейна и Б. М. Теплова. Но учёные доказали, что «данными от природы» могут быть лишь только задатки, а способности – это результат развития задатков [11].

По мнению Н. С. Лейтес, формулируя понятие «возрастная одарённость», следует учитывать такие индивидуальные различия, как специфика возраста и специфика развития [10].

Важную роль в развитии одарённости играют возрастные изменения, окружающая среда, воспитание, образование, освоение социокультурных норм и другие факторы, поэтому под влиянием смены данных компонентов (возрастные изменения, смена условий образования, семейного воспитания) следует говорить об угасании одарённости.

При этом очень сложно отличить одарённость от уровня социализации ребёнка, которая является результатом благоприятных условий жизни ребёнка.

Исходя из вышесказанного авторами «Рабочей концепции одарённости» предлагается вместо термина «одарённый ребёнок» использовать термин «ребёнок с признаками одарённости» [10].

Современные зарубежные исследователи продолжают активно изучать феномен одарённости, который издавна привлекает внимание учёных. Одарённость понималась как уникальное сочетание врождённых способностей и выраженной мотивации, но в последние десятилетия это понятие претерпело значительные изменения.

Исследователи стали рассматривать одарённость в более широкой перспективе, включая в обсуждение социокультурные и эмоциональные аспекты. Исследования показывают, что одарённые люди часто обладают не только высоким интеллектом, но и трудолюбием, целеустремлённостью и креативностью. Важной становится и роль окружения: семья, школа и общество могут, как развить, так и подавить потенциал одарённости.

Некоторые исследователи, такие как австралийка Джоан Фримен, подчёркивают, что поддержка и развитие эмоционального интеллекта важны для успешной реализации таланта. Взаимодействие с другими людьми и приобретение социальных навыков становятся необходимыми компонентами для полноценного развития одарённых детей [18].

Научные исследования также акцентируют внимание на культурных

различиях в восприятии и поддержке одарённости. В одних странах акцент делается на индивидуальных достижениях, в то время как в других больше ценится коллективный успех. Это требует от исследователей тонкого подхода к изучению и разработке программ поддержки, учитывающих как личные, так и культурные аспекты.

К. Кеннеди, Дж. Фарли, С. И. Пфайффер, С. Джей Мейкер, А. Н. Ринн, Р. У. Мин, К. Р. Уайли предлагают сделать более обширным понятие «одарённости». В данном случае следует говорить не только о гениальных умениях приобретениях и победах, но также и о предпосылках и ресурсах их формирования в сотрудничестве с окружающей средой [23].

Авторами Дж. С. Бишоп и А. Н. Ринн подчёркивается необходимость применения многомерных тестов, которые измеряют и анализируют когнитивные способности [15].

При диагностике одарённости у детей важно учитывать не только количественные показатели, но и качественные индивидуальные характеристики. Так, трёхкольцевая модель Дж. Рензулли включает в себя целый комплекс критериев особенностей и средств идентификации:

1. *Способности.* Врождённые или развитые способности, которые определяются в определённых сферах, например: в математике, музыке, искусстве.

2. *Творческий потенциал.* Способность к нестандартному мышлению и решениям, генерации новых идей и подходов.

3. *Условия.* Внешние факторы, которые способствуют развитию одарённости, например: благоприятная

окружающая среда в семье, доступные образовательные ресурсы.

4. *Самовыдвижение*. Внутренняя мотивация ребёнка, стремление к самореализации и достижению высоких результатов.

5. *Мнение сверстников*. Отзывы и оценки окружающих о ребёнке, его лидерских качествах, уникальности, творческом потенциале.

Такие комплексные подходы позволяют получить более полную картину одарённости ребёнка, а также учитывать не только его интеллектуальные способности, но и его смотивированность, творческий потенциал и социальную среду [8].

Авторы психологической концепции одарённости В. Ю. Ивлев, В. А. Иноземцев и М. Л. Ивлева также подчёркивают, что исследование должно охватывать различные возрастные этапы, начиная с детства и заканчивая зрелостью, чтобы понять, как меняются проявления одарённости и какие факторы влияют на её реализацию на каждом этапе.

Методы исследования должны быть разнообразными и включать как количественные, так и качественные подходы. Стандартизированные тесты, анкетирование, интервью, наблюдение, анализ продуктовой деятельности – всё это инструменты, которые позволяют исследователю собрать широкий спектр данных. Только таким образом можно провести глубокий анализ, выявить закономерности и предложить наиболее эффективные пути поддержки одарённых индивидов [4].

В современных определениях одарённости ключевое внимание уделяется динамике реализации и становления её различных видов. Подчёркивается,

что одарённость – это не статичное понятие, а процесс, который развивается и меняется с течением времени [17].

Важно учитывать, что разные виды одарённости могут проявлять себя в разный период времени и достигать наивысших результатов в разном возрастном периоде. Некоторые виды одарённости можно уже определить в раннем возрасте, а некоторые в подростковом периоде или даже во взрослом.

Таким образом, в настоящее время одарённость определяется как процесс развития различных задатков, способностей, качеств личности. В процессе развития одарённости огромную роль играют не только способности личности, но и внешние факторы, как, например, социальное окружение, семья. Следует также помнить о скрытых способностях, которые могут быть развиты при соответствующей благоприятной среде, а также принимать во внимание особенности возрастного развития и индивидуальный темп развития.

Типология видов одарённости

С возникновением новых концепций интеллектуальной и творческой одарённости учёные начали говорить о различных подходах к её классификации.

Первый аспект деления одарённости учитывает её наличие по отношению к видам деятельности. Это разделение предполагает, что одарённость может проявляться во множестве различных сфер: наука, искусство, спорт и т. д. Таким образом, каждый человек может быть уникально одарён в своей избранной области, и важно не подменять одну форму одарённости другой.

Другой критерий основывается на степени сформированности одарённости. Здесь одарённость может быть разделена на: потенциальную и актуализированную. Потенциальная одарённость означает, что человек обладает скрытыми талантами, которые ещё не нашли своего полного применения. Актуализированная же одарённость – это когда таланты уже проявили себя в конкретных достижениях.

Далее следует классификация по охвату видов деятельности. В рамках этого подхода обсуждаются универсальная и специализированная одарённости. Универсальная одарённость характеризуется способностью легко адаптироваться к различным видам деятельности, в то время как специализированная одарённость проявляется в исключительных способностях в одной конкретной области.

По формам проявления одарённости тоже существуют различные подходы. Феномен одарённости может проявляться как в явных, легко различимых талантах, так и в более скрытых, менее очевидных формах, которые требуют более глубокого анализа для их выявления.

По уровню одарённости этот феномен может быть разделён на высокий, средний и низкий уровни. Это разделение важно для дифференцированного подхода к обучению и воспитанию одарённых детей, так как разные уровни требуют различных педагогических методик и подходов.

Не менее значимым является подход по особенностям возрастного развития. Учёные подчёркивают, что процессы формирования и проявления одарённости могут значительно варьироваться в зависимости от возраста.

Например, некоторые виды одарённости могут проявляться уже в раннем детстве, тогда как другие становятся заметными лишь на более поздних стадиях развития личности.

Принимая во внимание два аспекта классификации: качественный и количественный, можно рассмотреть следующие виды одарённости:

- в практической деятельности рассматривается одарённость в различных ремёслах, а также спортивная и организационная.

- в познавательной деятельности реализуется интеллектуальная одарённость.

- в художественно-эстетической деятельности выделяют хореографическую, сценическую, литературно-поэтическую, изобразительную и музыкальную одарённость.

- в коммуникативной деятельности следует отметить лидерскую и аттрактивную одарённость.

- в духовно-ценностной деятельности рассматривается одарённость в разработке новых духовных ценностей и смыслов, а также служение людям.

Каждый из представленных видов деятельности требует участия различных сфер психики в разной степени. Например, для успеха в научной деятельности нужны высокие интеллектуальные способности, но таким же образом важна мотивация к познанию и волевые усилия для преодоления трудностей, с которыми придётся столкнуться.

В творческой деятельности ведущую роль играет эмоциональная сфера, но следует отметить и необходимость интеллектуальных способностей для формирования идеи, а также волевые качества и усилия, чтобы завершить и довести дело до конца.

Именно данный системный подход, который позволяет учитывать взаимодействие разных сфер психики в конкретных видах деятельности, даёт возможность понять сущность одарённости и её проявление в различных сферах жизнедеятельности человека.

В различных исследованиях, анализируя виды одарённости, отмечается, что классификация нужна для обеспечения полноты картины взрослому, который стремится раскрыть таланты своих воспитанников и развить способности обучающихся. Авторами выделяются следующие виды одарённости:

Общая одарённость. К ней относят большой объём способностей, направленных на различную деятельность.

Художественная одарённость. Данный вид одарённости классифицируют на подтипы: сценическая, музыкальная, изобразительная и литературная одарённость.

Прагматическая одарённость. Люди, которым свойственен данный вид одарённости, способны в достаточно простой форме выделить у себя и у окружающих людей сильные и слабые стороны, чтобы спроецировать дальнейшие действия по наиболее благоприятному сценарию.

Академическая одарённость. Данный вид одарённости связан с высокой степенью эффективности восприятия и переработки информации, а также развитию интеллекта, который приводит к успеху в науке.

Специальная одарённость рассматривается в качестве таланта быстро и чётко использовать полученные ранее знания, умения и навыки для решения поставленных задач, а также планирования и выстраивания стратегии.

Творческая одарённость проявляется в креативном мышлении, что позволяет воспринимать мир особым образом без каких-либо шаблонов, используя при этом нестандартные решения, приёмы и подходы.

Интеллектуальная одарённость и высокие способности к обучению имеют сходства с академической одарённостью. У таких людей проявляются способности анализировать, классифицировать, запоминать, поэтому дети с интеллектуальной одарённостью часто становятся отличниками в школе.

Спортивная одарённость связана с высоко и качественно отличными от большинства детей психомоторными особенностями. Подчёркивается в этом виде одарённости точность, быстрота реакций, гибкость, ловкость, сила, выносливость и многие другие составляющие физического развития.

Социальная одарённость. Этот вид одарённости говорит об успешном взаимодействии индивида с другими людьми, умении сопереживать, демонстрировать идеи, организовывать и координировать.

Скрытая одарённость. Данный вид одарённости сложнее всего выявить, поскольку часто он рассматривается как некоторый вид деятельности, который похож на приверженность к какому-либо делу.

Одна из самых популярных теорий сегодня – это теория множественности видов интеллекта Х. Гарднера, который показал «совпадение видов интеллекта и видов одарённости» [1].

Х. Гарднер выделил следующие основополагающие виды одарённости:

1. *Художественная одарённость* – способность конструировать, разраба-

тивать, придумывать, проявлять креативность, продуцировать новые идеи, превосходно применять то, что уже создано.

2. *Общая интеллектуальная и академическая одарённость* – способность свободно и незамедлительно воспринимать, использовать новые понятия и информацию.

3. *Творческая одарённость*. Учёные стали выделять отдельным видом творческую одарённость, поскольку начали отмечать у детей с данным видом одарённости различные характеристики, которые отличают их от «обычных» детей. Так, например, подобные одарённые дети независимы в своих суждениях, не признают условности, обладают тонким чувством юмора и ярко выраженным темпераментом [4].

Важно отметить, что при анализе понятия «одарённость» особое внимание следует уделять таким аспектам, как качественный и количественный. Качественный аспект отвечает за психические возможности человека и специфику их проявления. Тогда как количественный отвечает за уровень проявления способностей человека.

Критерии выявления одарённости подростков

Выявление одарённости подростков представляет собой сложную и многогранную задачу, требующую внимательного подхода и глубокого понимания. Важно учитывать разнообразие проявлений таланта, которое легко может ускользнуть из поля зрения, если смотреть только на школьные оценки и стандартные тесты. Критерии одарённости включают в себя не только высокий уровень интеллектуальных

способностей, но и креативность, оригинальное мышление, мотивацию в обучении, а также социально-эмоциональные навыки.

Во-первых, критически важно выявить способность подростка к нестандартному мышлению, которая проявляется через способность генерировать необычные идеи и находить уникальные решения сложных задач. Эти аспекты креативности часто упускаются в традиционных образовательных системах, акцентирующих внимание на воспроизведении информации, а не на её генерации.

Кроме того, высокая мотивация в определённых областях нередко служит важным показателем одарённости. Подростки, которые проявляют устойчивый интерес и усердие в достижении цели, регулярно демонстрируют высокий потенциал для достижения выдающихся результатов в своей области интересов. Это может проявляться в самостоятельной учёбе, углублённом изучении определённых дисциплин или в решительном стремлении участвовать в конкурсах и олимпиадах.

Не менее важно учитывать эмоциональный интеллект подростка. Способность к саморефлексии, эмпатия, а также навыки общения и сотрудничества сильно влияют на способности подростка и его развитие. Понимание собственных чувств и умение их контролировать могут свидетельствовать о высоком уровне осознанности и зрелости, характерных для одарённых личностей.

В возрасте, когда многие подростки только начинают осознавать свои способности, одарённые подростки уже проявляют значительный творческий потенциал. Они часто оказываются на

перекрёстке между юностью и взрослостью, сталкиваясь с уникальными трудностями и возможностями.

Н. Б. Шумакова в своих исследованиях подчёркивает, что важным аспектом успешного развития таких детей является правильное измерение их возможностей и амбиций. Это не просто академическое тестирование, но и глубокое понимание их эмоциональных и интеллектуальных потребностей [14].

В современном обществе для поддержки и развития одарённости подростков создаются специальные программы, которые учитывают их уникальные способности и стремления. Необходимо отметить, что не все способности могут быть измерены традиционными методами. Именно поэтому к процессу обучения и развития одарённых подростков требуется индивидуальный подход, который включает как академическую, так и эмоциональную поддержку. Множество возможностей открываются для этих уникальных людей, от научных исследований до искусства, и каждая сфера требует специализированных подходов.

При этом, как отмечает Н. Б. Шумакова, важно не только учитывать «измерение» интеллектуальных способностей, но и развивать социальные навыки, которые помогут одарённым подросткам интегрироваться в общество. Ведь успешная адаптация одарённого подростка в социальной среде играет ключевую роль в реализации его или её творческого потенциала [10].

Поддержка одарённости – это не просто раннее выявление способностей, но и кропотливая работа по развитию личности на всех уровнях.

Лишь в гармонии этих элементов заключается настоящий успех, позволяющий раскрыть всё многообразие таланта и подготовить подростков к вызовам, которые ставит перед ними их необычный дар.

Таким образом, выявление одарённости требует комплексного подхода, основанного на сочетании интеллектуальных, творческих и социально-эмоциональных критериях. Точное и своевременное определение одарённости позволяет убедиться в том, что подростки получают необходимую поддержку и возможности для реализации своего потенциала, что крайне важно для их личностного и профессионального роста.

Специфика работы с одарёнными подростками

Следует учитывать трудности, которые возникают в ходе работы с одарёнными подростками. Такие авторы как Д. Ю. Дэй, Н. С. Лейтес, А. И. Савенков, Н. Б. Шумакова, Д. Б. Эльконин, Т. Л. Кросс и др. акцентируют внимание на следующих трудностях: трудности в коммуникации со сверстниками, несоответствие физического, интеллектуального и социального развития, противоречивость и нестабильность самооценки [10]

Нужно обратить внимание, что трудности в коммуникации со сверстниками играют значительную роль в жизни одарённых подростков. Не каждый сверстник понимает, через что проходит одарённый ребёнок. Интересы и способности таких подростков часто отличаются от интересов их ровесников, что порождает барьер в общении. Часто одарённые дети воспринимаются как «чужие», что только усиливает

их чувство изоляции. Результатом этого становится нехватка друзей и социальной поддержки, что критически важно для благополучия в этом возрасте.

С другой стороны, несоответствие физического, интеллектуального и социального развития также создаёт дополнительные препятствия. Одарённые подростки могут быть чрезвычайно развиты в какой-то одной области – например, в математике или литературе, но при этом физически оставаться на уровне своих ровесников, либо быть менее развитыми. Такое отличие может приводить к ощущениям замкнутости и фрустрации, ведь подросток может чувствовать себя «вне» нормальных рамок, что лишь усугубляет проблемы общения.

Трудности, с которыми приходится сталкиваться одарённым детям, можно объединить в следующие группы:

1. *Личностные особенности одарённых подростков.* Личностное самосознание – попытка понять самого себя, человека, который не принадлежит родителям, учителям и другим людям. Понимание и осознание «Кто я на самом деле?» и, как следствие, – разное поведение одарённых подростков и межличностные конфликты [21].

Необходимо отметить, что исследователи выделяют возрастные особенности одарённых детей и подростков. В качестве примера можно привести интеллектуально и творчески одарённых старших подростков, у которых отмечается эмоционально устойчивое и спокойное психическое состояние. Самооценка данных подростков достаточно адекватная. В сравнении с одарёнными школьниками младшего подросткового периода отмечается их

более эмоциональная нестабильность, легко возбудимость и неуверенность в себе [19].

Психологами отмечается особый повышенный уровень тревоги одарённых подростков в сравнении с «обычными» детьми. Поэтому особое внимание следует уделять повышенной тревожности ребёнка, чтобы не упустить время и иметь возможность помочь ему. В противном случае в такой ситуации возникает «угасание одарённости» [20].

2. *Социальные особенности.* Социальное окружение в данный период взросления играет немаловажную роль, поскольку часто наблюдается столкновение интересов одарённых подростков и общества в целом. Именно поэтому часто наблюдается неадекватное поведение одарённых детей и даже агрессия. [23].

Следует особо подчеркнуть, что при общении с интеллектуально одарёнными подростками важно учитывать особенности их психического и эмоционального состояния, а также принимать во внимание их заниженную самооценку. В случае с творчески одарёнными подростками всё происходит наоборот. Поскольку они готовы к коммуникации и очень дружелюбны.

3. *Физиологические особенности.* Как отмечают учёные, в частности Н. С. Лейтес, пубертатный период подростковой стадии является особенным, т. к. именно в данный период тинэйджеры обладают чрезвычайной чувствительностью и обострённым восприятием окружающих людей и происходящих событий.

Также учитывается активное прохождение физиологических процессов в данном периоде, а особое внимание сле-

дует уделять времени прохождения этих процессов у мальчиков и девочек [18].

4. *Восприятие учителями.* Следует выделить ещё одну проблему, с которой приходится сталкиваться в процессе обучения и воспитания одарённых детей и подростков – восприятие учителями одарённых детей, поскольку только одна группа, одарённые дети с повышенными учебными способностями, располагает к себе практически всегда. К остальным одарённым детям отношение учителей неоднозначно, как показывают многочисленные исследования [17].

Интеграция разнообразных подходов и индивидуального внимания к каждой из перечисленных трудностей становится ключом к успешной работе с одарёнными обучающимися.

Ю. Арам, С. С. Ермаков, К. Козир, М. Хорват и многие другие полагают, что одарённые подростки должны обучаться по индивидуальной программе (индивидуальной траектории), поскольку, обучаясь по учебному плану обычной школы, таким детям становится скучно [7].

В работе с одарёнными подростками перед педагогами встаёт большая задача и ответственность. Сложности во взаимодействии со сверстниками и учителями затрудняют развитие одарённого подростка, а также влияют на отношения с окружающими. Для детей данного периода характерны перфекционизм – стремление к совершенству, а также эгоцентризм, который у одарённых подростков имеет яркую выраженность и окраску [22].

Современные отечественные учёные Е. Б. Лактионова, А. Г. Грецов, А. В. Орлова в своей статье «Подходы к проблеме изучения психологическо-

го благополучия одарённых учащихся в образовательной среде» исследуют в своей работе влияние характеристик образовательной среды на психологическое благополучие одарённых обучающихся, которые определялись следующими критериями: психологический комфорт, безопасность и содействие развитию потенциала [8].

Е. Н. Волкова, С. В. Васильева свою работу посвящают изучению субъективных факторов психологического благополучия одарённых подростков. Авторами предложен и проходит апробацию методический комплекс для диагностики интегративных показателей психологического благополучия. В своей статье авторы также делают особое внимание на таких субъективных показателях психологического благополучия, как отношение к собственной одарённости в рамках Я-концепции, эмоциональный фон, эмоциональный интеллект и жизнестойкость [3].

Таким образом, авторами подчёркивается важность анализа психологических характеристик образовательной среды, который следует осуществлять по следующим направлениям: исследование взаимосвязей между характеристиками образовательной среды и показателями психологического благополучия одарённых обучающихся, а также исследование личностных ресурсов психологического благополучия одарённых обучающихся в разных типах образовательной среды.

Для полноценного развития одарённого подростка и одарённых детей в целом необходимо правильно организованное и спроектированное образовательное пространство, при этом следует учитывать различные виды проявления одарённости.

Работа педагога с одарёнными подростками требует чуткости, терпения и высокой квалификации. Одарённые подростки отличаются не только высоким интеллектом, но и особой чувствительностью к окружению, что делает их уникальными и в то же время достаточно сложными в обучении.

Педагогу необходимо не просто давать дополнительные знания, но и создавать условия для гармоничного развития личности. Одним из ключевых аспектов является понимание того, что каждый одарённый подросток уникален.

Некоторым из них требуется больше структуры и чёткие цели, а другим – пространство для творчества и экспериментов. Необходимо уметь распознавать эти потребности и адаптировать образовательные программы, включая проектную деятельность, которая позволяет подросткам раскрыть свой потенциал и приобрести навыки самоуправления.

Кроме того, важную роль играет психологическая поддержка, поскольку одарённые подростки часто сталкиваются с проблемами, связанными с социальной адаптацией и пониманием со стороны сверстников. Психологические консультации и создание сообщества единомышленников могут помочь таким подросткам почувствовать себя увереннее и найти своё место в мире.

Важно также отметить роль педагога в развитии критического мышления. Привитие навыков анализа и принятия обоснованных решений способствует не только академическому успеху, но и личностному росту. Способность к саморефлексии и самостоятельному обучению становится ключевым фактором в жизни одарённых подростков.

Современные исследования в области педагогики уделяют значительное внимание вопросам, связанным с развитием одарённых подростков. В частности, работы Н. Б. Шумаковой становятся отправной точкой для многих учёных и практиков, стремящихся глубже понять, что именно стимулирует развитие одарённости и какие методы наиболее эффективны в текущих условиях [13].

Одарённые подростки не только вызывают интерес своими интеллектуальными способностями, но и ставят перед образовательной системой ряд вызовов. Они нуждаются в особом подходе, чтобы их потенциал был максимально раскрыт, а климат в классе создавал атмосферу, способствующую стимулированию креативности и критического мышления. При этом относительное место современного учителя играет ключевую роль. Учитель должен быть не только носителем знаний, но и наставником, поддерживающим интерес подростков к учёбе и способствующим их личностному росту.

Сложности, с которыми сталкиваются эти подростки, могут варьироваться от социальной изоляции до нехватки понимания со стороны сверстников. Умение создать комфортную и поддерживающую среду в классе важно, чтобы одарённые подростки не чувствовали себя отделёнными или особенными только из-за своих способностей.

Уделяя особое внимание данной проблеме, Н. Б. Шумакова подчёркивает необходимость вины за инициативы, направленной на создание эффективного педагогического настроения, способного поддерживать их развитие. Чтобы наилучшим образом поддерживать и развивать потенциал одарённых

ных подростков, нужно комплексное сотрудничество всей образовательной системы, где современный учитель является связующим звеном между ребёнком и кругом знаний, исполняя роль как вдохновителя, так и проводника на пути к вершинам интеллектуального становления.

Таким образом, работа с одарёнными подростками не ограничивается лишь передачей знаний; это сложный и многогранный процесс, требующий от педагога глубокого понимания и гибкости в подходах к каждому ученику, чтобы помочь им полностью раскрыть свой потенциал.

Заключение

Изучение одарённости считается очень важным аспектом, поскольку охватывается широкий круг различных способностей, на которые нужно обратить внимание и развивать их у ребёнка.

Проведённый анализ литературы, показал, что нет чёткого и единого

определения феномена «одарённость», но при этом признаётся существование обще полагающих моментов – развития различных задатков, способностей, качеств личности.

Данные способности могут быть скрыты, поэтому путём создания благоприятной среды и вовлечения в различные виды деятельности (например, проектную), можно их раскрыть и развить, учитывая при этом различные темпы развития каждого ребёнка.

Огромная ответственность ложится на педагогов в работе с одарёнными подростками, поскольку следует учитывать специфические особенности таких детей. При сопровождении одарённых подростков могут возникнуть личностные, физиологические, социально-коммуникативные трудности, а также трудности во взаимоотношениях с педагогами.

Данные аспекты необходимо учитывать при реализации программ психологического сопровождения одарённых подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адашкина А. А. Изучение феномена математической тревожности в зарубежной психологии // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 28–35.
2. Богоявленская Д. Б. Исследование творчества и одарённости в традициях процессуально-деятельностной парадигмы // Основные современные концепции творчества и одарённости. М.: Психология, 1997. 502 с.
3. Волкова Е. Н., Васильева С. В. Изучение субъективных факторов психологического благополучия одарённых подростков (психодиагностический комплекс) // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 3. С. 13.
4. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта / пер. с англ. М.: Вильямс, 2007. 512 с.
5. Ермаков С. С. Личностные трудности интеллектуально одарённых детей в средней школе (обзор современных зарубежных работ) // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 3. С. 41–49.
6. Ивлев В. Ю., Ивлева М. Л., Иноземцев В. А. Становление новой философско-методологической парадигмы современной науки в условиях информационного общества. М.: ИТО СЕМРИК, 2012. 287 с.
7. Козлова Е. А. К вопросу об одарённости детей // Молодой учёный. 2016. № 21 (125). С. 874–877.

8. Лактионова Е. Б., Грецов А. Г., Орлова А. В. Подходы к проблеме изучения психологического благополучия одарённых учащихся в образовательной среде // Педагогический имидж. 2019. № 4 (45). С. 644–654.
9. Проничева О. В. Развитие компонентов личностного потенциала у подростков с признаками одарённости // Вестник науки. 2024. № 12 (81). Т. 2. С. 903–910.
10. Рабочая концепция одарённости / под ред. Д. Б. Богоявленской, В. Д. Шадрикова. М.: МО РФ, 2003. 39 с.
11. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М.: АН СССР. 1961. 536 с.
12. Трикозенко И. В. Перспективные подходы к развитию интеллектуального и творческого потенциала одарённых детей // Народное образование. 2014. № 6. С. 3–8.
13. Шумакова Н. Б. Климат в классе как условие развития одаренности школьников: к проблеме подготовки современного учителя // Вестник практической психологии образования. 2023. Т. 21. № 3. С. 122–128.
14. Шумакова Н. Б. Творческий потенциал его измерение в современных зарубежных исследованиях // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 1. № 4. С. 8–16.
15. Bishop J. C., Rinn A. N. The potential of misdiagnosis of high IQ youth by practicing mental health professionals: A mixed methods study // High Ability Studies. 2020. Vol. 31. № 2. P. 213–243.
16. Brewster B. J. M., Miller T. Missed opportunity in mathematics anxiety // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2020. Vol. 15. № 3. 12 p.
17. Dai D. Y. Assessing and accessing high human potential: a brief history of giftedness and what it means to school psychologists // Psychology in the Schools. 2020. Vol. 57. № 10. P. 1514–1527.
18. Freeman J. Possible Effects of the Electronic Social Media on Gifted and Talented Children's Intelligence and Relationships // Psychological Science and Education. 2015. Vol. 20. № 1. P. 102–109.
19. Gallagher J. J. Issues in the Education of Gifted Students // Handbook of Gifted Education. New York: Teachers College Press, 1997. Pp. 10–23.
20. Maker C. J. Identifying exceptional talent in science, technology, engineering, and mathematics: increasing diversity and assessing creative problem-solving // Journal of Advanced Academics. 2020. Vol. 31. № 3. P. 161–210.
21. McCoach D. B., Siegle D., Rubenstein L. D. Pay attention to inattention: Exploring ADHD symptoms in a sample of underachieving gifted students // Gifted Child Quarterly. 2020. Vol. 64. № 2. P. 100–116.
22. Pavlova T. S., Kholmogorova A. B. Psychological factors of social anxiety in Russian adolescents // Psychology in Russia: State of the Art. 2017. Vol. 10. № 2. P. 179–191.
23. Pfeiffer S. I. Gifted and talent development in Children and Youth // The Oxford Handbook of Expertise. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 103–127.
24. Reis S. M., Peters P. M. Research on the schoolwide enrichment model: four decades of insights, innovation, and evolution // Gifted Education International. 2021. Vol. 37. № 2. P. 109–141.
25. Renzulli J. S. Reexamining the role of gifted education and talent development for the 21st Century: A four-part theoretical approach // Gifted Child Quarterly. 2012. № 56 (3). P. 150–159.

REFERENCES

1. Adashkina A. A. [Study of the phenomenon of mathematical anxiety in foreign psychology]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2019, vol. 8, no. 1, pp. 28–35.

2. Bogoyavlenskaya D. B. [Study of creativity and giftedness in the traditions of the process-activity paradigm]. In: *Osnovnye sovremennye koncepcii tvorchestva i odaryonnosti* [Basic modern concepts of creativity and giftedness]. Moscow, Psihologiya Publ., 1997. 502 p.
3. Volkova E. N., Vasileva S. V. [Study of subjective factors of psychological well-being of gifted adolescents (psychodiagnostic complex)]. In: *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of Minin University], 2019, vol. 7, no. 3, pp. 13.
4. Gardner G. Theory of Multiple Intelligences (Rus. ed., transl. Struktura razuma: teoriya mnozhestvennogo intellekta. Moscow, Vilyams Publ., 2007. 512 p.).
5. Ermakov S. S. [Personal difficulties of intellectually gifted children in high school (review of modern foreign works)]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2016, vol. 5, no. 3, pp. 41–49.
6. Ivlev V. Yu., Ivleva M. L., Inozemcev V. A. *Stanovlenie novoj filosofskometodologicheskoy paradigmy sovremennoj nauki v usloviyah informacionnogo obshchestva* [Formation of a new philosophical and methodological paradigm of modern science in the context of the information society]. Moscow, ITO Semrik Publ., 2012. 287 p.
7. Kozlova E. A. [On the issue of giftedness of children]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young scientist], 2016, no. 21 (125), pp. 874–877.
8. Laktionova E. B., Grecov A. G., Orlova A. V. [Approaches to the Problem of Studying the Psychological Well-Being of Gifted Students in the Educational Environment]. In: *Pedagogicheskij imidzh* [Pedagogical Image], 2019, no. 4 (45), pp. 644–654.
9. Pronicheva O. V. [Development of Components of Personal Potential in Adolescents with Signs of Giftedness]. In: *Vestnik nauki* [Science Bulletin], no. 12 (81), vol. 2, 2024, pp. 903–910.
10. In: Bogoyavlenskaya D. B., Shadrikov V. D., ed. *Rabochaya koncepciya odaryonnosti* [Working Concept of Giftedness]. Moscow, MO RF Publ., 2003. 39 p.
11. Teplov B. M. *Problemy individual'nyh razlichij* [Problems of Individual Differences]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961. 536 p.
12. Trikozenko I. V. [Promising approaches to the development of intellectual and creative potential of gifted children]. In: *Narodnoe obrazovanie* [Public education], 2014, no. 6, pp. 3–8.
13. Shumakova N. B. [Classroom climate as a condition for the development of giftedness in schoolchildren: on the problem of training a modern teacher]. In: *Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovaniya* [Bulletin of Practical Psychology of Education], 2023, vol. 21, no. 3, pp. 122–128.
14. Shumakova N. B. [Creative potential and its measurement in modern foreign studies]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2021, vol. 1, no. 4, pp. 8–16.
15. Bishop J. C., Rinn A. N. The potential of misdiagnosis of high IQ youth by practicing mental health professionals: A mixed methods study. In: *High Ability Studies*, 2020, vol. 31, no. 2, pp. 213–243.
16. Brewster B. J. M., Miller T. Missed opportunity in mathematics anxiety. In: *International Electronic Journal of Mathematics Education*, 2020, vol. 15, no. 3. 12 p.
17. Dai D. Y. Assessing and accessing high human potential: a brief history of giftedness and what it means to school psychologists. In: *Psychology in the Schools*, 2020, vol. 57, no. 10, pp. 1514–1527.
18. Freeman J. Possible Effects of the Electronic Social Media on Gifted and Talented Children's Intelligence and Relationships. In: *Psychological Science and Education*, 2015, vol. 20, no. 1, pp. 102–109.
19. Gallagher J. J. Issues in the Education of Gifted Students. In: *Handbook of Gifted Education*. New York, Teachers College Press Publ., 1997, pp. 10–23.

20. Maker C. J. Identifying exceptional talent in science, technology, engineering, and mathematics: increasing diversity and assessing creative problem-solving. In: *Journal of Advanced Academics*, 2020, vol. 31, no. 3, pp. 161–210.
21. McCoach D. B., Siegle D., Rubenstein L. D. Pay attention to inattention: Exploring ADHD symptoms in a sample of underachieving gifted students. In: *Gifted Child Quarterly*, 2020, vol. 64, no. 2, pp. 100–116.
22. Pavlova T. S., Kholmogorova A. B. Psychological factors of social anxiety in Russian adolescents. In: *Psychology in Russia: State of the Art*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 179–191.
23. Pfeiffer S. I. Gifted and talent development in Children and Youth. In: *The Oxford Handbook of Expertise*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2021, pp. 103–127.
24. Reis S. M., Peters P. M. Research on the schoolwide enrichment model: four decades of insights, innovation, and evolution. In: *Gifted Education International*, 2021, vol. 37, no. 2, pp. 109–141.
25. Renzulli J. S. Reexamining the role of gifted education and talent development for the 21st Century: A four-part theoretical approach. In: *Gifted Child Quarterly*, 2012, no. 56 (3), pp. 150–159.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чернова Марина Владимировна (Екатеринбург) – аспирант 2 курса Департамента Психологии Уральского федерального университета, учитель иностранного языка Специализированного научного учебного центра Уральского федерального университета; e-mail: chernova-m@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-2377-7474>

Рябцев Максим Сергеевич (Екатеринбург) – академический директор Специализированного научного учебного центра Уральского федерального университета; e-mail: suncurfu@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0008-2573-3987>

Печеркина Анна Александровна (Екатеринбург) – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой возрастной и педагогической психологии, директор департамента психологии, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории нейротехнологий Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; e-mail: a.a.pecherkina@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2261-2505>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Chernova – 2nd year postgraduate student of the Psychology Department of the Ural Federal University, foreign language teacher of the Specialized Scientific Educational Center of the Ural Federal University; e-mail: chernova-m@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-2377-7474>

Maxim S. Ryabtsev – Academic Director of the Specialized Scientific Educational Center of the Ural Federal University; e-mail: suncurfu@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0008-2573-3987>

Anna A. Pecherkina – Cand. Sci. (Psychological Sciences), Assoc. Prof., Head of Department of Developmental and Educational Psychology, Director of Department Psychology, Senior Researcher Educational and Scientific Laboratory of Neurotechnologies of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; e-mail: a.a.pecherkina@urfu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2261-2505>

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-148-161

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Демиденко Н. Н., Константинова С. С.*

Тверской государственный университет

170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, к. «Б», Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: konstsv98@mail.ru*

Поступила в редакцию 09.01.2025

После доработки 06.02.2025

Принята к публикации 07.02.2025

Аннотация

Цель. Исследование актуальных проблем трудовой деятельности современных предпринимателей.

Процедура и методы. Выполнен обзор и теоретический анализ исследований предпринимательской деятельности в психологии труда. С помощью опросного метода, разработанной анкеты для изучения актуальных проблем предпринимателей проведено эмпирическое исследование 50 субъектов данного вида труда, представлены статистические данные и проанализированы полученные результаты.

Результаты. Проведённое исследование показало несоответствие между изучаемыми и описанными в научных источниках аспектами предпринимательства и реальными проблемами предпринимателей, с которыми они столкнулись в своей профессиональной деятельности. Установлено, что к наиболее актуальным проблемам относятся те, что связаны с профессиональным отбором и подбором квалифицированных кадров.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в формировании предметного поля, программ экспериментальных исследований актуальных проблем предпринимателей и создании основы для разработки эффективных программ поддержки и развития бизнеса.

Ключевые слова: бизнес, конкурентоспособность, предпринимательство, эффективность деятельности предпринимателя, профессионально значимые качества, психологическая программа поддержки и развития субъекта предпринимательской деятельности, актуальные проблемы предпринимателей

Для цитирования: Демиденко Н. Н., Константинова С. С. Актуальные проблемы трудовой деятельности современных предпринимателей // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. №1. С. 148-161. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-148-161

Original research article

ACTUAL PROBLEMS OF LABOR ACTIVITY OF MODERN ENTREPRENEURS

N. Demidenko, S. Konstantinova*

Tver State University

Studencheskiy pereulok, 12, str. "B", Tver, 170100, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: e-mail: konstsv98@mail.ru*

Received by the editorial office 09.01.2025

Revised by the author 06.02.2025

Accepted for publication 07.02.2025

Abstract

Aim. Research of actual problems of labor activity of modern entrepreneurs.

Methodology. A review and theoretical analysis of entrepreneurial activity research in labor psychology has been performed. Using the survey method, a questionnaire developed to study the current problems of entrepreneurs, an empirical study of 50 subjects of this type of work was conducted, statistical data were presented and the results were analyzed.

Results. The conducted research has shown a discrepancy between the aspects of entrepreneurship studied and described in scientific sources and the real problems entrepreneurs face in their professional activities. It has been established that the most pressing problems are those related to professional selection and selection of qualified personnel.

Research implications significance lies in the formation of a subject field, experimental research programs on current problems of entrepreneurs and the creation of a basis for the development of effective business support and development programs.

Keywords: business, competitiveness, entrepreneurship, the effectiveness of an entrepreneur, professionally significant qualities, a psychological program for the support and development of a business entity, current problems of entrepreneurs.

For citation: Demidenko N. N., Konstantinova S. S. Actual problems of labor activity of modern entrepreneurs // Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences, 2025, no. 1, pp. 148-161. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-148-161

Введение

В современной жизни любой страны предпринимательство осуществляет большой вклад в экономическое и общественное развитие посредством разработки и внедрения инноваций, создания дополнительных рабочих мест, решения проблемы «среднего

класса», насыщения рынка новыми товарами и услугами. Однако существует достаточное количество факторов, препятствующих реализации успешной предпринимательской деятельности, что снижает возможности вклада в развитие экономики этой категорией трудящихся.

Изучение предпринимательства в контексте психологии труда помогает решать ряд задач, связанных с преодолением негативных факторов, тормозящих развитие бизнеса. Например, исследование личностных профессионально значимых качеств, способствующих предпринимательскому успеху, помогает определить их, разрабатывать программы поддержки и сопровождения, чтобы развить эти качества у предпринимателей и повысить эффективность бизнеса. Исследование психологических аспектов предпринимательской деятельности позволяет разрабатывать методы и программы снижения стресса и повышения личностной психоэмоциональной устойчивости предпринимателей. Понимание реальных проблем предпринимательства и их психологического содержания способствует формированию адекватного предметного поля научных исследований, разработке программ экспериментального изучения важных феноменов, на основе полученных данных – созданию эффективных программ профессионального обучения, развития и психологического сопровождения предпринимателей, разработке стратегий организационного развития и управления изменениями.

В отечественной психологии исследования предпринимательства сфокусированы на изучении личностных качеств, которые мотивируют человека к предпринимательской деятельности и способствуют эффективному осуществлению предпринимательства, а именно: исследование мотивационной составляющей предпринимательской деятельности, исследование локуса контроля и отношения к риску [13].

В зарубежной психологии исследования предпринимательства проводят в контексте концептуальных положений позитивной психологии, акцентируется внимание на развитии таких качеств и стремлений как: надежда на лучшее, оптимизм, уверенность в будущем, личностная самоэффективность, способность к быстрому восстановлению ресурсов после неудач. Основным же направлением исследований является изучение таких характеристик субъекта труда: автономии, способности к инновационным изменениям, склонности к риску, агрессивности в процессе конкуренции, а также предусмотрительности [13].

Практически все современные исследования направлены на поиск конкретных качеств, соответствующих личности успешного и неуспешного предпринимателя, для выявления универсального критерия успешности предприятия. Исследователи уделяют особое внимание разработке эффективных методов и способов их развития для выстраивания беспроблемной системы конкурентоспособного специалиста [15]. Проблема данной темы заключается, прежде всего, в недостаточной изученности реальных проблем предпринимателей, связанных в первую очередь с начальными стадиями формирования предприятия.

В данной работе рассматриваются имеющиеся в психологии труда исследования предпринимателей и проблем, с которыми они сталкиваются в своей трудовой деятельности [1; 3; 4; 7]. Представлены результаты эмпирического исследования актуальных проблем предпринимателей и дан сравнительный анализ выявленных проблем

с общими направлениями исследований предпринимательства в психологии труда.

**Теоретический анализ
общей проблематики
предпринимательства в российской
и зарубежной психологии труда**

Различные аспекты общей проблематики предпринимательства и предпринимательской деятельности многие годы выступают предметом изучения психологов, социологов, экономистов [5; 8; 10; 16]. Анализ научных данных позволяет выделить основные направления исследований: изучение личностных качеств, знаний, умений и навыков предпринимателя, исследование социокультурных аспектов предпринимательства, описание социально-психологического портрета успешного предпринимателя, а также факторов, способствующих успешности предпринимательской деятельности.

Так, П. А. Александров в своём исследовании экономико-психологических аспектов малого предпринимательства в России уделяет особое внимание личностным качествам предпринимателей и психологическому портрету среднестатистического российского предпринимателя. К основным чертам, описывающим их личностный облик, он относит: высокую работоспособность, трудоголизм, высокую мотивацию достижения, самостоятельность и ответственность при принятии решений, умение прогнозировать возможные исходы тех или иных действий, способность к риску, творческое мышление, стремление к новаторству. Автор также указывает на развитие у предпринимателей конфликтности и тревожности, как след-

ствие плохо организованной системы государственной поддержки, трудностей при регистрации бизнеса и создании ИП, а также при его ведении [2].

Х. Н. Магомедова в исследовании психологической специфики предпринимательской деятельности анализирует предпринимателя с точки зрения его знаний, умений и навыков, а также их применения в конкретной практической деятельности. Делается акцент на его социальном статусе в обществе, характеризующимся престижностью, успешностью и процветанием [11].

Е. В. Помазкова в своей работе по изучению экономического сознания предпринимателей указывает на то, что для данного вида деятельности характерно преобладание определённых социокультурных признаков (доминирование экономической свободы, свободный выбор сферы деятельности и основных реализуемых задач; основная цель – получение прибыли; критерий успеха – наличие денежных средств; тайм-менеджмент; высокий уровень риска и ответственности предпринимателя за собственные решения), а также доминирование соревновательного аспекта. Указывается на основные черты, необходимые для успешного предпринимателя: способность к риску, прогнозированию исхода различных действий, а также умение быстро принимать решения в критических ситуациях [14].

Т. Чжан, Р. Стаф и Д. Герловски в исследовании цифрового воздействия и влияния возраста на предпринимательскую деятельность указывают на то, что предприниматели, идущие в ногу со временем, и использующие в своей профессиональной деятельности все элементы цифрового прогрес-

са, с большей вероятностью достигнут успеха, нежели те, кто не уделяют этому должного времени. При этом учёные отмечают, что, несмотря на то в каком возрасте находится предприниматель, он может достигнуть успеха при активном желании непрерывного обучения и развития [20].

Л. Ю. Пан, И. Ч. Цай, Ш. Х. Попан, Ш. Ч. Чанг пишут про предпринимательские стартапы и их неудачи, указывают на существование определённого социально-психологического портрета успешного предпринимателя. Три основных момента, на которых делается акцент, это личная мотивация, способность к обучению, а также поддержка семьи и близких. При наличии у предпринимателя этих составляющих, даже при столкновении с трудностями и риском повторных неудач, он сохраняет позитивный настрой и в конечном счёте достигает успеха [18].

В рамках рассмотрения феномена предпринимательства некоторыми авторами выделяются определённые проблемы, которые могут возникнуть в процессе осуществления данного вида деятельности.

Е. И. Козлова и М. В. Скоринова к основным проблемам предпринимательства относят: отсутствие теоретических базовых знаний в области экономики и предпринимательства, необходимость постоянного лицензирования, финансовые проблемы, низкую доступность кредитов для малого бизнеса, а также нестабильность экономической системы и неподъёмность системы налогообложения [9].

Б. Л. Иваненков и Н. С. Сумаков среди основных проблем современного предпринимательства выделя-

ют: высокую степень риска, несовершенство системы налогообложения, недостаток финансов, жёсткую регламентацию размеров предприятия, его выручки, постоянные проверки и отчёт перед большим количеством инстанций, трудности аренды площадей, проблему с кадрами и их подбором для малого бизнеса, нехватку средств на дополнительное образование и переквалификацию в сфере бизнеса, отсутствие спроса со стороны населения [6].

А. М. Тамаева указывает на то, какие важные и первоочередные проблемы необходимо решить в современной экономике предпринимательства. К ним относятся: расширение использования местных источников сырья для производств, создание необходимых условий для трудоустройства и подбора персонала, ускорение научно-технического прогресса, составление позитивного образа предпринимателя для минимизации представлений о данном виде деятельности, зародившимся в 90-х годах [17].

Е. А. Михуткина и Н. Ю. Никитина к основным проблемам современного предпринимательства в сфере услуг относят: нехватку финансов, недобросовестное отношение со стороны крупного бизнеса, отсутствие финансовой грамотности у предпринимателей, недостаток профессиональных квалифицированных кадров, проблемы в налоговом законодательстве, а также высокую ставку по кредитам для малого бизнеса [12].

Х. Ян, Л. Чжан, Я. Д. Ву, Х. Ши в своём исследовании преимуществ и недостатков современного предпринимательства говорят о том, что в современном обществе предприниматели

находятся на пределах своих ресурсов и ежедневно сталкиваются с нестабильными доходами, высокими рисками, большим давлением со стороны общества, а также невозможностью личного роста и развития в процессе создания и ведения бизнеса [19].

Таким образом, анализ исследований предпринимателей и предпринимательской деятельности показал, что в большинстве случаев изучение строится в контексте исследования личностных качеств и социально-психологического портрета идеального успешного предпринимателя, а также констатируется наличие проблем, на решение которых предприниматели влиять не могут. Исследования же реальных проблем, с которыми сталкиваются предприниматели в своей работе, связаны с непосредственным ведением и осуществлением профессиональной деятельности, т. е. с технической реализацией предпринимательских задач. Это несоответствие указывает на то, что в теории и практике исследования предпринимательства существует значительный разрыв между потребностями предпринимателей в решении определённых проблем и направлениями исследований, прежде всего, в психологии труда, которые лишь косвенно связаны с решением этих проблем. В связи с этим возникает необходимость сосредоточиться на определении актуального содержания предметного поля научных исследований, отвечающих запросам реальной практики предпринимательства, т. е. позволяющих разработать конкретные пути решения и делать практические наработки по преодолению существующих проблем предпринимательства.

Эмпирическое исследование актуальных проблем предпринимательства

В ноябре–декабре 2024 г. нами было проведено исследование, направленное на изучение актуальных проблем предпринимательства.

Цель исследования: изучить актуальные проблемы предпринимателей.

Задачи:

1) Исследовать проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели в своей трудовой деятельности и степень их значимости для предпринимателей.

2) Изучить представления предпринимателей относительно актуальных и возможных способов преодоления проблем.

3) Проанализировать потребности и представления предпринимателей в отношении вопросов формирования команды и обучения командообразованию.

4) Определить запросы предпринимателей в отношении необходимых знаний и навыков для масштабирования своего бизнеса и создания, увеличения, развития команды.

5) Изучить ограничивающие убеждения и страхи, которые мешают предпринимателям действовать более активно.

Процедура исследования: на основе технологии опросного метода была разработана анкета, включающая 19 вопросов (9 из которых – открытые, 10 – закрытые с предложенными вариантами ответов). Анкета содержит в себе 3 блока: первый блок направлен на изучение общих характеристик бизнеса предпринимателей; вопросы второго блока посвящены изучению общих проблем предпринимателей и способам их

преодоления, выявлению необходимых знаний и навыков для развития своего бизнеса; третий блок анкеты направлен на исследование трудностей, связанных с феноменом команды и процессами командообразования, потребностью в необходимых компетенциях для этого направления трудовой деятельности предпринимателя.

Опрос был проведён в электронной форме (в формате «Гугл-формы»), анкета распространялась посредством размещения в группах поддержки предпринимателей г. Твери и Тверской области в социальных сетях и мессенджерах. После завершения сбора данных была проведена обработка и описание результатов исследования посредством частотного анализа и расчёта первичных описательных статистик (средних значений), полученная информация представлена в графическом виде и содержательно проинтерпретирована.

Описание выборки исследования: в исследовании приняли участие 50 предпринимателей, 68% из которых проживают в г. Тверь, а остальные 32% – в других городах. 50% испытуемых осуществляют свою предпринимательскую деятельность в сфере услуг, остальные 50% – в других сферах (торговля, производство, строительство, преподавание, маркетинговые исследования, дизайн, организация мероприятий). Стаж предпринимательской деятельности: 30% респондентов осуществляют свою деятельность на протяжении 1–3 лет, 30% – больше 5 лет, 22% – от 3 до 5 лет, 18% – менее 1 года. Численность сотрудников исследуемых предпринимателей варьируется от 0 до 100. 100% предпринимателей относят свой бизнес к малому (годо-

вой доход до 800 млн рублей, численность работников до 100 человек).

Представим основные результаты эмпирического исследования.

На вопрос о том, какие проблемы предприниматели испытывают в своем бизнесе, были получены следующие результаты (рис. 1).

Из диаграммы видно, что для большинства предпринимателей существенными проблемами являются: нехватка клиентов (54%), нехватка квалифицированных кадров (46%) и трудности в найме сотрудников (42%). Отметим, что наряду с проблемой недостатка клиентов, довольно остро перед предпринимателями стоит вопрос о том, где и как искать, а также нанимать сотрудников в свою команду, что, безусловно, указывает на недостаток психологических компетенций предпринимателей в этом направлении их трудовой активности.

В соответствии с замыслом исследования, нам важно было понять, как предприниматели оценивают свои проблемы с точки зрения их серьёзности для бизнеса. Отвечая на соответствующий вопрос анкеты, предприниматели поделились своим мнением, и мы смогли установить определённый рейтинг значимости их для респондентов (рис. 2).

По результатам анализа средних значений серьёзности проблем, испытываемых в бизнесе, можно сказать, что к наиболее значимым проблемам предприниматели относят трудности в поиске и найме сотрудников и нехватку квалифицированных кадров. Данные результаты с психологической точки зрения, прежде всего, связаны с отсутствием у предпринимателей навыков подбора и отбора персонала.

Рис. 1 / Fig. 1. Статистические данные анкетирования предпринимателей по вопросу актуальных проблем, испытываемых в бизнесе / Statistical data from a survey of entrepreneurs on current problems experienced in business

Рис. 2 / Fig. 2. Средние значения серьезности проблем, испытываемых в предпринимательской деятельности / Average values of severity of problems experienced in entrepreneurial activity

Для достижения цели исследования необходимо было выяснить, каким образом действуют предприниматели в ситуации столкновения с трудностями. В анкете предприниматели указали, что справляться с возникающими трудностями им помогают: опыт, информация в интернете, советы знакомых и друзей, обучение, консультации юристов, просмотр проектов на YouTube, коллеги, уверенность в себе, государственная субсидия, найм высококвалифицированных кадров, реклама, психолог. Большинство из респондентов отмечало, что они справлялись с проблемами самостоятельно. Однако заметим, что в настоящее время существует большое количество программ поддержки бизнеса и предпринимателей (как государственных, так и коммерческих). Например, Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», Программа поддержки стартапов VK Cloud, Цифровая платформа МСП.РФ, различные сообщества поддержки предпринимателей в социальных сетях, а также коммерческие бизнес-курсы и бизнес-школы и т. д. Несмотря на это, большинство предпринимателей используют другие источники для поиска важной информации о бизнесе и решении своих проблем в нём. Можно предположить, что такой выбор обоснован недоступностью официальных программ и ресурсов для помощи начинающим предпринимателям, а также отсутствием необходимой информации в рамках этих программ.

Необходимо отметить, что при высокой значимости проблем, связанных с поиском и наймом высококвалифици-

цированных кадров, предприниматели указали способы решения данных проблем, которые нельзя считать достаточно эффективными в данном случае. Подбор и отбор персонала являются сложными, поэтапными и многоступенчатыми процессами, требующими от предпринимателя дополнительной профессиональной подготовки.

Большинство предпринимателей (88%) хотят масштабировать свой бизнес и отмечают, что для этого им необходимы знания в сфере маркетинга и продвижения (78%), знания в сфере менеджмента и управления (50%), знания в сфере юриспруденции и правового регулирования (36%), знания в сфере психологии (34%), знания в сфере экономики и финансов (30%), другое (6%) и такие навыки, как управление временем (52%), финансовая грамотность (48%), нетворкинг (40%), навыки командообразования (38%), коммуникативные навыки (36%), др. (4%).

Данные опроса показывают, что несмотря на то, что у предпринимателя может быть целый штат сотрудников, не всегда можно назвать их командой по причине отсутствия соответствующих особенностей взаимодействия. Например, сотрудники не взаимодействуют между собой и обособлены друг от друга. Вопрос о наличии команды позволил установить, что 62% предпринимателей считают, что у них есть команда, 30%, что команды нет, 8% не могут ответить на этот вопрос. В качестве основных планов развития команды в будущем были указаны: расширение штата, найм высококвалифицированных сотрудников, масштабирование и увеличение заказов, делегирование работы, улучшение условий труда, обучение кадров, введе-

ние бонусов для сотрудников, развитие корпоративной культуры.

В качестве трудностей и ограничений, связанных с созданием/увеличением команды, предприниматели выделяют: неумение проводить собеседование и составлять описание вакансии, правильно диагностировать сотрудников по критериям должности, непонимание того, как обучать сотрудников, отсутствие навыков управления персоналом, непонимание, как и с чего начинать ведение бизнеса, нехватку заказов, отсутствие финансирования, нехватку квалифицированных кадров, проблемы с мотивацией, большую конкуренцию.

К знаниям и навыкам, которые необходимы для того, чтобы создать/увеличить команду сотрудников предприниматели относят: навыки командообразования, управления персоналом, обучения персонала, знания в сфере маркетинга и продвижения, экономики и финансов, юриспруденции и правового регулирования, коммуникативные навыки, нетворкинг, тайм-менеджмент, знания в области психологии, навыки по найму персонала, делегированию полномочий.

Исследуемые предприниматели осознают возможности, которые откроются перед ними в случае создания/увеличения команды сотрудников, и выделяют среди них: увеличение дохода и числа заказов, делегирование основных полномочий, появление большего времени на отдых, возможность тратить больше финансов на рекламу и продвижение, расширение услуг, масштабирование бизнеса, улучшение условий труда сотрудников, появление уверенности и спокойствия, стабильность.

Респонденты отмечают, что есть некоторые трудности и ограничения, с которыми они могут столкнуться из-за создания/увеличения команды сотрудников, а именно: увеличение ответственности, рисков, налогов, расширение организационных задач, необходимость сплочения коллектива и управления им, нехватка финансирования, необходимость грамотной организации людей.

Из результатов исследования видно, что у предпринимателей есть потребность расширять бизнес, создавать команду и обучаться процессу командообразования, однако наряду с финансовыми и организационными трудностями, стоит учитывать человеческий фактор и психологические трудности, мешающие развиваться в этом направлении. В качестве основных страхов и убеждений, мешающих создавать/увеличивать команду сотрудников, предприниматели выделяют: страх не справиться с большим количеством сотрудников, страх обмана, увеличения текучести кадров, страх ответственности, страх делегирования, сложности в обеспечении сотрудников достойными условиями труда, увеличение расходов, потеря мотивации, страх, что вклад средств и сил в сотрудника не оправдается, неуверенность в качестве работы, недостаток времени, невозможность построить хорошие отношения внутри команды.

По результатам опроса было установлено, что основные проблемы предпринимателей сосредоточены в сфере малого бизнеса и связаны с недостатком клиентской базы, трудностями в поиске и найме сотрудников, нехваткой высококвалифицированных кадров. В связи с этим предприниматели выделяют следующие необходимые им

профессиональные компетенции, которые необходимо формировать: навыки командообразования и подбора персонала, навыки по развитию, психологическому сопровождению и профессиональному обучению персонала, коммуникативные навыки.

Заключение

Таким образом, на основании теоретического анализа и результатов эмпирического исследования можно констатировать, что существует противоречие в направлениях исследований предпринимателей в психологии труда и реальными проблемами предпринимательской деятельности, с которыми сталкиваются бизнесмены. Изучение личности предпринимателя и социально-психологического портрета успешного предпринимателя не позволяют решить те актуальные проблемы, которые возникают у предпринимателей в процессе реализации профессиональной деятельности.

В результате опроса было выявлено, что наиболее значимыми для предпринимателей являются трудности в поиске клиентов и проблемы с подбором высококвалифицированных кадров. Среди применяемых способов преодоления указанных проблем они предпочитают самостоятельное изучение доступных ресурсов, обращение за помощью к коллегам, знакомым и другим специалистам, опираются на личный опыт работы. У большинства предпринимателей были выявлены потребности в расширении своего бизнеса, включающем создание или увеличение команды, и потребность в дополнительном обучении с целью развития соответствующих компетенций. Предприниматели отмечают, что для

реализации данных целей им требуются навыки командообразования, управления персоналом и обучения сотрудников. Кроме того, в ходе исследования были выявлены определённые ограничивающие убеждения, страхи, которые мешают предпринимателям действовать более активно в направлении расширения своего бизнеса: увеличение ответственности и рисков, усложнение организационных и управленческих задач, большие финансовые затраты.

Полученные эмпирическим путём данные позволяют конкретизировать задачи исследований в области психологии труда:

Изучение компетенций и профессионально-важных качеств предпринимателей, необходимых для привлечения клиентов и покупателей к их продукту или услуге, а также способов формирования этик компетенций.

Изучение компетенций и профессионально-важных качеств, необходимых предпринимателю для реализации задач профессионального отбора и командообразования, а также путей формирования этих компетенций.

Стратегически и в прикладном контексте можно утверждать, что на основе данных исследований станет возможным создание программ повышения квалификации, психологической поддержки и психологического сопровождения предпринимателей в вопросах развития бизнеса, в частности, в вопросах, связанных с привлечением клиентов и подбором высококвалифицированных кадров, что будет, в свою очередь, способствовать развитию организации, эффективному функционированию бизнеса, экономическому росту страны в целом, а также улучшению жизненных условий населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Р. Р., Еремина Н. В., Мусостов З. Р. Основные критерии и проблемы малого предпринимательства в России // Естественнo-гуманитарные исследования. 2021. № 5 (37). С. 22–27.
2. Александров П. А. Экономико-психологические аспекты малого предпринимательства в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 56. С. 109–115.
3. Васильева А. А., Кузьмина Е. В. Проблемы и перспективы развития предпринимательства в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 12-3. С. 6–8.
4. Вернигора С. О., Соловьева Е. В. Основные проблемы молодёжного предпринимательства в современной России // Телескоп. 2023. № 2. С. 161–169.
5. Горбачева С. Развитие предпринимательства в современной России: проблемы и пути решения // StudNet. 2018. № 4. С. 6–11.
6. Иваненков Б.Л., Сумаков Н.С. Актуальные проблемы современного предпринимательства России // Форум молодых учёных. 2017. № 1 (5). С. 264–269.
7. Иджилова Д. В., НатYROва Б. А., Чадлаева Н. Е. Основные проблемы развития малого и среднего предпринимательства в современных условиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 11-1. С. 92–96.
8. Иджилова Д. В., Оджaев М. В., Демкин Ц. Ю. Особенности развития российского предпринимательства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 1-1. С. 59–62.
9. Козлова Е.И., Скорикова М.В. Основные проблемы предпринимательства в России // Заметки ученого. 2020. № 5. С. 81–84.
10. Кондраков Н. П., Кондраков И. Н. Основы малого и среднего предпринимательства: практическое пособие. М.: НИЦ Инфра-М, 2013. 446 с.
11. Магомедова Н. Х. Психологическая специфика предпринимательской деятельности // Вестник университета. 2015. № 7. С. 294–296.
12. Михуткина Е. А., Никитина Н. Ю. Современные проблемы развития предпринимательской деятельности в сфере услуг // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VI Международной научно-практической конференции / Екатеринбург, 27–28 апреля 2020 года. Т. 1. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. С. 200–204.
13. Позняков В. П. Программы и методики социально-психологического исследования российских предпринимателей. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2010. 192 с.
14. Помазкова Е.В. Экономическое сознание современных предпринимателей // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 4. С. 163–180. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-163-180.
15. Рахманова М. С. Проблемы развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2021. № 3. С. 53–61.
16. Сухорукова И. В. Проблемы малого и среднего предпринимательства в 2021 году в России // Научные междисциплинарные исследования. 2021. № 5. С. 101–103.
17. Тамаева А. М. Пути решения проблем предпринимательства // Наука: Общество. Экономика. Право. 2020. № 2. С. 174–178. DOI: 10.34755/IROK.2020.63.85.067.
18. Pan L. U., Tsai I. Ch., Popan S. H. Entrepreneurial business start-ups and entrepreneurial failure: How to stand up after a fall? // Frontiers in Psychology. 2021. № 13. P. 2–13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.943328.

19. Yang H., Zhang L., Wu Y. J. Benefits and Costs of Happy Entrepreneurs: The Dual Effect of Entrepreneurial Identity on Entrepreneurs' Subjective Well-Being // *Frontiers in Psychology*. 2021. № 12. P. 2–17. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.767164.
20. Zhang T., Stough R., Gerlowski D. Digital exposure, age, and entrepreneurship // *The Annals of Regional Science*. 2022. № 69. P. 633–681. DOI: 10.1007/s00168-022-01130-0.

REFERENCES

1. Avanesova R. R., Eremina N. V., Musostov Z. R. [The main criteria and problems of small entrepreneurship in Russia]. In: *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural Sciences and Humanities], 2021, no. 5 (37), pp. 22–27.
2. Aleksandrov P. A. [Economic and psychological aspects of small entrepreneurship in Russia]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2017, no. 56, pp. 109–115.
3. Vasil'eva A. A., Kuz'mina E. V. [Problems and prospects for the development of entrepreneurship in Russia]. In: *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and business: theory and practice], 2021, no. 12-3, pp. 6–8.
4. Vernigora S. O., Solov'eva E. V. [The main problems of youth entrepreneurship in modern Russia]. In: *Teleskop* [Telescope], 2023, no. 2, pp. 161–169.
5. Gorbacheva S. [Development of entrepreneurship in modern Russia: problems and solutions]. In: *student*, 2018, no. 4, pp. 6–11.
6. Ivanenkov B. L., Sumakov N. S. [Actual problems of modern entrepreneurship in Russia]. In: *Forum molodyh uchyonyh* [Forum of young scientists], 2017, no. 1 (5), pp. 264–269.
7. Idzhilova D. V., Natyrova B. A., Chadlaeva N. E. [The main problems of development of small and medium entrepreneurship in modern conditions]. In: *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2022, no. 11-1, pp. 92–96.
8. Idzhilova D. V., Odzhaev M. V., Demkin C. Yu. [Features of development of Russian entrepreneurship]. In: *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2019, no. 1-1, pp. 59–62.
9. Kozlova E. I., Skorikova M. V. [The Main Problems of Entrepreneurship in Russia]. In: *Zametki uchenogo* [Notes of a Scientist], 2020, no. 5, pp. 81–84.
10. Kondrakov N. P., Kondrakov I. N. *Osnovy malogo i srednego predprinimatel'stva: prakticheskoe posobie* [Fundamentals of Small and Medium Entrepreneurship: A Practical Guide]. Moscow, NIC Infra-M Publ., 2013. 446 p.
11. Magomedova N. H. [Psychological Specifics of Entrepreneurial Activity]. In: *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 2015, no. 7, pp. 294–296.
12. Mihutkina E. A., Nikitina N. Yu. [Modern problems of development of entrepreneurial activity in the service sector]. In: *Strategii razvitiya social'nyh obshchestv, institutov i territorij: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Ekaterinburg, 27–28 aprelya 2020 goda* [Strategies for development of social communities, institutions and territories: materials of the VI International scientific and practical conference / Ekaterinburg, April 27–28, 2020]. Vol. 1. Yekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin Publ., 2020, pp. 200–204.
13. Poznyakov V. P. *Programmy i metodiki social'no-psihologicheskogo issledovaniya rossijskih predprinimatelej* [Programs and methods of socio-psychological research of Russian entrepreneurs]. Moscow, Publishing house of Moscow University for the Humanities, 2010. 192 p.

14. Pomazkova E. V. [Economic consciousness of modern entrepreneurs]. In: *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* [Modern studies of social problems], 2021, vol. 13, no. 4, pp. 163–180. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-4-163-180.
15. Rahmanova M. S. [Problems of Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation]. In: *Territoriya novykh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta* [Territory of New Opportunities. Bulletin of Vladivostok State University], 2021, no. 3, pp. 53–61.
16. Suhorukova I. V. [Problems of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in 2021 in Russia]. In: *Nauchnye mezhdisciplinarnye issledovaniya* [Scientific Interdisciplinary Research], 2021, no. 5, pp. 101–103.
17. Tamaeva A. M. [Ways to Solve Entrepreneurship Problems]. In: *Nauka: Obshchestvo. Ekonomika. Pravo* [Science: Society. Economy. Law], 2020, no. 2, pp. 174–178. DOI: 10.34755/IROK.2020.63.85.067.
18. Pan L. U., Tsai I. Ch., Popan S. H. Entrepreneurial business start-ups and entrepreneurial failure: How to stand up after a fall? In: *Frontiers in Psychology*, 2021, no. 13, pp. 2–13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.943328.
19. Yang H., Zhang L., Wu Y. J. Benefits and Costs of Happy Entrepreneurs: The Dual Effect of Entrepreneurial Identity on Entrepreneurs' Subjective Well-Being. In: *Frontiers in Psychology*, 2021, no. 12, pp. 2–17. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.767164.
20. Zhang T., Stough R., Gerlowski D. Digital exposure, age, and entrepreneurship. In: *The Annals of Regional Science*, 2022, no. 69, pp. 633–681. DOI: 10.1007/s00168-022-01130-0.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Демиденко Надежда Николаевна (Тверь) – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры «Психология труда и клиническая психология» Тверского государственного университета;

e-mail: nndem@list.ru; <https://orcid.org/0009-0000-1065-7354>

Константинова Светлана Сергеевна (Тверь) – аспирант 1 курса факультета психологии Тверского государственного университета, преподаватель кафедры «Психология труда и клиническая психология» Тверского государственного университета;

e-mail: konstsv98@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7497-3261>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nagezhda N. Demidenko (Tver) – Dr. Sci. (Psychological Sciences), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Occupational Psychology and Clinical Psychology at Tver State University;

e-mail: nndem@list.ru; <https://orcid.org/0009-0000-1065-7354>

Svetlana S. Konstantinova – 1st year Postgraduate student at the Faculty of Psychology of Tver State University, lecturer at the Department of Occupational Psychology and Clinical Psychology at Tver State University;

e-mail: konstsv98@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7497-3261>

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
2025. № 1

Над номером работали:
Ответственный редактор И. А. Потапова
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик В. А. Дворянов
Компьютерная вёрстка – Б. В. Булгаков
Корректор В. М. Пастарнак

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
Сайты: www.psymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 10,25, уч.-изд. л. 11

Подписано в печать: 06.03.2025 г. Дата выхода в свет: 10.03.2025 г. Заказ № 2025/03-01.
Отпечатано в типографии Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2